

АРТЕМИС
ФАУЛ

ЗОВ
АТЛАНТИДЫ

ЙОН КОЛФЕР

2418179

Артемис Фаул

Артемис Фаул. Миссия в Арктику

Артемис Фаул. Код Вечности

Артемис Фаул. Секретные материалы

Артемис Фаул. Ответный удар

Артемис Фаул. Затерянный мир

Артемис Фаул. Парадокс времени

Артемис Фаул. Зов Атлантиды

ЙОН КОЛФЕР

АРТЕМИС
ФАУЛ

ЗОВ
АТЛАНТИДЫ

ЭКСМО
Москва
2011

Санкт-Петербург
ИДДОМИНО

УДК 82-93
ББК 84(7США)
К 60

Eoin Colfer

ARTEMIS FOWL AND THE ATLANTIS COMPLEX

© 2010 by Eoin Colfer

From ARTEMIS FOWL: THE ATLANTIS COMPLEX
by Eoin Colfer. Cover image by Owen Richardson © 2010.
Reprinted by permission of Disney • Hyperion. All rights reserved.

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Колфер Й.

К 60

Артемис Фаул. Зов Атлантиды / Йон Колфер ; [пер. с англ. Н. Берденникова]. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. – 480 с.

ISBN 978-5-699-52612-3

Артемис Фаул — гений, это общеизвестный факт. Единственный человек, сумевший проникнуть в тайны волшебного народа. Наследник великой преступной империи Фаулов. Незаурядно и широко одаренный юноша. И при этом, по мнению многих, совершенно невыносимый тип. Впрочем, за те три года, что минули со времени его знакомства с волшебным народцем, у Артемиса появились друзья. Пройдя вместе с ним через огонь и воду, пережив путешествия во времени и в параллельные миры, они научились принимать его таким, какой он есть. Да и Артемис изменился. Друзья стали даже поговаривать, что он стал совершенно другим человеком. Как же они ошибались!.. Это ему еще только предстоит. Вот вы, например, способны представить себе вежливого и дружелюбного Артемиса Фаула? Правильно, не способны. Поэтому спасайся, кто может!

Впервые на русском языке! Новый роман из легендарной саги об Артемисе Фауле!

УДК 82-93
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-52612-3

© Н. Берденников, перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2011

*Посвящается Кьярану,
который услышит много историй о регби*

•

АРТЕМИС ФАУЛ

ПОКА ЧТО ВСЕ ПЛОХО

Жил-был в Ирландии мальчик, который хотел знать все на свете и читал книгу за книгой, пока мозги у него не распухли от астрономии, математического анализа, квантовой физики, романтической поэзии, криминалистики и антропологии помимо сотен других предметов. Но больше всего он любил одну тоненькую книжку. Сам он ее никогда не открывал, ее читал ему на ночь отец: старый томик в твердом переплете под названием «Золотой горшок» повествовал о жадном пареньке, изловившем лепрекона в тщетной попытке завладеть его сокровищами.

Отец произносил последнее слово на последней странице, то есть «Конец», закрывал потер-

тый том в кожаном переплете, улыбался сыну и говорил: «Идея у этого мальчика была верная. Спланируй он получше, все бы у него получилось». Довольно странное высказывание для отца. *Ответственного* отца, по крайней мере. Впрочем, это был нетипично ответственный родитель — Артемис Фаул I, ключевая фигура в одной из крупнейших преступных империй планеты. И ребенок тоже был нетипичный — Артемис Фаул II, которому в скором времени предстояло самому стать весьма выдающейся личностью как в человеческом мире, так и в волшебном, скрытом под человеческим.

«Спланируй он получше... — часто думал Артемис, после того как отец целовал его в лоб перед сном. — Спланируй он получше...»

Он засыпал, и ему снилось золото.

Подрастая, юный Артемис часто вспоминал о «Золотом горшке». Поступив в школу, он даже провел небольшое исследование и с удивлением обнаружил множество убедительных доказательств существования волшебного народа. Эти продолжительные часы изысканий и планирования служили мальчику не более чем легкомысленным развлечением, пока его отец не пропал в Арктике в результате одного недо-

разумения между ним и русской мафией. Империя Фаулов быстро развалилась, из всех щелей полезли кредиторы, а должники попрятались.

«Все зависит только от меня,— понял Артемис.— Я должен восстановить состояние и найти отца».

Поэтому он стряхнул пыль с материалов о лепреконе. Он поймает представителя сказочного народца и потребует за него выкуп золотом.

«Только юный гений способен осуществить такой план,— справедливо заключил Артемис.— Достаточно взрослый, чтобы понимать принципы торговли, и достаточно юный, чтобы верить в волшебство».

С помощью своего могучего телохранителя Дворецки одиннадцатилетний Артемис и впрямь сумел поймать лепрекона и запереть его в укрепленном подвале поместья Фаулов. Но лепрекон оказался эльфийкой. И притом весьма человекоподобного вида. Артемис, планировавший пленить существо низшего порядка, вдруг почувствовал себя неловко, увидев, что похитил девушку.

Возникли и другие осложнения — эти лепреконы совсем не походили на дурацких фее-

чек из сборников сказок. Они оказались гордыми, технически высокоразвитыми существами, бойцами элитного подразделения подземной полиции — Легиона подземной полиции разведывательного корпуса особого назначения, или, сокращенно, ЛеППРКОНа. И Артемис Фаул похитил Элфи Малой — первую эльфийку-капитана в истории подразделения. Поступок, отнюдь не снискавший ему любви хорошо вооруженного подземного мира.

Но, несмотря на робкие укоры со стороны совести и отчаянные попытки сорвать его план со стороны подземной полиции, Артемис заполучил-таки свое золото, пусть и далеко не честным путем, а в обмен отпустил эльфийку.

Итак, все хорошо, что хорошо кончается?
Не совсем.

Не успела Земля опомниться после первого за многие десятилетия конфликта между людьми и волшебным народцем, как полиция Нижних Уровней раскрыла заговор, целью которого являлось снабжение банд гоблинов источниками питания для их лазеров модели «тупорыл». Подозреваемым номер один оказался, разумеется, Артемис Фаул. Элфи Малой доставила ирландского мальчишку на допрос в Гавань, подземный город волшебного народ-

ца, но тут, к ее немалому удивлению, выяснилось, что Артемис Фаул совершенно ни при чем. Эти двое заключили хрупкое соглашение, в соответствии с которым Артемис брался выследить поставщика гоблинов, а Элфи обещала помочь ему вызволить отца из лап захватившей его русской мафии. Обе стороны выполнили свои обязательства и в итоге преисполнились друг к другу уважения и доверия, подкрепленных общим язвительным чувством юмора.

Таковыми их отношения и оставались — до недавних пор. Но в последнее время кое-что изменилось. Разум Артемиса, по-прежнему острый, затуманился.

Если раньше Артемис видел то, чего не видел никто другой, то теперь он стал видеть то, чего вовсе не было...

ГЛАВА 1

ХОЛОДНЫЕ ФЛЮИДЫ

Ватнайёкюдль, Исландия

Ватнайёкюдль — крупнейший ледник в Европе, больше пяти тысяч иссиня-белых квадратных миль. Необитаемый и по большей части пустынный, он представляет собой идеальное с научной точки зрения место для того, чтобы Артемис Фаул продемонстрировал волшебному народцу, как именно он собирается спасти мир. Кроме того, эффектный фон никогда еще не вредил презентации.

Одним из уголков Ватнайёкюдля, куда люди иногда все-таки заглядывают, является ресторан «Большой поморник», расположенный на берегу ледникового озера и с мая по август

обслуживающий туристов, любящих полазить по ледникам. Артемис договорился встретиться с владельцем закрытого до нового сезона заведения спозаранку первого сентября. В свой пятнадцатый день рождения.

Артемис вел снегоход вдоль неровного берега озера. Ледник здесь полого уходил в черную воду, чью поверхность украшали причудливые узоры из битых льдин. Ветер ревел в ушах, словно возбужденная толпа на стадионе, и приносил с собой острые, как наконечники стрел, льдинки, секшие нос и губы, словно картечью. Необозримое и безжалостное пространство, и Артемис прекрасно понимал: любая полученная в этой снежной пустыне травма приведет к быстрой и мучительной смерти — или как минимум к чудовищному унижению перед вспышками фотоаппаратов последних в этом сезоне туристов, что было бы немного менее мучительно, чем мучительная смерть, зато длилось бы дольше.

Владелец «Большого поморника» — дюжий исландец, гордый обладатель моржовых усов, размерами не уступавших размаху крыльев большого баклана, и малоправдоподобного имени Адам Адамсон, стоял на крыльце ресторана, прищелкивая пальцами и притопывая в

такт звучавшей только у него в голове музыке, да еще находил время хихикать, наблюдая за неравномерным продвижением Артемиса по замерзшему берегу озера.

— Прекрасное представление, — сказал Адамсон, когда Артемис наконец воткнул нос снегохода в крыльцо ресторана. — Черт возьми, *hardur madur**, последний раз я так смеялся, когда мой пес пытался сожрать собственное отражение.

Артемис мрачно ухмыльнулся, понимая, что ресторатор потешается над его водительскими навыками, вернее, над их полным отсутствием. Бурча себе под нос, он принялся неуклюже слезать со снегохода, словно ковбой, у которого посреди трехдневного перегона скота пала лошадь, из-за чего пришлось оседлать самую толстую корову в стаде.

— Теперь ты и ворчишь, совсем как мой пес, — загоготал старик.

Артемис Фаул терпеть не мог выглядеть нелепо, но в отсутствие телохранителя Дворецки приходилось полагаться лишь на собственные моторные навыки, а те, как известно, остав-

---

* Крутой парень (исландский сленг). (Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. перев.)

ляли желать лучшего. Один остряк шестиклассник из школы Св. Бартлби, наследник гостиничной империи, прозвал Артемиса Ловоножкой Фаулом — мол, у того обе ноги левые и он не может попасть по футбольному мячу ни одной из них. С неделю Артемис терпел обзывательства, а потом купил сеть отелей, которую предполагал унаследовать юморист. Насмешки мгновенно прекратились.

— Полагаю, все готово? — спросил Артемис, сжимая и разжимая пальцы в патентованных перчатках из неопрена.

Он заметил, что одна ладонь нагрелась сильнее, — вероятно, когда он налетел на глыбу льда в полумиле вниз по берегу, термостат вышел из строя. Юноша выдернул провод питания зубами: особое переохлаждение ему не грозило, поскольку осенью температура в здешних местах держалась около нуля.

— И ты здравствуй, — отозвался Адамсон. — Приятно наконец встретиться с тобой лицом к лицу, если не с глазу на глаз.

Артемис не клюнул на закинутую Адамсоном приманку для «налаживания отношений». В данный момент в его жизни не было места очередному ненадежному другу.

— Мистер Адамсон, я не собираюсь просить руки вашей дочери, так что, думаю, мы можем пропустить светскую болтовню, которую вы чувствуете себя обязанным поддержать. Повторяю, все уже готово?

Заранее придуманные темы непринужденной беседы застряли у Адама Адамсона в горле, и он кивнул с полдюжины раз.

— Все готово. Твой ящик находится в задней комнате. Я доставил вегетарианские закуски и все необходимое из санатория «Голубая лагуна». Расставил сиденья, как ты просил в этом твоём лаконичном сообщении по электронной почте. Кстати, никто из твоих друзей до сих пор не появился, только ты один, и это после всех моих трудов...

Артеми́с извлек из багажного отсека снегохода алюминиевый чемоданчик.

— Не беспокойтесь на этот счет, мистер Адамсон. Почему бы вам не отправиться в Рейкьявик потратить часть непомерной суммы, содранной вами с меня за использование в течение пары часов вашего, честно говоря, третьеразрядного ресторана, и, может быть, найти какой-нибудь одинокий пенёк, готовый с удовольствием выслушать вашу скорбную повесть?

«Пара часов. Третьеразрядный. Два плюс три равно пять. Отлично».

Теперь настала очередь Адамсона ворчать, и его вислые моржовые усы слегка задрожали.

— Зачем же так, юный Фаул? Все мы люди. А людям положена толика уважения.

— Да ну? Может быть, спросим об этом китов? Или норок?

Адамсон нахмурился, его обветренное лицо сморщилось, как чернослив.

— Ладно, ладно. Я все понял. Не вижу, однако, почему я должен отвечать за все человечество. Все вы, подростки, одинаковы. Посмотрим, как поступит с планетой ваше поколение.

Артемис щелкнул замком чемоданчика ровно двадцать раз, прежде чем войти в ресторан.

— Поверьте, не все мы одинаковы, — сказал он, проходя мимо Адамсона. — Лично я намереваюсь поступить с планетой гораздо лучше, чем вы.

В зале ресторана имелось больше дюжины столов, заставленных перевернутыми стульями, и только один накрытый льняной скатертью, на нем стояли бутылки с ледниковой водой и лежали сумочки с туалетными принадлежностями у каждого из пяти мест.

«Пять,— подумал Артемис.— Хорошее число. Надежное. Предсказуемое. Четырежды пять — двадцать».

Совсем недавно Артемис решил, что пять — его число. Хорошие события происходили, когда участвовала пятерка. Логическая часть его разума твердила о нелепости данной идеи, но трудно игнорировать тот факт, что все трагедии в его жизни случились в те годы, которые не делились на пять: его отец пропал и стал калекой, старый друг и глава полиции Нижних Уровней Джулиус Крут из ЛеППРКОНа был убит печально известной пикси Опал Кобой,— и оба этих события произошли в годы без пятерок. Рост Артемиса составлял пять футов и пять дюймов, а весил он пятьдесят пять килограммов. Если он касался чего-либо пять раз или кратно этому числу, вещь не подводила. Дверь, например, оставалась закрытой, или талисман продолжал защищать проход, как и полагалось.

На этот раз все приметы выглядели благоприятными. Ему пятнадцать лет. Три раза по пять. В Рейкьявике он остановился в гостиничном номере сорок пять. У снегохода, доставившего его сюда в целости и сохранности, был кратный пяти регистрационный номер, а объем двигателя составлял пятьдесят кубических

сантиметров. Все нормально. Он ждал четверых гостей, но вместе с ним получится пятеро. Никаких причин для паники.

Но какая-то частица Артемиса Фаула содрогалась от ужаса при одной мысли, что он поддался такому нелепому суеверию.

«Возьми себя в руки. Ты — Фаул. Фаулы не полагаются на удачу. Избавься от этих смехотворных наваждений и навязчивых идей».

Артемис пощелкал замком чемоданчика, чтобы умиротворить богов чисел — двадцать раз, четырежды пять, — и почувствовал, как замедляется биение сердца.

«Избавлюсь от дурных привычек завтра, когда покончу с этим делом».

Он слонялся по предназначенному для метрдотеля возвышению, пока Адамсон на своем тракторе-снегоходе не скрылся за изогнутым снежным хребтом, который вполне мог некогда служить позвоночником киту. После этого Артемис выждал еще минуту, пока отдаленный рокот двигателя не превратился в хрип заядлого курильщика.

Отлично. Пора заняться делом.

Артемис спустился по пяти ступенькам на пол главного зала ресторана (превосходно, хорошая примета), обошел несколько колонн,

увешанных копиями маски из Стора-Борга*, и остановился во главе накрытого стола. Стулья были расставлены так, чтобы сидящие на них смотрели на него, и легкое мерцание, похожее на полуденное марево, прокатывалось по скатерти.

— Доброе утро, друзья,— приветствовал Артемис гостей, заставив себя произносить слова гномьего языка уверенным, почти веселым тоном.— Сегодня нам предстоит спасти мир.

Марево словно зарядилось электричеством, неоновые-белые помехи с треском пробежали по нему, и в глубине, как призраки во сне, проступили лица. Затем их черты сделались отчетливее, появились туловища и конечности. Возникли маленькие, почти детские фигурки. Почти, но не совсем. Гости были представителями волшебного народца, и некоторых из них Артемис считал друзьями. Других друзей у него пожалуй что и не было.

— Спасти мир? — переспросила капитан ЛеППРКОНа Элфи Малой.— Все тот же старина Артемис Фаул, и речь моя полна сарказма, поскольку спасти мир совсем не в твоём духе.

---

* Маска предположительно ритуального назначения, найденная в Стора-Борге на юге Исландии.

Артемис понимал, что следует улыбнуться, но не смог, поэтому нашел к чему прицепиться, вполне в своем духе.

— Жеребкинс, тебе нужен новый усилитель защитного экрана,— сказал он кентавру, не уключе восседавшему на стуле, предназначенном для людей.— Я заметил мерцание еще с крыльца. И ты называешь себя экспертом в области техники? Сколько лет этому, которым ты пользуешься?

Жеребкинс топнул копытом, что было признаком раздражения и причиной его вечных проигрышей в карты.

— Я тоже рад тебе, вершок.

— Сколько лет мы не виделись?

— Не помню. Года четыре.

— Четыре. Вот видишь. Что это еще за модель?

Жеребкинс презрительно оттопырил нижнюю губу.

— Еще? Вот именно что еще! Этот усилитель прослужит *еще* сотню лет. Может быть, его стоит немного подстроить, но не более того.

Элфи встала и легким шагом прошла во главу стола.

— Вам обязательно с ходу начинать препи-
раться? За столько лет не приелось? Словно

две дворняги, метящие территорию.— Она положила два тонких пальца Артемису на предплечье.— Отстань от него, Артемис. Ты прекрасно знаешь, как обидчивы кентавры.

Артемис не смел посмотреть ей в глаза. Он ровно двадцать раз пошевелил пальцами в левом зимнем ботинке и сказал:

— Очень хорошо. Давайте сменим тему.

— Согласна,— произнесла третья представительница волшебного народца.— Ради встречи с тобой, Фаул, мы пересекли всю Россию. Поэтому нельзя ли по возможности сменить тему на ту, для обсуждения которой мы прибыли?

Командующий Рэйн Виниайа явно была недовольна тем, что оказалась так далеко от своей любимой Полис-Плаза. Она приняла на себя общее командование полицией Нижних Уровней несколько лет назад и гордилась тем, что была в курсе любой выполняемой операции.

— Артемис, у меня есть ряд неотложных дел. Пикси взбунтовались и требуют освобождения Опал Кобой, кроме того, случилось новое нашествие жаб-сквернословов. Пожалуйста, сделай всем нам одолжение и приступи к делу.

Артемис кивнул. Виниайа демонстрировала открытую враждебность, а открытая враж-

дебность заслуживает доверия, если, конечно, эльфийка не блефует, являясь на самом деле его тайной поклонницей, или не блефует вдвойне и действительно испытывает к нему неприязнь.

«Это звучит абсурдно,— понял Артемис.— Даже для меня».

Командующий Виниайа, едва с метр ростом, вид имела грозный, и Артемис понимал, что недооценивать ее было бы рискованно. В свои без малого четыреста лет (что по меркам волшебного народца означало, что она лишь вступила в средний возраст) она производила неизгладимое впечатление — стройная и смуглая, с пронзительными глазами. Зрачки у нее были вертикальные, как у кошки, но больше всего в ее внешности потрясали даже не эти удивительные глаза (у эльфов такое пусть редко, но встречается), а копна серебристых волос, впитывавшая, казалось, любой свет и рассыпавшая его рябью по плечам хозяйки.

Артемис откашлялся, выбросил на время из головы числа и переключил внимание на проект, или, как он предпочитал его называть про себя, ПРОЕКТ. В конце концов, коли на то пошло, только этот план и имел значение.

Элфи легонько сжала его плечо.

— Ты какой-то бледный. Бледнее, чем обычно. С тобой все в порядке, именинник?

Артемис наконец смог посмотреть ей в глаза — один карий, другой голубой, окаймленные широким лбом и длинным локоном рыжеватых волос, явно не соответствовавший обычной уставной стрижке Элфи.

— Сегодня мне исполнилось пятнадцать лет,— пробормотал Артемис.— Три раза по пять. И на мой взгляд — это замечательно.

Элфи прищурилась. Артемис Фаул бормочет? И даже не отметил, что она сменила прическу... Обычно Артемис мгновенно замечал физические изменения.

— Вероятно... ты прав. А где Дворецки? Обходит дозором?

— Нет, я послал его в другое место. Помощь понадобилась Джульетте.

— Ничего слишком серьезного?

— Скорее необходимое, чем слишком серьезное. Семейные дела. Он счел, что может доверить вам заботу обо мне.

Элфи поджала губы, словно ей в рот попало что-то кислое.

— Решил, что кто-то другой в силах обеспечить безопасность его хозяина? Ты уверен, что мы говорим именно о Дворецки?

— Конечно уверен. Кстати, я даже рад его отсутствию. Всякий раз, когда мои планы шли прахом, он оказывался рядом. А сейчас просто жизненно необходимо, чтобы эта встреча продолжалась и закончилась полным успехом.

У потрясенной Элфи по-настоящему отвисла челюсть. Вид получился комичный. Если она правильно поняла Артемиса, тот винил в провале предыдущих планов Дворецки. Дворецки? Своего самого преданного союзника?

— Хорошая мысль. Продолжим. Нам четверым предстоит запустить это шоу.

Это ужасное число произнес Жеребкинс, не задумываясь о последствиях.

Четыре... Очень скверное число. Самое худшее. Китайцы ненавидят его, потому что оно звучит так же, как слово «смерть».

Плохо, что это произнесли вслух, но еще хуже, что в зале ресторана их было действительно четверо. Видимо, командующий Труба Келп не смог присутствовать. Несмотря на историческую взаимную неприязнь, Артемис предпочел бы видеть Келпа за этим столом.

— Элфи, а где командующий Келп? Я думал, он примет участие в нашей встрече. Нам не помешала бы надежная защита.

Элфи вытянулась у стола, словно аршин проглотив, в синем форменном комбинезоне с гроздью сверкающих желудей на груди.

— У Трубы... командующего Келпа достаточно неотложных дел в штаб-квартире на Полис-Плаза, но не переживай, у нас над головой висит в невидимом шаттле целое тактическое подразделение полиции. Даже песец не подкрадется к нам, не подпалив хвост.

Артемис сбросил зимнюю куртку и снял перчатки.

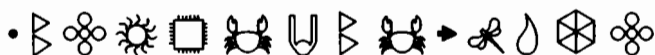
— Спасибо, капитан. Ваша безупречная добросовестность вселяет в меня мужество. Кстати, позвольте поинтересоваться, сколько всего бойцов в отряде? Сколько именно? Точно?

— Четырнадцать,— ответила Элфи, удивленно подняв угловатую бровь.

— Четырнадцать. Гмм. Не слишком много...— Вдруг его осенило.— И еще пилот, я полагаю?

— Четырнадцать, включая пилота. Вполне достаточно, чтобы справиться с любым отрядом людей, какой попробует на них напасть.

На мгновение показалось, что Артемис Фаул готов развернуться и прервать встречу, на которой сам же настоял. На шее у него забились жилка, указательный палец принялся выбивать дробь на деревянной спинке стула. По-

Сарказм кентавра вызвал стоны у всех присутствующих.

— В чем дело? — спросил он. — Это ноутбук. Даже люди не могут рассчитывать удивить кого-либо ноутбуком.

— Насколько я знаю Артемиса, — сказала Элфи, — нас ждет нечто впечатляющее. Я права?

— Это решать вам, — сказал Артемис, нажимая на кнопку сканера.

Сканер мигнул, рассматривая подставленный большой палец, потом загорелся зеленым светом, решив принять увиденное. Пару секунд ничего не происходило, затем внутри чемоданчика заурчал моторчик, словно там потягивалась маленькая довольная кошка.

— Двигатель, — сказал Жеребкинс. — Подумаешь.

Усиленные металлические уголки крышки вдруг отделились от нее, разлетелись по сторонам, толкаемые реактивными струйками, и присосались к потолку. Одновременно экран развернулся до площади в один квадратный метр, а по кромкам появились полоски динамиков.

— Большой экран, ну и что? — сказал Жеребкинс. — Игра на зрителя. Не хватает только нескольких комплектов трехмерных очков.

Артемис нажал еще на одну кнопку, и присосавшиеся к потолку уголки обернулись про-

екторами, откуда четырьмя потоками хлынули цифровые данные, через несколько мгновений создавшие в центре зала вращающуюся модель планеты Земля. На экране появился логотип компании «Фаул индастриз» в окружении нескольких файлов.

— Голографический ящик,— произнес Жеребкин, с удовольствием сохраняя невозмутимость.— У нас они давным-давно.

— Ящик совсем не голографический,— сказал Артемис,— а реальный, но изображения, которые вы видите, голографические. Я внес несколько обновлений в систему полиции Нижних Уровней. Чемоданчик синхронизирован с несколькими спутниками, и находящиеся на борту компьютеры могут составлять в режиме реального времени изображения объектов, расположенных за пределами диапазона чувствительности датчиков.

— У меня есть такая система дома,— пробормотал кентавр.— Для детской игровой приставки.

— Кроме того, система оборудована интеллектуальным интерактивным интерфейсом, при помощи которого я могу создавать или изменять объекты, надев специальные трехмерные перчатки,— продолжил Артемис.

Жеребкинс нахмурился.

— Ладно, вершок. Неплохо.— Он не удержался и добавил: — Для человека.

Зрачки Винияйа сузились из-за света прокторов.

— Все это очень мило, Фаул, но цель встречи нам до сих пор неизвестна.

Артемис вошел в голограмму и надел парящие над Австралией трехмерные перчатки. Перчатки с толстыми цилиндрическими пальцами и незатейливой, словно изготовленной из полистирола манжетой слегка просвечивали. Сканер чемоданчика снова замигал, раздумывая, следует ли признать ладони Артемиса. Перчатки негромко пискнули и сжались, образовав вторую кожу вокруг пальцев, причем каждый сустав выделялся цифровым маркером.

— Земля,— начал юноша, подавив стремление открыть папку с заметками и сосчитать слова. Он знал свою лекцию наизусть.— Наш дом. Она дает нам пищу и кров. Если бы не ее притяжение, мы давно улетели бы в космос и замерзли, правда, потом оттаяли бы и зажарились на Солнце, что, впрочем, не имеет большого значения, так как к тому времени мы давно умерли бы от удушья.— Артемис умолк в ожидании смеха и удивился, его не услышав.— Это была

небольшая шутка. Я прочел в руководстве по составлению презентаций, что шутка способствует непринужденности общения, помогает, так сказать, растопить лед. Кстати, я включил в данную шутку растопленный лед в качестве дополнительного уровня юмора.

— Так это была шутка? — спросила Вини-айа.— Я отдавала офицеров под трибунал за менее серьезные проступки.

— Если мне попадается гнилой фрукт, я выбрасываю его,— добавил Жеребкинс.— Почему бы тебе не заняться наукой, а шутки оставить тем, кто имеет в этом деле хоть какой-то опыт?

Артемис хмурился, расстроенный незапланированным отступлением,— ведь теперь он не знал, сколько слов получится в речи. Если он закончит на четном, общее число может оказаться не кратным пяти, и тогда жди беды. Может, начать сначала? Нет, это жульничество, боги чисел просто сложат две речи вместе, и станет только хуже.

«Сложно. Так трудно не сбиться со счета, даже мне».

Но надо продолжать, потому что ПРОЕКТ жизненно необходимо представить сейчас, сегодня, чтобы незамедлительно приступить к

изготовлению ПРОДУКТА. Поэтому Артемис запер неуверенность в сердце и с жаром пустился излагать дальше, почти не останавливаясь перевести дух, поскольку опасался, что тогда мужество оставит его.

— Человек — наибольшая угроза для Земли. Мы извлекаем из недр планеты ископаемое топливо, а потом используем его против нее же, вызывая глобальное потепление. — Артемис указал трехмерным пальцем на большой экран, открыв подтверждающие его слова видеофайлы. — Ледники теряют не меньше двух метров толщины в год, а это полмиллиона квадратных миль только в Северном Ледовитом океане за последние тридцать лет. — За его спиной при помощи видеофайлов демонстрировались некоторые последствия глобального потепления.

— Мир нуждается в спасении, — продолжал юноша. — Теперь я наконец понимаю, что именно мне предстоит его спасти. Потому-то я и гений. В этом и заключается смысл моего существования.

Винияйа постучала по столу указательным пальцем.

— В Гавани существует довольно влиятельное лобби, полагающее, что препятствовать гло-

бальному потеплению не следует. Люди уничтожат сами себя, и мы вернем себе планету.

Артемис был готов к подобному замечанию.

— Очевидный аргумент, командующий, но ведь опасность грозит не только людям. — Он открыл еще несколько файлов, и все увидели тощих белых медведей, плывущих на обломках льдин, лосей в Мичигане, заживо пожираемых клещами, обесцвеченные коралловые рифы, лишенные каких бы то ни было признаков жизни. — Это затронет всех существ на поверхности планеты или под ней.

Жеребкинса презентация явно раздражала.

— По-твоему, мы не задумывались об этом, вершок? По-твоему, именно эта проблема не занимала умы всех ученых в Гавани и Атлантиде? Честно говоря, я нахожу эту лекцию унижительной.

Артемис пожал плечами.

— Твои чувства не имеют значения. Равно как и мои. Землю надо спасать.

Элфи резко выпрямилась.

— Только не говори, что ты нашел решение проблемы.

— Думаю, нашел. Как минимум вариант.

Жеребкинс фыркнул.

— Честно? Дай угадаю. Обернуть айсберги? Или выстрелить в атмосферу линзами, прелом-

ляющими лучи? А как насчет заказного облачного покрова? Уже теплее?

— Нам всем уже теплее,— сказал Артемис.— В этом и состоит проблема.— Он поднял одной рукой голограмму Земли и закрутил ее, как баскетбольный мяч.— Все подобные решения могут сработать, правда, с некоторыми поправками. Но они требуют слишком значительного межгосударственного сотрудничества, а, как нам хорошо известно, человеческие правительства не любят делиться игрушками. Возможно, лет через пятьдесят ситуация изменится, но будет поздно.

Командующий Винияйа всегда гордилась своей способностью правильно оценивать ситуацию, и сейчас интуиция грохотала у нее в ушах тихоокеанским прибоем. Настал исторический момент, даже воздух, казалось, наэлектризовался.

— Продолжай, человек,— произнесла она тихо, но властно.— Расскажи нам.

Артемис при помощи трехмерных перчаток выделил области оледенения и преобразовал массу льда в квадрат.

— Защитное покрытие ледников — великолепная идея, но даже если бы их топография была исключительно проста, то есть представ-

ляла собой плоский квадрат, нескольким армиям понадобилось бы полвека, чтобы справиться с такой задачей.

— Не знаю, не знаю,— возразил Жеребкинс.— По-моему, ваши лесорубы уничтожают тропические леса значительно быстрее.

— Балансирующие на грани закона действуют быстрее тех, кто законом связан, вот тут-то и вступаю я.

Жеребкинс закинул ногу на ногу — простой трюк для сидящего на стуле кентавра.

— Говори же. Я весь внимание.

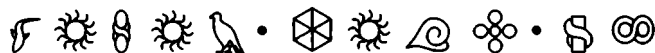
— Скажу. И буду признателен, если ты удержишься от обычных воплей ужаса и недоверия, пока я не закончу. Когда каждую выдвинутую мной идею встречают возгласами, это очень утомляет и мешает считать слова.

— О боги! — воскликнул Жеребкинс.— С ума сойти.

Рэйн Винияа бросила на кентавра предостерегающий взгляд.

— Кончай троллить, Жеребкинс. Я проделала слишком долгий путь ради этого, и у меня очень мерзнут уши.

— Может, мне стоит прижать кентавру одно из нервных сплетений, чтобы он замолчал? — предложила Элфи с едва заметной усмешкой.—

На случай необходимости я изучила способы вывода из строя не только людей, но и кентавров. Если понадобится, могу одним пальцем или крепким карандашом вырубить любого из здесь присутствующих.

Жеребкинс был на восемьдесят процентов уверен в том, что Элфи блефует, но тем не менее прикрыл ладонями ганглии над ушами.

— Хорошо, молчу-молчу.

— Отлично. Продолжай, Артемис.

— Спасибо. Но держи свой крепкий карандаш наготове, капитан Малой. Думаю, кое-кто наверняка отнесется к моим словам со вполне понятным недоверием.

Элфи подмигнула, похлопав себя по карману.

— Простой карандаш два-эм идеально подходит для быстрого разрушения органа.

Элфи, конечно, шутила, но думала явно о другом. Артемис чувствовал, что ее замечания — лишь попытка скрыть тревогу. Он потер лоб большим и указательным пальцами, чтобы из-под руки незаметно взглянуть на своего давнего друга. Элфи хмурилась, а взгляд ее был полон беспокойства.

«Она знает,— понял Артемис, но что именно она знает, сказать не мог.— Она знает: что-то изменилось, даже числа обернулись против

меня. Дважды два, то есть четыре подземных жителя сорвут все мои планы».

Затем Артемис обдумал последнюю фразу, и на миг ее бредовость стала для него настолько очевидной, что страх заворочался под ложечкой, будто огромный питон.

«Может, у меня опухоль мозга? — подумал он. — Тогда одержимость, галлюцинации и паранойя вполне объяснимы. Или это просто невроз навязчивых состояний? Великий Артемис Фаул пал жертвой обычного недомогания».

Юноша решил прибегнуть к старому приему гипнотерапии: «Представь себя в приятном месте. Там, где чувствуешь себя счастливым и беспечным...»

Счастливым и беспечным? Давно он себя таким не чувствовал.

Артемис предоставил мыслям плыть, куда им вздумается, и оказался на маленькой табуретке в мастерской своего дедушки. Дедушка, с видом чуть более хитрым, чем помнил Артемис, подмигнул пятилетнему внуку и сказал:

«Арти, знаешь сколько ножек у этой табуретки? Три. Только три, и это плохое число для тебя. Совсем плохое. Почти такое же плохое, как четыре, а мы знаем, как звучит “четыре” по-китайски».

Артемис поежился, болезнь искажала даже воспоминания. Он сжал большой и указательный пальцы левой руки так, что подушечки побелели. Так он добивался спокойствия, когда вызванная числами паника зашкаливала, но в последнее время справиться с ней удавалось все реже и реже, и сейчас он не добился никакого эффекта.

«Теряю самообладание,— подумал он с тихим отчаянием.— Болезнь побеждает».

Жеребкинс откашлялся, и этот звук проткнул пузырь забытья Артемиса.

— Эй? Вершок? Важные шишки ждут. Продолжай.

И голос Элфи:

— Артемис, с тобой все в порядке? Может быть, тебе нужно передохнуть?

Артемис едва не расхохотался.

Передохнуть во время презентации? С тем же успехом можно было явиться сюда в футболке с надписью «МНЕ К ПСИХИАТРУ».

— Нет. Со мной все в порядке. Это большой проект, самый большой в жизни. Просто хочу, чтобы моя презентация выглядела идеально.

Жеребкинс подался вперед, и его изначально неустойчивый стул опасно зашатался.

— Видок у тебя нехороший, вершок. Выглядишь...— Кентавр пососал нижнюю губу, под-

бирая слово.— Разбитым. Артемис. Ты выглядишь разбитым.

Ничего лучше он, видимо, сказать не мог.

Артемис выпрямился.

— Сдается мне, Жеребкинс, ты не очень-то разбираешься в выражениях человеческих лиц. Может, наши физиономии недостаточно вытянуты, на твой взгляд. Я не разбит ни в каком смысле. Просто думаю над каждым словом.

— А ты не мог бы думать немного быстрее? — мягким тоном предложила Элфи.— Мы здесь как на ладони.

Артемис закрыл глаза и попытался собраться.

Винияйа забарабанила пальцами по столу.

— Довольно проволочек, человек. Я начинаю подозревать, что ты втянул нас в один из своих пресловутых планов.

— Нет. Это честное предложение. Прошу, выслушайте меня с максимальным вниманием.

— Я и пытаюсь. Я хочу услышать. Я проделала долгий путь именно ради этого, но пока ты только хвастаешься чемоданчиком.

Артемис поднял руки на уровень плеч, активируя трехмерные перчатки, и постучал по леднику.

— Нам необходимо укрыть значительную часть ледников во всем мире светоотражающим

покрытием, чтобы замедлить процесс таяния. Покрытие должно утолщаться к краям, где лед тает максимально быстро. Кроме того, недурно было бы закупорить самые крупные водосточные колодцы.

— Многое неплохо бы сделать — в идеальном мире,— произнес Жеребкинс, снова нарушив, а точнее, даже разрушив свое обещание помалкивать.— Тебе не кажется, что люди несколько расстроятся, если из-под земли вдруг вылетят маленькие существа на космических кораблях и примутся накрывать грот Санты отражающей фольгой?

— Они... мы... расстроимся. Именно поэтому данная операция должна быть секретной.

— Тайно укрыть все ледники в мире? Так бы и сказал.

— Я так и сказал, и, по-моему, мы договорились, что ты сидишь тихо. Постоянные препирательства утомляют.

Элфи, подмигнув Жеребкинсу, покрутила в пальцах карандаш.

— Проблема защиты айсбергов всегда заключалась в способе нанесения отражающего покрова,— продолжил Артемис.— Казалось, его можно только раскатать подобно ковру либо вручную, либо с помощью переделанных гусеничных снегоходов.

— Что едва ли можно назвать тайной операцией,— заметил Жеребкинс.

— Вот именно. А что, если существует другой способ нанести отражающее покрытие, вполне естественный на вид?

— Работа с природой?

— Именно, Жеребкинс. Природа — наш образец для подражания и всегда должна быть им.

Казалось, в зале становится теплее, по мере того как Артемис приближается к откровению.

— Наши ученые давно пытаются создать отражающую пленку, достаточно тонкую, чтобы с ней было легко работать, и достаточно прочную, чтобы противостоять воздействию неподвластных нам сил стихии.

— Глупо.

— Ошибаешься, кентавр. Определенно не глупо. Твои же собственные секретные файлы...

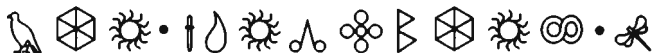
— Я некоторое время обдумывал идею применения фольги. Кстати, где ты видел мои файлы?

Вопрос был риторический. Жеребкинс давно свыкся с мыслью, что Артемис Фаул не менее талантливый хакер, чем он сам.

— Основная идея в высшей степени разумна. Создать идеальный отражающий полимер.

Жеребкинс кусал костяшки пальцев.

— Природа. Использовать природу.

— Какой материал здесь наверху самый естественный? — слегка намекнул Артемис.

— Лед, — сказала Элфи. — Лед и...

— Снег, — почти благоговейно прошептал кентавр. — Конечно. Д'арвит, почему я сам... Снег, я прав?

Артемис поднял трехмерные перчатки, и на присутствующих посыпался голографический снег.

Жеребкинс вскочил на ноги.

— Увеличь, — велел он. — Увеличь и расширь.

Артемис коснулся голографической чешуйки, заставив ее замереть в воздухе.

Еще парой движений он увеличил поддельную снежинку, и ее неправильная форма стала очевидной. Она была неправильно правильна — идеальный круг.

— Нанопластинка, — выдохнул Жеребкинс, в кои-то веки позабыв скрыть восторг. — Клянусь, настоящая нанопластинка. Умная?

— Исключительно умная, — подтвердил Артемис. — Настолько умная, что способна определить, какой стороной она опустилась на поверхность, и сконфигурировать себя на полную изоляцию льда и отражение солнечных лучей.

— Значит, мы насыщаем ими облака?

— Именно так, буквально под завязку.

Жеребкинс, цокая копытами, нырнул в голографический снегопад.

— А потом они лопаются, у нас появляется покрытие.

— Правда, расти оно будет постепенно, но действовать начнет практически сразу.

— Мои поздравления, вершок.

Артемис улыбнулся, на мгновение став самим собой.

— Думаю, это весьма своевременное признание.

Винияйа прервала сей праздник любви к науке.

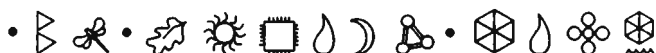
— Позвольте уточнить, правильно ли я поняла. Вы стреляете этими пластинками в облака и они выпадают на землю со снегом?

— Да. В крайних случаях можно стрелять непосредственно по поверхности, но из соображений безопасности замаскированным сеятелям лучше зависнуть над облачным покровом.

— И ты способен это сделать?

— Мы вместе — способны. Совету придется утвердить строительство целого флота модифицированных шаттлов, это помимо станции мониторинга.

Элфи занимала совсем другая проблема.

— Эти пластинки совсем не похожи на снежинки. Рано или поздно какой-нибудь человек с микроскопом заметит отличие.

— Прекрасная мысль, Элфи. Возможно, мне стоит учесть, что по части интеллекта ты все же отличаешься от своих товарищей по ЛеППРКОНу.

— Спасибо, наверное.

— Когда пластинки наконец обнаружат, я разверну в Интернете кампанию, объясняющую их появление выбросами отходов производства с химических заводов России. Я также подчеркну, что впервые отходы цивилизации действительно помогают защите окружающей среды, и предложу финансировать программу по расширению площади покрытия.

— Существует опасность загрязнения? — поинтересовалась Винияйа.

— Вряд ли. Пластинки биологически разлагаются.

Жеребкинса переполняло возбуждение. Он гарцевал внутри голограммы и пристально рассматривал увеличенную пластинку.

— Звучит неплохо. Но как обстоят дела на самом деле? Вряд ли ты рассчитываешь, что волшебный народец без веских доказательств вдруг отвалит крупные и бессрочные суммы на

подобный проект. Откуда мы знаем, что это не новая твоя махинация?

Артемис открыл на экране очередной файл.

— Вот моя финансовая отчетность. В ее правильности я не сомневаюсь, поскольку обнаружил ее у тебя на сервере.

Жеребкинс даже не покраснел.

— Выглядит убедительно.

— Я готов вложить в этот проект все, что у меня есть. Это позволит держать в воздухе порядка пяти шаттлов в течение двух лет. В итоге, когда пластинки пойдут в производство, естественно, появится прибыль. Я верну свои инвестиции, возможно, даже с прибылью.

Жеребкинс едва не поперхнулся.

Артемис Фаул вкладывает собственные деньги в проект. Невероятно!

— Нет, конечно, я не рассчитываю, что народец поверит мне на слово. В конце концов...— Артемис откашлялся.— В недалеком прошлом я не слишком охотно делился информацией.

Винияйя невесело засмеялась.

— Не слишком охотно? Думаю, Артемис, для похитителя и вымогателя ты чересчур снисходителен к самому себе. «Не слишком охотно»? Умоляю! Лично я склонна поверить твоей болтовне, но не все члены Совета настолько благоволят тебе.

— Принимаю вашу критику и скепсис, потому и организовал данную демонстрацию.

— Великолепно! — с жаром воскликнул Жеребкинс. — Конечно, это была демонстрация. Иначе зачем ты притащил нас сюда?

— И правда, зачем мне все это...

— Чтобы опять кого-нибудь похитить и потребовать выкуп? — язвительно предположила Винияйа.

— Это было очень давно, — выпалила Элфи тоном, каким обычно не обращалась к вышестоящему офицеру. — Я хотела сказать... это было очень давно... командующий. Артемис стал хорошим другом народца.

Элфи Малой имела в виду отчаянное положение, возникшее во время мятежа гоблинов, и то, как Артемис Фаул спас жизнь ей и многим другим.

Винияйа, очевидно, тоже вспомнила восстание гоблинов.

— Ладно. Включаем презумпцию невиновности, Фаул. У тебя есть двадцать минут на то, чтобы убедить нас.

Артемис пять раз хлопнул по нагрудному карману, проверяя телефон.

— Это займет не больше десяти, — ответил он.

У Элфи Малой имелся немалый опыт в переговорах по освобождению заложников, но даже она, понимая всю важность обсуждаемой темы, то и дело отвлекалась от обсуждения наопластин на странности в поведении Артемиса. Время от времени она вставляла замечания по ходу презентации, но больше всего в жизни ей хотелось сжать в ладонях лицо Артемиса и спросить, в чем дело.

«Хотя мне придется встать на стул, чтобы дотянуться до его лица,— мысленно усмехнулась Элфи.— Мой друг уже стал почти взрослым. Взрослым и сформировавшимся человеком. Возможно, он борется со своей врожденной кровожадностью и это сводит его с ума».

Элфи внимательно разглядывала Артемиса. Он был бледен, бледнее обычного, словно дитя ночи. Снежный волк. Выступающие скулы и треугольная форма лица только усиливали впечатление. Может, дело в иное, но Элфи почудились несколько седых волосков у него на висках.

«Он словно постарел. Жеребкинс был прав. Артемис выглядит разбитым».

Да еще этот задвиг на числах. И пальцы Артемиса, ни минуты не лежавшие спокойно. Сначала их движения показались Элфи хаотичны-

ми, но потом она, повинувшись наитию, стала подсчитывать их и быстро выявила закономерность. Пять или число, кратное пяти.

«Д'арвит,— подумала она.— Синдром Атлантиды».

Она включила быстрый поиск в магипедии и скоро получила краткий результат:

Синдром Атлантиды (син-дром Ат-лан-ти-ды) — душевное заболевание, характерное для терзаемых раскаянием преступников, впервые диагностированное доктором Э. Дилпом в Атлантидской мозгологической клинике. К другим симптомам относятся: навязчивые состояния, паранойя, бредовые идеи и, в исключительных случаях, расщепление личности. Доктор Э. Дилп известен также как автор шлягера «Ты сводишь меня с ума».

Элфи предпочла счесть последнюю фразу проявлением магипедического юмора.

Жеребкинс пришел насчет Артемиса к аналогичному выводу и сообщил об этом в текстовом сообщении, переданном на лежавший на столе перед Элфи шлем.

Элфи щелкнула по забралу, чтобы перевернуть текст.

Наш мальчик одержим? Атлантида?

Элфи вызвала на забрале гномью клавиатуру и медленно, стараясь не привлекать внимания, набрала:

Возможно. Пятерки?

Она отправила сообщение.

Да, пятерки. Классический симптом.

Через несколько секунд:

Демонстрация! Класс. Я ♥ демонстрации.

Элфи удалось сохранить невозмутимость, на случай если Артемис перестанет считать слова и посмотрит в ее сторону. Жеребкинс никогда не мог надолго сосредоточиться на чем-либо, кроме своих любимых проектов.

Видимо, это специфическое свойство гениев.

Казалось, стихийные духи Исландии затаили дыхание ради демонстрации Артемиса. В пасмурном небе рядами стираной кисеи повисла дымка.

Представители волшебного народца почувствовали легкую вибрацию термоконтуров в

своих костюмах, когда вслед за Артемисом вышли через черный ход из ресторана. Тыльная часть заведения Адама Адамсона оказалась еще непригляднее, чем фасад. Вялые попытки сделать «Большого поморника» привлекательным явно не коснулись задворок. Фреска с китом, имевшая такой вид, словно Адамсон писал ее собственноручно, используя вместо кисти живого песка, внезапно обрывалась над служебным входом, так что несчастный горбач остался без головы. В некоторых местах большие пласты штукатурки отслоились от стены и оказались втопты в снег и грязь.

Артемис подвел группу гостей к накрытому брезентом большому кубу.

Жеребкинс фыркнул.

— Сейчас догадаюсь. С виду обычный садовый брезент, а на самом деле камуфляжная фольга с ретропроекцией, изображающей обычный брезент?

Прежде чем ответить, Артемис сделал еще два шага, затем кивнул каждому, чтобы все оставались на своих местах. По спине у него сползла капля пота — его терзало подозрение, что он терпит поражение в битве с навязчивым состоянием.

— Нет. Ткань выглядит брезентом, потому что это брезент, — сказал он. — Да, брезент.

Жеребкинс прищурился.

— Простой брезент? Мы стали действующими лицами одной из знаменитых оперетт Кальмана? — Он, откинув назад голову, пропел: — «Да, кентавр я, кентавр — так что же?» Фанера не в твоём стиле, Артемис.

— Жеребкинс запел,— сказала Элфи.— Уверена, это противозаконно.

Винияйа щелкнула пальцами.

— Тихо, дети. Подавите в себе естественные деструктивные позывы. Мне не терпится увидеть эти нанопластины в действии, прежде чем направить шаттл к теплому ядру нашей планеты.

Артемис едва заметно поклонился.

— Командующий, примите мою искреннюю благодарность.

«Снова пять слов,— подумала Элфи.— Доказательства копятся».

Артемис протянул руку к Элфи Малой, словно представляясь зрителям в театре.

— Капитан, сорви, пожалуйста, покров. У тебя настоящий дар к расчленению всякого рода вещей.

Элфи с радостью ухватила за возможность хоть что-то сделать. Она, конечно, предпочла бы серьезно поговорить с Артемисом, но возня с ящиком, по крайней мере, избавляла от не-

обходимости заглатывать очередную порцию научных фактов.

— С удовольствием, — откликнулась она и набросилась на брезент так, словно тот оскорбил ее бабушку. Пальцы правой руки внезапно украсили острые лезвия: три выверенных взмаха, и обрывки брезента волнами опустились на землю.

— Может быть, займешься и ящиком, капитан Малой, раз уж начала, — сказал Артемис, пожалев, что число слов во фразе получилось не кратным пяти.

Элфи немедленно вскочила на ящик и разнесла его вдребезги.

— Вау! — воскликнул Жеребкинс. — Экое зверство, даже для тебя.

Капитан спрыгнула на землю, почти не примяв снег.

— Нет. Это скорее наука. *Cos tapa* — «быстрая нога». Древнее боевое искусство, основанное на движениях хищных животных.

— Смотрите! — закричал Жеребкинс, стойчиво тыча пальцев в бескрайний серо-стальной полумрак. — Кому-то не все равно!

Артемис обрадовался это шутливому воплю как поводу отвлечься от слабеющей связи с логическим миром. Пока подземные жители, по

ки. По виду и издаваемому звуку контейнер напоминал обычный бытовой холодильник — приземистый, жемчужно-белый и гудящий.

— Именно этого и не хватает в Исландии, — пробормотал Жеребкинс. — Машин по производству льда.

— Да, но эта машина особая, — сказал Артемис, открывая дверь «холодильника». — Она может спасти все ледники.

— А она делает эскимо на палочке? — с невинным видом поинтересовался кентавр, жалея, что рядом нет старого друга Мульча Рытвинга, чтобы «дать пять», хотя такой ребяческий и архаичный ритуал непременно свел бы Артемиса с ума, если тот уже не сошел.

— Ты обещал демонстрацию! — рявкнула Винияйа. — Так демонстрируй.

Артемис бросил на Жеребкинса полный яда взгляд.

— С огромным удовольствием, командующий. Любуйтесь.

Внутри контейнера находилось приземистое хромированное устройство, одновременно напоминавшее стиральную машину с верхней загрузкой и короткоствольную пушку, помимо мешанины проводов и чипов уложенной под барабаном.

— Согласен, «Ледяной куб» не красавец, — сказал Артемис, включая оборудование инфракрасным сигналом с датчика телефона. — Но мне показалось, что необходимость как можно скорее запустить его в производство слишком важна, чтобы еще месяц корпеть над дизайном.

Они встали неровным кругом рядом с машиной, и Артемис не удержался от мысли о том, что если бы за группой наблюдали со спутника, они напоминали бы играющих детей.

Винияйа побледнела и стучала зубами, хотя температура опустилась чуть ниже нуля. Прохладно с человеческой точки зрения, но для подземного жителя совсем не комфортно.

— Давай, человек. Включай свой «Ледяной куб». Пора запускать гнома по оползню.

Раньше Артемис этого выражения не слышал, но о смысле догадывался. Он бросил взгляд на свой телефон.

— Командующий, я немедленно запущу производство первой партии нанопластин, как только неопознанный летающий объект покинет воздушное пространство непосредственно над нами.

Элфи посмотрела на показания коммуникатора забрала шлема.

— В воздушном пространстве ничего нет, вершок. Ничего, кроме экранированного шаттла, способного доставить тебе полную тарелку неприятностей, если ты вздумаешь мухлевать.

Артемис не сдержал стога.

— Не время упражняться в остроумии. Уверяю тебя, капитан, в плотные слои атмосферы входит какой-то корабль. Мои датчики показывают его вполне отчетливо.

Элфи выпятила нижнюю челюсть.

— А мои ничего не показывают.

— Странно, я использую ваши датчики,— парировал Артемис.

Жеребкинс топнул копытом так сильно, что расколол лед.

— Я так и знал. Для тебя нет ничего святого.

Артемис расправил плечи.

— Давайте перестанем притворяться, будто не шпионим друг за другом половину времени. Я читаю ваши файлы, вы читаете файлы, в которые я позволил вам залезть. Имеется летательный аппарат, судя по всему, он направляется прямо к нам, и, возможно, ваши сенсоры обнаружат его, если вы включите те же фильтры, что и я.

Элфи кое-что вспомнила.

— А помните корабль Опал Кобой? Полностью построенный из руды-невидимки? Наши доморощенные умники не сумели обнаружить его, а Артемис смог.

Артемис иронически вскинул брови.

«Вот видите, даже простой полицейский способен на такие элементарные выводы», — отчетливо читалось на его лице.

— Я просто искал то, чего не было, хотя должно было быть, — пояснил он. — Окружающие газы, остаточные загрязнения и все такое прочее. Чтобы найти Опал, достаточно было найти пустоту. С тех пор я применяю данную технологию для общего сканирования. Удивлен, что ты до сих пор не научился этому фокусу, *консультант* Жеребкинс.

— На синхронизацию с шаттлом и проверку окружающего пространства уйдет около двух секунд.

Винияйа нахмурилась, и ее беспокойство, казалось, распространилось по холодному воздуху, подобно тепловой волне.

— Так займись этим, кентавр.

Жеребкинс включил сенсоры в перчатках и вставил в глаз желтый монокль. Подключившись подобным образом, он проделал сложную последовательность подмигиваний, гримас и

жестов, устанавливая связь с невидимой для всех, кроме него, видеосистемой. Стороннему наблюдателю могло показаться, будто кентавр вдохнул молотого перца, одновременно дирижируя воображаемым оркестром. Зрелище выходило еще то, поэтому проводное подключение пользовалось большей популярностью.

На двадцать секунд позже обещанного Жеребкинс вдруг прекратил свои ужимки и уперся ладонями в колени.

— Ладно,— задыхаясь, произнес он.— Во-первых, никто не смеет называть меня четвероногим ламером. Во-вторых, возможно, какой-то крупный неопознанный космический корабль и летит в нашем направлении с высокой скоростью.

Элфи мгновенно выхватила оружие, словно могла сбить космический корабль, который уже падал на них.

Артемис бросился к «Ледяному кубу», поматерински раскинув руки, но вдруг буквально замер как вкопанный, подозрение жаром обжало сердце.

— Жеребкинс, признавайся: это твой корабль?

— Это не мой корабль,— возразил Жеребкинс.— У меня нет никакого корабля. Я сейчас занимаюсь проектированием квадроцикла.

Артемис боролся с паранойей, пока руки не затряслись, но никакого иного объяснения появлению странного корабля в данный конкретный момент не находилось.

— Вы задумали украсть мое изобретение. Как в Лондоне, когда вы пытались сорвать сделку с Оком.

Элфи не отрывала глаз от неба, но все же ответила:

— Я спасла Дворецки в Лондоне.

Артемиса колотило уже всего.

— Спасла? Или обратила против меня?

Его тошнило от собственных слов, но они лезли сами, будто скарабеи изо рта мумии.

— Тогда-то вы с ним и заключили союз против меня? Сколько ты ему посулила?

На долгий пронизывающий миг Элфи лишилась дара речи.

— Посулила? Дворецки никогда не предал бы тебя. Никогда! Как ты мог подумать такое, Артемис?

Артемис уставился на свои пальцы, словно отчасти надеялся, что они самовольно зажмут ему рот.

— Я знаю, за этим стоишь ты, Элфи Малой. Ты так и не простила мне похищения.

— Артемис, ты нуждаешься в помощи, — сказала Элфи, устав ходить вокруг да около. — По-

моему, ты болен. И скорее всего, это синдром Атлантиды.

Артемис попятился и наткнулся на круп Жеребкинса.

— Я знаю,— медленно, почти по слогам произнес он, наблюдая за облачками пара, вылетающими у него изо рта.— В последнее время все так путается. Вижу всякое, буквально всех подозреваю. Пятерка. Везде пятерка.

— Артемис, неужели ты считаешь, что мы способны причинить тебе вред? — сказал Жеребкинс, приглаживая взъерошенную Артемисом шерсть.

— Не знаю. Способны? Почему бы и нет? Я должен выполнить самую важную работу на земле, куда более важную, чем ваша.

Элфи уже вызывала кавалерию.

— Эн-ка в атме,— произнесла она в коммуникатор на армейском упрощенном языке, куда более сложном для нетренированного уха, чем обычная речь.— Вниз до семь-я для эвакуации. Вис.

Волшебный шаттл с легким шипением проступил из небытия в семи метрах у них над головами. Он проявлялся пластина за пластиной, от носа до кормы, находившиеся внутри солдаты тоже стали видимыми на мгновение,

прежде чем корпус полностью перешел в плотное состояние. От его вида сознание Артемиса, казалось, помрачилось еще сильнее.

— А, вот что вы задумали? Запугать меня, чтобы я сам поднялся на борт, а потом украсть «Ледяной куб»?

— Не понимаю, почему обязательно куб, — небрежно заметил Жеребкинс. — Чем тебя шар не устраивает?

— И ты, кентавр! — воскликнул Артемис, погрозив Жеребкинсу пальцем. — Всегда роешься в моем компьютере. И в голове тоже?

Винияйа забыла о холоде. Она сбросила с себя толстое пальто, чтобы оно не сковывало движений.

— Капитан Малой. Этот двинутый вершок — твой знакомый. Держи его на коротком поводке, пока мы не уберемся отсюда.

Как оказалось, это была не самая удачная формулировка.

— Держать на поводке? Именно этим ты занималась все время, капитан?

Артемис дрожал так сильно, словно по его телу пропускали электрический ток.

— Артемис, — настойчиво произнесла Элфи, — может, поспишь немного? Просто положи голову на что-нибудь теплое и постарайся уснуть.

— Всего несколько часов. Мы можем увезти тебя прочь отсюда, прочь от того, что надвигается.

— Прочь... — эхом отозвался страдающий юноша.

— А потом поговорим о проекте.

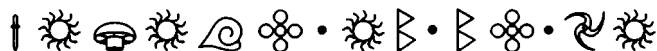
Пилот шаттла немного ошибся при посадке, и задний стабилизатор пропахал в снегу неглубокую борозду. Резкого треска ломающихся тонюсеньких ледяных пластинок оказалось достаточно: взгляд Артемиса снова стал осмысленным.

— Нет! — пронзительно вскрикнул ирландец. — Никакой магии! Раз-два-три-четыре-пять! Никому не двигаться!

В драме решил принять участие еще один корабль. Он внезапно возник на фоне далекого неба, будто вывалился из другого измерения, огромный и обтекаемый, похожий на витую трубочку от мороженого, с ускорителями на гибком креплении возле кормы. Одна ступень отделилась и, кувыркаясь, скрылась в плотных серых облаках. Странно, но огромное сооружение производило крайне мало шума.

Артемиса поразил его вид.

«Инопланетяне? — сначала подумал он. — Стоп, это не инопланетяне. Я уже такое видел. По крайней мере, на чертеже».

Жеребкинса посетила та же мысль:

— А знаете, его вид мне не знаком...

Целые секции гигантского судна мерцали, то появляясь, то пропадая из глаз по мере остывания после крутого входа в атмосферу — вернее, как оказалось, после возвращения.

— Это из вашей космической программы? — В тоне Артемиса звучало осуждение.

— Возможно, — согласился Жеребкинс, и его щеки, ближе к ушам, виновато порозовели — еще одна причина его неудач в покере. — Трудно сказать, он так мелькает, и вообще...

Полицейский шаттл наконец сел, и на его левой стороне открылся люк.

— Все на борт, — скомандовала Винияйа. — Нужно убраться подальше от этого корабля.

Жеребкинс опередил всех на три или четыре шага.

— Нет-нет. Это один из наших. Ему не полагается здесь находиться, но мы можем им управлять.

Элфи фыркнула.

— Конечно. До сих пор тебе это прекрасно удавалось.

Этой насмешки кентавр уже не вынес. Он вышел из себя, величаво встал на дыбы и опустился, проломив передними копытами тонкий слой льда.

— Довольно! — взревел он. — На нас летит зонд для исследования дальнего космоса. Даже если его ядерные генераторы не взорвутся, ударная волна от падения разрушит все в радиусе пятнадцати миль, поэтому, коль скоро этот шаттл не способен переместиться в другое измерение, пользы от него, как от тебя — на научной конференции.

Элфи пожала плечами.

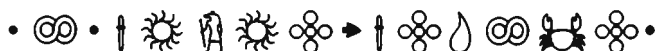
— Согласна. Твои предложения?

— Предлагаю тебе заткнуться и позволить мне решить эту проблему.

При слове «зонд» в памяти обычно всплывает изображение маленького скромного аппарата с несколькими ящиками для образцов в трюме и, возможно, панелью суперэффективных солнечных батарей на корпусе. Этот корабль являлся полной противоположностью такого зонда. Огромный и грозный, он надвигался, сотрясая воздух, вспарывая облака неровными прыжками, а ускорители тащились за ним, словно прикованные цепями рабы.

— На стадии проектирования, — пробормотал Жеребкинс, мигнув, чтобы привести в действие монокль, — эта штука имела куда более дружелюбный вид.

Солдаты получили приказ оставаться на своих местах, и вся компания могла только наблю-

дать, как на нее валится гигантский корабль. Звукопоглощающее покрытие постепенно разрушалось, атмосферное трение, словно когтистыми пальцами, срывало с корпуса громадные восьмигранные плиты обшивки, и рев нарастал с каждой секундой. А Жеребкинсу все не удавалось переключить управление на себя.

— Я пытаюсь через антенну шаттла подключиться к компьютеру зонда, определить неисправность, а затем перепрограммировать машинку на тихое-мирное зависание на высоте тридцати метров. И защитный экран усилить не помешало бы.

— Меньше объяснений, больше дела,— процедила Винияйа.

Но, как всегда, Жеребкинс продолжил не только работать, но и болтать.

— Бросьте, командующий, уж я-то знаю, как вы, военные, просто расцветаете в подобных напряженных ситуациях.

На протяжении этого разговора Артемис стоял неподвижно, как статуя, понимая, что стоит позволить дрожи охватить тело, она уже никогда не отпустит и ему конец.

«Что случилось? — недоумевал он. — Я перестал быть Артемисом Фаулом?»

Потом он кое-что заметил.

«У этого корабля четыре двигателя. Четыре».

«Смерть».

И словно в подтверждение этой мысли или в результате ее, на самом носу падающего корабля возник оранжевый разряд энергии, он сердито бурлил и весьма походил на вестника смерти.

— Оранжевая энергия.— Элфи указала пистолетом на нос корабля.— Ты у нас все любишь объяснить, Жеребкинс, так объясни.

— Уймись, недоразвитая,— отозвался Жеребкинс, чьи пальцы порхали по клавишам с такой скоростью, что сделались почти неразличимы.— Там нет оружия. Умоляю, это же научный зонд. Плазменный разряд предназначен для резки льда, не более того.

Артемис не мог больше сдерживать дрожь, и она овладела всем его тщедушным телом.

— Четыре двигателя,— сказал он, стуча зубами.— Ч-ч-четыре — это смерть.

Винияйа остановилась, не дойдя до трапа шаттла. Она повернулась, из-под шлема выбилась прядь волос цвета стали.

— Смерть? О чем он говорит?

Не успела Элфи ответить, как оранжевая плазма весело забулькала и вырвавшийся из нее луч ударил прямо в двигатель шаттла.

— Нет-нет-нет,— произнес Жеребкинс, словно обращаясь к непослушному ученику.— Так делать нельзя.

Они с ужасом смотрели, как на месте шаттла разрастается огненный шар. От жара металлическая оболочка судна на миг обрела прозрачность, и стало видно, как корчатся внутри десантники.

Элфи, пригнувшись, бросилась к Винияйа, пытавшейся пробиться сквозь пламя к своим подчиненным.

— Командующий!

Капитан Малой действовала быстро, даже успела схватить Винияйа за перчатку за мгновение до того, как взорвался один из двигателей шаттла и ударная волна, завертев Элфи в воздухе, отбросила ее на крышу ресторана «Большой поморник». Она рухнула на шифер плашмя, словно пришпиленная булавкой бабочка, и тупо уставилась на перчатку в своей руке. Встроенная в забрало программа распознавания зафиксировалась на лице командующего Винияйа и ненавязчиво замигала предупреждающей иконкой.

На экране появился текст: **Смертельное поражение центральной нервной системы.** Элфи знала, что в наушниках ее сейчас раздается то же сооб-

щение, но ничего не слышала. Изолировать зону и вызвать аварийные службы.

Смертельное поражение? Только не это! На долю секунды Элфи словно отбросило в прошлое, в день смерти ее прежнего командира, Джулиуса Крута.

Действительность вернулась волной огненного жара, от которого стал таять и тут же испаряться лед и активировались тепловые датчики ее костюма.

Элфи воткнула пальцы в лежавший на крыше мокрый снег и подтянулась выше. Все происходящее напоминало немое кино, поскольку шумовые фильтры шлема надулись и лопнули в течение наносекунды между вспышкой и хлопком.

Все, кто был в шаттле, пропали... уж это ясно.

«Не говори “пропали”, они погибли... умерли».

— Сосредоточься! — крикнула она, подчеркивая каждый слог ударом кулака по крыше. Время для скорби настанет потом; кризис еще не миновал.

«Кто не погиб?»

Она сама не погибла. Жива, хотя и ранена, и подошвы башмаков дымятся.

«Винияйа. О боги... Нет, не надо о ней сейчас».

Из сугроба под карнизом торчали дрыгающиеся ноги Жеребкинса — получался этакий галоп вверх тормашками.

«Это что, смешно? Сейчас — смешно?»

А где Артемис? Внезапно пульс загрохотал в ушах, взревел океанским прибором.

«Артемис».

Встать на четвереньки оказалось не так уж просто: только колени нащупывали опору, локти разъезжались в стороны, и все приходилось начинать сначала.

«Артемис. Где ты?»

И вдруг краем глаза она заметила его. Артемис шел по льду — судя по всему, он почти не пострадал, хотя немного приволакивал левую ногу. Он медленно, но решительно уходил от горящего шаттла. Прочь от скрежета и жара сжимающегося металла, от похожих на ртуть капель руды-невидимки, достигшей наконец температуры плавления.

«Куда ты?»

Он не убегал, это точно. Скорее наоборот, Артемис направлялся прямо навстречу все еще падавшему с неба космическому зонду.

Элфи попыталась криком предупредить его. Она открыла рот, но оттуда вырвался только приправленный дымом кашель. Вкус дыма и боя.

— Артемис! — сумела прохрипеть она после нескольких неудачных попыток.

Ирландец поднял на нее взгляд.

— Я знаю! — крикнул он. Голос его резал, как зазубренный нож. — Кажется, будто небо падает, но это не так. Это все ненастоящее. Корабль, солдаты... их здесь нет. Теперь я догадался. У меня были... у меня были галлюцинации, понимаешь?

— Артемис, беги! — крикнула Элфи не своим голосом, губы и язык казались чужими и отказывались повиноваться. — Этот корабль настоящий! Он тебя раздавит!

— Не раздавит, вот увидишь. — Артемис даже ласково улыбался. — Бредовое нарушение психики. Корабль — просто галлюцинация. Мой мозг воссоздал это видение из воспоминаний, из подсмотренных тайком чертежей Жеребкинса. Я должен сам справиться со своим помешательством. Как только мне удастся доказать, что все происходит исключительно у меня в голове, все сразу наладится.

Элфи поползла по крыше, чувствуя внутри гудение исцеляющей магии. Силы возвращались, но слишком медленно, а ноги казались свинцовыми трубами.

— Послушай меня, Артемис. Поверь мне!

— Нет,— отрезал юноша.— Я никому не верю. Ни Дворецки, ни даже матери.— Он втянул голову в плечи.— Я не знаю, во что верить, кому доверять. Но знаю, что не может быть вынужденной посадки космического зонда именно здесь и именно в этот момент. Астрономически низкая вероятность. Мой мозг решил поиграть со мной, и я должен показать, кто хозяин.

Элфи запомнила только половину его речи, но услышала достаточно, чтобы понять: Артемис говорит о собственном разуме в третьем лице — тревожный признак с точки зрения любого психиатра, какой бы теории он ни придерживался.

А космический корабль, которому было глубоко безразлично, верит в него Артемис или нет, продолжал снижаться, распространяя перед собой ударные волны. Для видения он казался слишком уж настоящим, каждая панель пестрела бесчисленными узорами, возникшими в результате долгого космического полета. Но-

совой конус исчерчен зазубренными бороздами, похожими на шрамы от ударов молний, фюзеляж изрыт вмятинами, как от картечи. Один из трех стабилизаторов выглядел так, словно его попробовал на зуб космический монстр, выхватив рваный полукруг из пролетавшего мимо корабля, странного цвета лишайник штрихами покрывал квадратный участок на месте утраченной плиты обшивки.

Даже Артемис не мог не заметить всего этого.

— Согласен, он не выглядит слишком уж эфирным. Очевидно, у меня более живое воображение, чем я полагал.

Один за другим с корабля сорвало два глушителя, и рев двигателей заполнил чашу серого неба.

Артемис ткнул в корабль пальцем.

— Ты не настоящий! — закричал он, хотя сам себя не слышал.

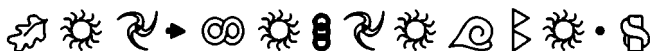
Корабль опустился уже достаточно низко, и Артемис смог прочитать надпись, нанесенную разными шрифтами и пиктограммами на носовой конус.

— «Я пришел с миром», — пробормотал он и подумал: «Четыре слова. Смерть».

Элфи тоже пыталась думать, картины трагедии и разрушения мелькали перед глазами,

будто огни пронсящегося мимо поезда, но одна мысль упорно пробивалась сквозь хаос: «Мне не дотянуться до него с крыши. Артемис погибнет, а я могу только наблюдать...» И вдогонку этой мысли несся истерический вопль: «Дворецки меня убьет!»

ГЛАВА 2

НЕФРИТОВАЯ ПРИНЦЕССА И БЕШЕНЫЙ МЕДВЕДЬ

Канкун, Мексика. Днем раньше

Мужчина, сидевший за рулем взятого напрокат «Фиата-500», громко выругался, нажав широкой ступней на лилипутские педали газа и тормоза одновременно, и крошечный автомобиль уже в который раз заглох.

«Этой крохой проще будет управлять, сидя на заднем сиденье. Так, по крайней мере, не придется упираться коленями в подбородок», — подумал водитель. С этой мыслью он резко свернул на обочину рядом с живописной лагуной Канкуна. В отраженном свете миллионов мерцающих балконных фонарей роскошных апартаментов он совершил над «фиатом» акт ван-

дализма, который определенно обойдется ему в стоимость залога и, возможно, переместит его фамилию на первое место в черном списке компании «Герц».

— Так-то лучше,— проворчал мужчина, выбрасывая водительское сиденье на обочину.

«Эти типы в “Герц” сами виноваты,— подумал он, аргументируя свои действия.— Вот что происходит, когда норовишь всучить игрушечную машинку человеку моих габаритов. С тем же успехом можно попытаться зарядить дерринджер патронами пятидесятого калибра».

Он втиснулся в автомобиль и, руля с заднего сиденья, влился в поток машин, который, несмотря на близость полуночи, по плотности напоминал железнодорожный состав.

«Я спешу к тебе, Джульетта,— подумал он, сдавив руль так, словно тот угрожал жизни его младшей сестры.— Я уже близко».

Водителем беспечно модифицированного «фиата» был, конечно, Дворецки — телохранитель Артемиса Фаула, хотя не всегда его знали под этим именем. В бытность солдатом удачи Дворецки использовал много *nom de guerre**, чтобы защитить семью от неприятностей. Банда сомалийских пиратов знала его как Джентль-

---

* Псевдоним (фр.).

мена Джорджа, одно время он служил в Саудовской Аравии под именем капитана Стила* (потом Артемис обвинил его в склонности к вульгарной мелодраме), а те два года, когда он жил среди перуанского племени исконахуа, индейцы знали таинственного великана, защищавшего их деревню от посягательств лесозаготовительной компании, как *El Fantasma de la Selva*, Призрака Джунглей. Конечно, когда он стал телохранителем Артемиса Фаула, времени на подработку не осталось.

Дворецки отправился в Мексику по настоянию Артемиса, хотя никакого настояния уже не требовалось, стоило Дворецки прочесть сообщение на экране смартфона своего хозяина. Телефонный сигнал застал их посреди тренировки по смешанной технике боевых искусств. Полифоническая версия «*Miserere*» Энни Морриконе свидетельствовала о получении сообщения.

— Никаких телефонов в додзё, Артемис, — проворчал Дворецки. — Ты знаешь правила.

Артемис нанес еще один удар по щитку, прямой левый. Удар не отличался силой и еще

---

* Капитан Стил — участник боевой операции в Сомали и герой фильма Ридли Скотта «Падение “Черного ястреба”».

меньше отличался точностью, но хотя бы пришелся по щитку, что уже было достижением. До недавнего времени Артемис делал настолько неточные выпады, что в случае настоящего боя прохожий подвергался большей опасности, чем противник.

— Я знаю все правила, Дворецки,— сказал Артемис, едва отдышавшись.— Телефон совершенно точно был выключен. Я сам проверял пять раз.

Дворецки снял щиток, который теоретически оберегал руку надевшего его от ударов, а на самом деле защищал костяшки пальцев Артемиса от огромной и жесткой, как лопата, ладони Дворецки.

— Телефон вырублен, однако же звонит.

Артемис стянул перчатку, зажав ее между коленей.

— Он настроен на чрезвычайное подключение. Я поступлю безответственно, если не проверю, почему же он звонит.

— Странно ты говоришь,— заметил Дворецки.— Ходульно как-то... Будто слова подсчитываешь...

— Какая нелепая мысль... честно говоря,— покраснел Артемис.— Просто тщательно подбираю все слова.

Он поспешил к телефону, разработанному им лично под специальную операционную платформу на основе сплава человеческих и волшебных технологий.

— Это сообщение получено от Джульетты, — сказал он, взглянув на семисантиметровый сенсорный экран.

Раздражение Дворецки моментально испарилось.

— Джульетта передала срочное сообщение? Что там говорится?

Артемис молча протянул ему телефон, который, казалось, съежился, утонув в огромной ладони телохранителя.

Сообщение было коротким и срочным. Всего пять слов.

«Домовой, я в беде. Приезжай».

Пальцы Дворецки стиснули телефон так, что тот затрещал. Имена телохранителей, удостоенных «Синего бриллианта», содержались в строжайшей тайне, и само использование его имени Джульеттой уже говорило о том, что ей грозит весьма серьезная опасность.

— Естественно, я поеду с тобой, — быстро произнес Артемис. — Мой телефон, как ты знаешь, способен отследить вызов с точностью до одного квадратного сантиметра; не пройдет и дня, как мы доберемся до любой точки мира.

скорее услышать волшебный звонок из группы Всемирной федерации реслинга.

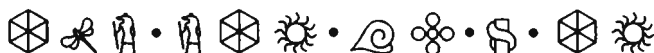
— Канкун,— повторил он.— Не доводилось. Там не нужны люди моей профессии. Слишком спокойно и безопасно.

— Самолет, естественно, в твоем полном распоряжении,— сказал Артемис и нахмурился, недовольный получившейся фразой.— Надеюсь, вся эта история окажется не стоящей... и выведенного яйца.

Дворецки бросил на молодого хозяина внимательный взгляд. С юношей творилось что-то неладное, в этом не оставалось сомнений, однако в эту минуту та часть мозга телохранителя, что отвечала за заботу о других, была полностью занята Джульеттой.

— Не будет никаких выведенных яиц,— сказал он тихо и добавил чуть резче: — Не знаю, кто виной тому, что пришло это сообщение, но он об этом пожалеет.— И чтобы закрепить последнее высказывание, он позволил себе на мгновение превратиться в старшего брата и так врезал по тренировочному манекену, что деревянная голова у того отвалилась и завертелась на мате волчком.

Артемис поднял голову манекена и постучал по ее макушке с полдюжины раз.

— Думаю, они уже начали жалеть,— произнес он голосом, похожим на шорох сухих листьев.

И вот Дворецки мучительно медленно, из-за полуночного обилия машин, продвигался по Канкуну, упираясь головой и плечами в крышу «фиата». Он не позаботился заказать машину и поэтому был вынужден удовольствоваться тем, что нашлось в запасе у дамы из компании «Герц». «Фиат-500». Самое то для направляющегося на курорт одинокого тинейджера, но не больно-то подходящий транспорт для стокилограммового гиганта.

«Безоружного стокилограммового гиганта»,— поправил себя Дворецки. Обычно ему удавалось захватить с собой оружие на вечеринку, которую он собирался сорвать, но в данном случае общественный транспорт оказался быстрее личного самолета Фаула, поэтому Дворецки пришлось оставить дома весь арсенал, включая любимый «ЗИГ-Зауэр», отчего он едва не прослезился. В Атланте ему предстояла пересадка, а дежурящие на досмотре десантники вряд ли отнеслись бы благосклонно к человеку, пытающемуся тайком ввезти на территорию США оружие. Особенно если этот

человек, судя по его виду, способен в одиночку прорвать оборону Белого дома всего с несколькими лентами боеприпасов.

Оставив Артемиса дома, Дворецки почувствовал себя до некоторой степени неприкаянным. Более пятнадцати лет этот мальчик и дела, с ним связанные, занимали почти все его время. Оказавшись практически в одиночестве в бизнес-классе трансатлантического лайнера с перспективой нескольких часов вынужденного безделья, Дворецки, чтобы как-то отвлечься от тревожных мыслей о сестре, стал думать об Артемисе.

В последнее время его подопечный сильно изменился. После возвращения из прошлогодней экспедиции в Марокко по спасению исчезающего вида животных с ним что-то творилось. Артемис стал менее открытым, чем раньше, а раньше он мог соперничать по части открытости с сейфом швейцарского банка ночью. Кроме того, Дворецки заметил, что Артемис слишком большое внимание уделяет расположению предметов. Телохранитель сам всегда был на чеку, поскольку привык видеть в любом находящемся в здании предмете потенциальное оружие или источник осколков. Но очень часто Артемис входил в уже проверенную телохрани-

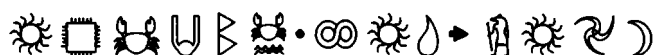

телем комнату и принимался возвращать предметы на их прежние места. И речь его сделалась какой-то не такой. Прежде Артемис изъяснялся едва ли не поэтическими фразами, но в последнее время все больше внимания уделял не тому, что говорит, а количеству затраченных на это слов.

Когда «бойнг» начал заходить на посадку в Атланте, Дворецки решил по возвращении в особняк Фаулов немедленно отправиться к Артемису-старшему и выложить ему все начистоту. Конечно, обязанности телохранителя состоят в том, чтобы защищать Артемиса, но их трудно выполнять, когда опасность таится в самом мальчике.

«Я защищал Артемиса от троллей, гоблинов, демонов, гномьих кишечных газов и даже от людей, но не могу гарантировать, что моя подготовка позволит защитить его от его собственного разума. А значит, я как можно скорее должен найти Джульетту и доставить ее домой».

Вскоре Дворецки надоело ползти по главной улице Канкуна, и он решил, что проще будет добраться до нужного места пешком. Он резко свернул на стоянку такси, выскочил из машины и, не обращая внимания на гневные крики

водителей, легкой трусцой пустился вдоль рядов пятизвездочных отелей.

Найти Джульетту не составит большого труда — ее лицо красовалось на дюжинах афиш в центре города.

ЛУЧАСЛЭМ!* ВСЕГО ОДНА НЕДЕЛЯ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ!

Дворецки не интересовало изображение сестры на афишах. Художник исказил ее милое лицо, придав ей более агрессивный вид, а стойка выглядела нарочито показной. Идеально подходящая для афиши, на деле она никуда не годилась, поскольку открывала левую сторону для бокового удара по почкам.

«Джульетта никогда бы не встала так перед противником».

Его сестра была лучшим прирожденным бойцом из всех, кого он знал. Кроме того, гордость никогда не позволила бы ей попросить

---

* Луча Либре (*исп.* Lucha Libre, свободный бой) — мексиканский реслинг. Рестлеров из Мексики называют лучадорами, а слэм (*англ.* slam, шленок) — прием в реслинге, при котором противника с шумом бросают на ринг. (*Прим. ред.*)

о помощи, когда еще оставалась хоть какая-то надежда справиться самой. Вот почему то сообщение так встревожило Дворецки.

Даже не вспотев, он пробежал две мили, лавируя в толпе гуляк, и наконец оказался возле украшенного стеклом и лепниной фасада Большого театра. У автоматических дверей стояло с полдюжины швейцаров в красных ливреях, которые кивали и улыбались спешащей на главное представление публике.

«Через заднюю дверь, — решил телохранитель. — И так всю жизнь».

Дворецки обошел здание, размышляя, как было бы приятно хоть однажды войти куда-нибудь с парадного входа. Возможно, в другой жизни, когда он станет слишком стар для занятия привычным ремеслом...

«Интересно, а сколько мне тогда будет лет? — подумал он. — Если задуматься, со всеми этими путешествиями во времени и волшебными исцелениями я и сам не уверен, сколько мне сейчас».

Подойдя к черному ходу, Дворецки выбросил из головы все мысли, кроме тех, что относились к предстоящему делу. Найти Джульетту, определить, в какую беду она попала, и решить проблему с минимальным побочным

ущербом. До начала представления оставалось десять минут, поэтому, если немного повезет, он успеет найти сестру, прежде чем в зал набьется слишком много народу.

Охрану задних дверей обеспечивала только камера наблюдения. К счастью, это был всего лишь театр, а не конференц-зал курортного отеля, иначе у черного входа оказались бы бассейны, толпы туристов, играющий сальсу оркестр и штук шесть полицейских в штатском. А так Дворецки просто помахал камере, надежно прикрыв тем самым лицо, и проник в здание незамеченным.

За кулисами он не встретил ни малейшего сопротивления. Прошел мимо пары силачей в театральных костюмах, мирно потягивавших какое-то электролитическое пойло, но не удостоился с их стороны и взгляда — вероятно, они приняли его за одного из своих. Выглядел он большим и тупым, настоящим громилой.

Как и в большинстве театров, пространство за сценой пронизывали мили коридоров и узких проходов, не отмеченных на чертежах, которые Дворецки успел загрузить в свой смартфон из интерпедии Артемиса, где имелся сайт с любимыми, когда-либо выложенными в Сеть чертежами, не считая украденных и опублико-

ванных Артемисом лично. Спустя несколько неверных поворотов даже знаменитое умение Дворецки ориентироваться начало подводить хозяина, и у дюжего телохранителя возникло почти непреодолимое желание просто проломить несколько стен, проложив кратчайший путь туда, куда ему не терпелось попасть, а именно в примерную артистов.

Когда Дворецки наконец добрался до гримерной, он успел заметить процессию выходивших на сцену рестлеров в костюмах из лайкры и шелка, похожую на хвост китайского дракона. Когда последний артист покинул помещение, барьер из мяса и мускулов в виде двух гигантских вышибал закрыл выход за кулисы.

«С ними я справлюсь,— подумал Дворецки.— Это несложно, но тогда у меня останется всего несколько секунд на то, чтобы найти Джульетту и вытащить ее отсюда, а сестра, насколько я ее знаю, затеет сложный и абсолютно бессмысленный разговор, прежде чем согласится уйти. Надо мыслить как Артемис, прежний Артемис, и спокойно разыграть партию. Малейший промах, и, скорее всего, нам обоим конец».

Снаружи донеслись восторженные вопли толпы, приветствовавшей появление борцов. Двойные двери приглушали шум, но в гример-

прежнему находился в состоянии полной боевой готовности, но мог позволить признать себя в том, что всю дорогу отчаянно боялся опоздать.

«Джульетта жива. И здорова. Вместе мы решим проблему, в чем бы она ни заключалась».

Затем он пришел к выводу, что находится в самом удобном наблюдательном пункте и лучше всего там и оставаться. Он отлично видел весь ринг и мог, если понадобится, оказаться рядом с сестрой буквально в считанные секунды.

Старомодный гонг возвестил о начале первого поединка. Джульетта высоко подпрыгнула и по-кошачьи ловко приземлилась на верхний канат.

— Прин-цес-са! Прин-цес-са! — принялись скандировать зрители.

«Любимица публики,— подумал Дворецки.— А как иначе?»

Соперница Джульетты явно играла роль главной злодейки в этом спектакле. Здоровенная баба с обесцвеченными волосами под ежик и в кроваво-красном костюме из лайкры.

Толпа неодобрительно засвистела.

Как и у всех борцов-лучадоров, лицо и нос гигантской соперницы Джульетты закрывала маска, завязанная на затылке колючей прово-

локой, которая, как подозревал Дворецки, на самом деле была пластиковая.

По сравнению с противницей Джульетта казалась куколкой, великанша явно превосходила ее. Ее личико под маской подтратило самоуверенность, и она обратилась за помощью в свой угол ринга, но в ответ стереотипный тренер в кепке, словно приглашенный со съемочной площадки «кино про реслинг», лишь равнодушно пожал плечами.

«А матч-то идет по сценарию,— понял Дворецки.— Никакой опасности».

Он придвинул к монитору стул, уселся и стал наблюдать за сестрой.

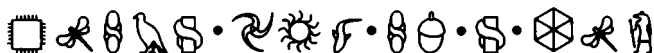
В первом раунде Дворецки ничего не встревожило. Потом, во втором, Джульетта оказалась слишком близко к сопернице, и та бросилась на нее с поразительной скоростью.

— О-о-ох! — выдохнула большая часть толпы.

— Сломай ее пополам, Самсонетта! — завопили менее милосердные зрители.

«Самсонетта,— подумал Дворецки.— Подходящее имя».

Но и это его не беспокоило. Насколько он видел, Джульетта могла выйти из захвата Самсонетты дюжиной приемов, никак не меньше.

Для применения большинства ей даже руки не понадобились бы. Например, можно провести ложный захват с резким падением.

Занервничал Дворецки лишь тогда, когда увидел с дюжину мужчин в полувоенного покроя плащах, направлявшихся к рингу вдоль дальней стены.

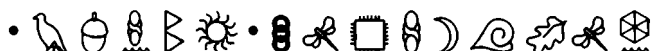
«Плащи? В Канкуне? Зачем надевать плащ в Мексике, если только не собираешься что-нибудь под ним спрятать?»

Слишком зернистое изображение не позволяло разглядеть подробности, но что-то в этих парнях и в их манере двигаться настораживало Дворецки. Они перемещались целеустремленно, скрытно, стараясь держаться в темноте.

«Время есть,— уговаривал себя Дворецки, уже разрабатывая план действий.— Может оказаться ложная тревога, а может и реальная опасность. Я не могу рисковать, когда на карту поставлена жизнь Джульетты».

Он окинул взглядом примерную в поисках предмета, пригодного в качестве оружия. Не повезло. Пара стульев, много блесков и грима, корзина со старыми костюмами.

«Блестки и грим мне не понадобятся»,— подумал Дворецки, запуская руки в корзину.

Весь костюм Джульетты отличался красотой, и одно это уже делало ее любимицей публики. Обтягивающее трико цвета нефрита и маленькая маска на глазах, на самом деле представлявшая собой слой усыпанного блестками геля.

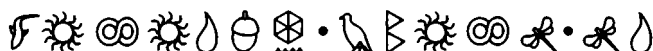
«Если уж приходится носить маску,— решила практичная Джульетта,— пусть она будет полезной для кожи».

Они подготовились к фирменному приему Самсонетты — броску через голову с помощью поразительной силы рук великанши. Обычно, если у соперницы после этого приема оставалась хотя бы искра энергии, Сэм просто падала на нее, заканчивая схватку. Но поскольку любимицей публики была Джульетта, прием выполнялся иначе. Публика хотела видеть свою Принцессу поверженной, но не без надежды на победу.

Сэм объявила о следующем ходе, спросив у толпы, хочет ли та услышать шлепок тела о ринг.

— Хотите? — закричала она с нарочито выраженным акцентом.

— Да! — заорали зрители, потрясая кулаками.

— Тело шльоп?

— Шлеп! — взревела толпа. — Шлеп! Шлеп!

Некоторые зрители позволили себе более грубые выкрики, но охранники быстро заставили их замолчать.

— Хотитте шльоп? Я шльоп! — Обычно Самсонетта говорила более правильно, но антрепренер/режиссер шоу Макс настаивал на том, чтобы она коверкала фразы и растягивала согласные, поскольку это почему-то сводило публику с ума.

Итак, она выгнулась и высоко подбросила несчастную Нефритовую Принцессу. Тут бы схватке и конец, но Принцесса перекувырнулась в воздухе и приземлилась на кончики пальцев рук и ног, и это еще не все — она мгновенно вскочила на ноги и крутанула головой так, что вплетенное в пшеничную косу нефритовое кольцо ударило Самсонетту в челюсть, заставив великаншу рухнуть навзничь.

Самсонетта жалобно взывала, потирая челюсть, чтобы та покраснела, и закрутилась на ринге, как морж на раскаленном камне.

Актрисой она была бесподобной, и Джульетта даже забеспокоилась, не поранила ли ее кольцом по-настоящему, но тут Сэм незаметно под-

мигнула ей, и напарнице стало ясно, что это лишь игра.

— Хочешь еще, Самсонетта? — спросила Джульетта, грациозно взлетев на верхний канат. — Или с тебя хватит?

— Хватит, — проскулила ее якобы поверженная соперница и решила порадовать Макса. — Большие не хотят.

Джульетта повернулась к залу.

— Всыпать ей еще?

«О нет! — ответила воображаемая аудитория. — Это уж совсем дикость!»

Но настоящая придерживалась другого мнения.

— Убей ее!

— Двинь ее в центр!

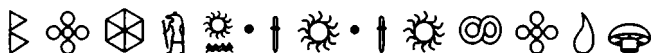
«Что бы это значило? Они и так находились в центре города».

— Покажи ей, что такое боль!

Очевидно, зрители имели в виду нечто более мучительное, чем обычная боль.

«Как я люблю эту публику», — подумала Джульетта, спрыгивая с каната, чтобы нанести решающий удар.

Все должно было пройти безупречно. Грациозное двойное сальто, а потом локтем в живот, вызывая у соперницы протяжное «о-о-ох»,

но кто-то выскочил из темноты, поймал Джульетту на лету и грубо бросил ее в угол ринга. Другие безмолвные и мускулистые мужчины навалились на нее, и скоро осталась видна только одна обтянутая зеленой тканью нога.

Дворецки, прятавшийся за одной из осветительных стоек, почувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз, превратившись в кислый комок страха.

— Теперь мой ход, — пробормотал он.

Хотя меньше всего в эту минуту Дворецкий был настроен поиграть.

Публика аплодировала неожиданному появлению ниндзя-лучадоров в фирменных черных костюмах, до поры скрытых плащами. Они, несомненно, прибыли отомстить за последнее поражение своего хозяина от рук и ног Нефритовой Принцессы на арене Квадрослэм в Мехико. Незванные гости часто появлялись во время представлений, но целый отряд ниндзя стал приятной неожиданностью.

Ниндзя сплелись в тугую клубок, поскольку каждому из них не терпелось ударить Нефритовую Принцессу, и хрупкой девушке оставалось только лежать и принимать град ударов.

На ринге бесшумно возник Дворецки. Элемент неожиданности часто определял разницу между победой и поражением в ситуациях «все против нас», но, честно оценив положение, Дворецки вынужден был признать, что преимущество на его стороне, несмотря на численное превосходство ниндзя двенадцать к одному. Двенадцать к двум, если, конечно, Джульетта не потеряла сознание, то есть шесть к одному — практически равные шансы. Буквально за мгновение до этого Дворецки чувствовал себя неловко в позаимствованном костюме из искусственной медвежьей шкуры и маске, но смущение мгновенно испарилось, как только он переключился в боевой режим, то есть заставил себя мыслить холодно, быстро и рассудительно.

«Эти люди обижают мою сестру», — подумал он, и горячая струйка ярости разрушила ледяную оболочку профессионализма.

Пора приниматься за дело.

Зарывав, что вполне соответствовало костюму Бешеного Медведя, Дворецки проскользнул под нижним канатом, выкатился на ринг, быстро пересек площадку и принялся избивать ниндзя вызывающе эконоными движениями. Он не произносил угрожающих монологов, да-

же не топал ногами, возвещая о своем появлении,— то есть вел себя очень нелюбезно. Он просто раскидывал ниндзя, словно башню «дженга»*.

Тридцать секунд на ринге мелькали руки и ноги и раздавались пронзительные крики, которые сделали бы честь истеричным подросткам на концерте рок-группы, и в итоге Джульетта оказалась на свободе.

Дворецки, убедившись, что с сестрой ничего страшного не случилось, улыбнулся под маской.

— Привет. Я успел.

В знак благодарности за спасение жизни Джульетта ударила его четырьмя прямыми пальцами в солнечное сплетение, мгновенно сбив дыхание.

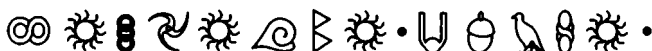
— А-аррх! — прохрипел он.— Шдееш?

Очевидно, это означало: «Что ты делаешь?»

Двое ниндзя пришли в себя и попытались нанести несколько стилизованных ударов по нападшему на них Медведю, но в награду получили несколько небрежных пощечин.

---

* «Дженга» — настольная игра: игроки по очереди достают блоки из основания башни и кладут их наверх, делая башню все более высокой и все менее устойчивой.

— Уймись! — рявкнул восстановивший дыхание Дворецки, злобно на них зыркнув. — У нас тут семейный разговор.

Краем глаза он уловил стремительное движение в свою сторону и машинально выбросил руку, поймав вплетенное в светлую косу сестры нефритовое кольцо.

— Ух ты! — сказала Джульетта. — Это никому и никогда не удавалось.

— Правда? — отозвался Дворецки, выпустив из ладони кольцо. — Никому-никому?

Глаза Джульетты под маской округлились.

— Никому, кроме... Братишка, ты?

Прежде чем Дворецки успел ответить, Джульетта шагнула в сторону и предплечьем сбила с ног одного из ниндзя. Тот, возможно, подкрадывался к ним, но, скорее всего, просто хотел побыстрее убраться с ринга, превратившегося в арену реальной боли, а не убедительно изображаемых мучений.

— Вы что, не слышали? Нам надо потолковать по-семейному.

Скулящие ниндзя прижались к канатам. Даже Самсонетта, судя по всему, несколько напугалась.

— Брат, ты помешал мне закончить матч-реванш. Что ты здесь делаешь? — спросила Джульетта.

Многим людям понадобилось бы несколько минут, чтобы заподозрить неладное, но только не Дворецки. Годы работы телохранителем Артемиса научили его все схватывать на лету.

— Ясно, ты не меня вызывала. Уходим, мне нужно спокойно все обдумать.

Джульетта капризно оттопырила нижнюю губу, как десять лет назад, когда Дворецки запретил ей обрить голову наголо.

— Я не могу уйти. Поклонники ждут, когда я наконец пройду по рингу колесом и уложу тебя фирменным приемом.

Она говорила правду. Фанаты Нефритовой Принцессы подпрыгивали на сиденьях и требовали крови Бешеного Медведя.

— Если я просто слиняю, может начаться бунт.

Дворецки поднял взгляд на гигантский экран, подвешенный к потолку, и увидел собственное увеличенное изображение, способное вызвать головную боль у любого человека.

Из старомодных конических динамиков, прикрепленных к углам экрана над головой, прогремел голос:

— Ребята, кто это такой? Неужели Бешеный Медведь явился сокрушить своего заклятого врага — Нефритовую Принцессу?

Джульетта выпятила подбородок.

— Макс. Во всем ищет выгоду.

— Джульетта, у нас нет на это времени.

— Кто бы он ни был,— продолжил Макс,— мы не позволим ему просто уйти с нашей Принцессой, верно, amigos?

Судя по громкой и продолжительной реакции, заплатившим за представление не понравилась мысль о беспрепятственном отбытии Бешеного Медведя с Принцессой под мышкой. В выражениях они не стеснялись, и Дворецки мог поклясться, что от криков задрожали стены театра.

Дворецки сделал три быстрых шага к канатам и погрозил пальцем какому-то коротышке с микрофоном в руке.

К его изумлению, коротышка вскочил на стол и принялся топтать собственную шляпу, надрываясь в микрофон:

— Ты осмеливаешься угрожать мне, Бешеный Медведь? После всего того, что я для тебя сделал? Лесники нашли тебя в стае гризли, и кто дал тебе приют? Макс Шетлин, вот кто! И так-то ты решил отблагодарить меня?

Дворецки предпочел не обращать внимания на его болтовню.

— Ладно, Джульетта. Нам пора. Времени совсем нет. Кто-то вознамерился нейтрализовать меня. Вероятно, тот, у кого зуб на Артемиса.

— Твоему предположению, братец, остро не хватает точности. У Артемиса куда больше врагов, чем у тебя, а у тебя их в данный момент немало.

И верно. Толпа грозно ревела, по большей части не всерьез, однако зоркие глаза Дворецки заметили в первом ряду нескольких фанатов, уже готовых брать ринг штурмом.

«Надо что-то сделать,— подумал он.— Показать этим людям, кто здесь хозяин».

— Кыш с ринга, Джул. Немедленно.

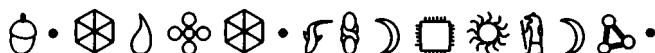
Джульетта подчинилась без единого слова: у Дворецки было такое лицо... В последний раз, когда она видела его таким, брат пробил кулаками борт похищенной сомалийскими пиратами яхты, потопив судно в Аденском заливе.

— Самсонетту не трогай,— сказала она.— Мы подруги.

Дворецки неодобрительно покачал головой.

— Подруги? Я знал, что вы прикидываетесь.

Самсонетта и ниндзя усердно махали кулаками в дальнем углу ринга. А еще они топали

ногами и делали угрожающие жесты, не причиняя никому ни малейшего вреда.

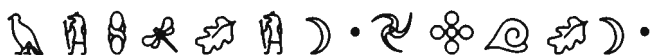
Когда Джульетта покинула ринг и оказалась в относительной безопасности, Дворецки вернулся в свой угол и ударил плечом в привязанную к стойке подушку. От удара стойка зашаталась в гнезде.

— Бешеный Медведь действительно взбесился! — завопил Макс. — Решил поколотить ринг! Ниндзя, неужели вы допустите это? Этот человек посмел осквернить сам символ наших спортивных традиций!

Отряд ниндзя, похоже, вовсе не возражал против некоторого осквернения символа, только бы на них не набросился этот человек-гора, разметающий пирамиду из их тел с легкостью ребенка, ломающего карточный домик.

Дворецки еще раз ударил по стойке и вырвал ее из гнезда. Приподняв металлический столбик, он нырнул под канаты и принялся скручивать ринг.

Опешившие от его беспрецедентных действий зрители только через несколько минут поняли, что происходит. В будущем этот трюк получит название «выжималка» и сделает настоящего Бешеного Медведя, в данный момент

валявшегося пьяным в темном переулке, истинной суперзвездой ринга.

Даже красноречие Макса Шетлина иссякло, пока его мозг пытался осмыслить происходящее.

Дворецки, воспользовавшись общим замешательством, повернул стойку полдюжины раз, вырвав из основания еще две.

«Оказывается, это не так уж и трудно,— подумал он, глядя на собственное изображение на гигантском экране.— Ринг похож на перевернутую палатку. Тут даже упитанный подросток справился бы».

Он собрал все три стойки в руках и ловко завертел ими, скручивая ринг плотнее и плотнее.

Двоим ниндзя хватило ума улизнуть, пока оставалась такая возможность, но большинство замерли с отвисшими челюстями, а еще двое предпочли думать, что все это им снится, и поэтому сели и закрыли глаза.

Дворецки кивнул Самсонетте.

— Проваливайте, мисс.

Самсонетта сделала реверанс, начисто выпав из образа, и проскочила под канатами вместе с одним ниндзя, оказавшимся достаточно

смышленным, чтобы воспользоваться возникшей передышкой.

Остальных прижимало друг к другу все плотнее и плотнее, по мере того как Дворецки скручивал канаты. При каждом обороте раздавались стоны старых канатов и зажатых между ними людей. Толпа наконец оценила прием и принялась скандировать при каждом обороте. Некоторые зрители с ликованием подбадривали Дворецки и призывали выдавить воздух из легких ниндзя, но телохранитель хотел лишь, чтобы их хорошенько помяло, как пассажиров лондонской подземки в час пик. Потом он оттащил беспомощных ниндзя к краю ринга и вставил стойку в гнездо.

— Я ухожу,— сообщил он.— А вам всем советую оставаться на местах, пока я по меньшей мере не покину страну, иначе я очень расстроюсь.

Дворецки не владел гипнотическими чарами волшебного народца, но речь его произвела должное впечатление.

— Ладно, Медведь, расслабься,— сказал единственный ниндзя в белой бандане, очевидно командир.— Ты действуешь совсем не по сценарию. Макс сойдет с ума.

— Макс — это моя забота,— сказал Дворецки.— А твоя забота сейчас — чтобы я не позаботился о тебе.

Ниндзя от удивления поднял брови так, что морщины на лбу проступили даже сквозь бандану.

— Что? О какой заботе заботиться?

Дворецки заскрежетал зубами. Вести подобные диалоги в жизни гораздо труднее, чем в кино.

— Просто не шевелись, пока я не уйду. Понятно?

— Конечно. Так бы и сказал.

— Я знаю.

Бредовость ситуации вгоняла Дворецки в тоску. Он повернулся к сестре.

— Хватит. Мне надо уйти куда-нибудь и подумать. Куда-нибудь, где нет лайкры.

— Хорошо, Дом. Следуй за мной.

Дворецки спустился с площадки.

— И прекрати полоскать мое имя. Оно считается секретным.

— Только не для меня. Я же твоя сестра.

— Возможно. Но здесь тысячи посторонних людей и почти столько же камер.

— Я же не произнесла твое полное имя. Если бы я сказала Дому...

— Замолчи! — оборвал ее Дворецки. — Я не шучу.

До служебного выхода оставалось метров двадцать, и сердце Дворецки согревал привычный ритм семейных пререканий.

«Кажется, у нас все получится», — подумал он в редкий миг оптимизма.

И тут на огромном экране появилась пара гигантских горящих красных глаз. И хотя обычно глаза такого цвета ассоциировались с неприятностями — например, с вампирами, ожогами хлоркой и конъюнктивитом, — эти смотрели дружелюбно и вызывали безграничное доверие. На самом деле любой, вглядывающийся в бурлящую бездну этих глаз, понимал, что все его проблемы решатся, если только выполнять приказы владельца этих глаз.

Дворецки случайно поймал эти глаза периферическим зрением, но тут же поспешил опустить голову.

«Подземная магия, — догадался он. — Сейчас всю толпу загипнотизируют».

— Посмотрите мне в глаза, — раздался голос из каждого динамика в зале. Каким-то образом он проник во все камеры и во все телефоны зрителей.

— Надо же,— произнесла Джульетта странным монотонным голосом, совсем не подходящим для восклицания.— И правда, я должна посмотреть в эти глаза.

Возможно, Джульетта не послушалась бы вкрадчивого голоса, помни она о своем общении с волшебным народцем. К сожалению, все эти сведения были стерты из ее памяти.

— Заблокируйте выходы,— приказал голос.— Заблокируйте все выходы. Используйте собственные тела.

Джульетта сорвала с лица маску, мешавшую смотреть на экран.

— Братец, мы должны заблокировать все выходы своими телами.

Дворецки прикинул, насколько ухудшится ситуация, если тысячи поклонников реслинга бросятся по проходам к дверям в стремлении физически их заблокировать.

«Заблокировать все выходы своими телами. Эта тварь выразилась весьма конкретно».

Дворецки не сомневался, что скоро последует еще один приказ, только вряд ли он будет гласить: «А теперь возьмитесь за руки и пойте хором». Нет, телохранитель был уверен, что ничего благодушного с экрана не донесется.

— А теперь убейте Медведя и Принцессу,— произнес полный гипнотических чар голос. Динамики не успевали ловить магическую волну, и «с» в слове «Принцессу» несколько подзатянулось.

«Убейте Медведя и Принцессу. Прелестно».

Дворецки увидел, как вспыхнули злобой глаза сестры, когда она поняла, что Медведь — это он. Интересно, а как она поступит, когда наконец поймет, что Принцесса-то она?

«Не имеет значения,— понял он.— Мы оба можем умереть задолго до этого».

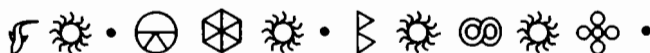
— Убейте Медведя и Принцессу,— монотонно произнесла Джульетта в полном согласии с загипнотизированной толпой.

— И не слишком торопитесь,— продолжил волшебный голос, в нем появились веселые нотки.— Пусть немного помучаются. Как это вы, люди, говорите? Пусть плачут кровавыми слезами!

«Шут гороховый,— констатировал Дворецки.— Значит, это не Опал Кобой».

— Придется убить тебя, братец,— сказала Джульетта.— Мне очень жаль. Правда.

«Вряд ли получится»,— подумал Дворецки. В удачный день, если его напичкать снотворным и завязать глаза, она, возможно, и сумела

бы нанести ему незначительные повреждения, но по опыту он знал, что загипнотизированные люди отличаются тупостью и медлительностью. Бóльшая часть мозга отключалась, а оставшейся Нобелевская премия явно не светила.

Джюльетта попыталась нанести удар ногой с разворота, но потеряла равновесие и оказалась в объятиях брата. Вот только ее нефритовое кольцо завершило оборот и угодило ему в ухо.

«Сестренка умеет быть той еще головной болью даже под гипнозом».

Дворецки легко поднял Джюльетту на руки и напряг мышцы, приготовившись к броску.

— Убить тебя, — пробормотала сестра. — Прости. Должна. — Потом добавила: — Волшебный народец? Ты шутишь?

Вспомнила осаду родового поместья Фаулов? Неужели чары случайно активировали воспоминания?

С этим можно и потом разобраться — если для них будет «потом». Дворецки вполне верил в собственные силы, но сомневался, что сумеет уделать полный театр зомби, даже не слишком быстроногих.

— Приступайте к работе, мои земные слуги,— произнес голос обладателя красных глаз.— Погрузитесь в самые темные глубины вашего мозга, если таковые у вас имеются. Не оставляйте никаких улик для властей.

«Не оставляйте улик? А как им предлагается поступить с уликами?»

Об этом не хотелось даже думать.

«Улики-улитки? Ха-ха-ха,— подумал Дворецки.— Шутки? У меня есть время шутить? Неужели я настолько вымотался? Соберись. Бывало и хуже».

Правда, глядя на сотни неуклюжих новоявленных психов, ковыляющих к нему с верхних ярусов, Дворецки никак не мог вспомнить, когда именно.

Низенький и толстый мужчина за сорок в футболке гробовщика и каске на две банки пива указал на Дворецки пальцем.

— Медве-е-е-дь! — завопил он.— Медве-е-е-дь и Принцесса!

Дворецки позаимствовал слово из лексикона волшебного народца.

— Д'арвит,— произнес он.

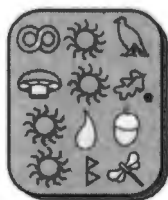

ГЛАВА 3

ВОСХОД, ОРИОНА

Ватнайёкюдль, Исландия, настоящее время

Артемиса бросало из одного психоза в другой.

— Ты не настоящий! — кричал он падающему кораблю. — Ты просто-напросто бредовая иллюзия,

дружок!

И тут же впадал в состояние паранойи.

— Это ты все придумала! — кричал он Элфи. — Кто твои сообщники? Жеребкинс, конечно. Дворецки? Ты настроила моего верного телохранителя против меня? Взломала его мозг и напихала туда собственных убеждений?

Лежа на крыше, Элфи улавливала через направленный микрофон шлема лишь каждое второе слово, но ей и этого хватало, чтобы по-

нять, что Артемис перестал быть клиническим приверженцем строгой логики, каким был раньше.

«Если бы прежний Артемис увидел нового, он бы со стыда сгорел».

Как и Дворецки, Элфи даже в этот тяжелый час с трудом удавалось контролировать свое мятежное чувство юмора.

— Ложись! — крикнула она. — Корабль настоящий!

— Ага, ты хочешь, чтобы я так думал! А корабль всего лишь шестеренка в твоём хитром заговоре... — Артемис замолчал. Если корабль — шестеренка в заговоре, а заговор настоящий, значит, и корабль должен быть настоящим. — Пять! — вдруг выпалил он, на мгновение позабыв обо всем. — Пять, десять, пятнадцать.

Он вытянул растопыренные пальцы в сторону корабля и бешено ими замельтешил.

«Приветствие десятью пальцами. Уж это точно должно рассеять видение».

И казалось, жест и впрямь подействовал. Четыре дисковидных ускорителя, волочившиеся за главным корпусом, словно беспомощные марионетки за испуганным кукловодом, вдруг перевернулись и выпустили в сторону земли

жирные пузыри антигравитационных импульсов, замедливших темпы снижения со скоростью на первый взгляд невозможной для корабля столь неэлегантных пропорций.

— Ха! — радостно закричал Артемис. — Я отлично контролирую собственную реальность. Ты это видела?

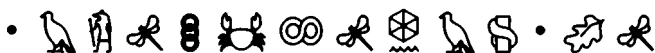
Элфи прекрасно видела, что ничего Артемис не контролирует, а просто наблюдает приземление космического зонда волшебного народца. Сама она никогда не пилотировала предназначенные для исследования дальнего космоса суда, но тем не менее знала, как легко погибнуть, стоя под таким бегемотом, когда он выпускает антигравитационные пузыри, и никакие растопыренные пальцы не помогут.

«Я должна встать».

Но искалеченные ноги прижимали к крыше не хуже свинцового одеяла.

«По-видимому, сломан таз. Может, и лодыжка».

Благодаря своему другу демону Номеру Первому, постепенно становившемуся самым могущественным колдуном из когда-либо зачисленных в университет, Элфи обладала целительной магией необычайной силы, и эта ма-

гия принялась исцелять ее раны, но недостаточно быстро. Еще пара секунд, и один из антигравитационных пузырей разорвет Артемиса на куски или сам корабль приземлится ему на голову. И не нужно быть гением, чтобы догадаться о последствиях, хотя это неважно, поскольку в данный момент Артемис на гения явно не тянул.

— Прошу помощи,— произнесла она в микрофон слабым голосом.— Кто-нибудь меня слышит? Хоть кто-нибудь?

Никто не отозвался. Тех, кто находился внутри шаттла, не спасла бы даже магия, а Жеребкинс до сих пор торчал вверх ногами в сугробе.

«Слишком поздно, даже окажись кто-нибудь рядом».

Длинные извилистые трещины поползли по поверхности льда от мест попадания антигравитационных импульсов, как после ударов молотком. Лед трещал, как горящий хворост, и проваливался, обнажая подледные каверны.

Размером корабль не уступал зерновому элеватору и, казалось, сопротивлялся тяге привязанных двигателей, изрыгая облака пара и струи жидкости. Артемиса окатило ракетным топливом, и реальность судна стало отрицать

труднее. Но одной черты характера Артемис не лишился, а именно — упрямства, поэтому он не сдавал позиций, отказываясь уступить последнему писку здравого смысла.

— Кого это интересует! — пробормотал он.

Элфи каким-то образом услышала последние слова и подумала: «Меня».

Отчаянная ситуация требовала отчаянных решений.

«Терять нечего», — подумала Элфи, нащупывая кобуру на бедре.

Она выхватила пистолет чуть менее плавно, чем обычно. Проверять синхронизацию оружия со шлемом все равно было некогда. Эльфийка просто нажала большим пальцем командный датчик и четко произнесла в микрофон у края рта:

— Пистолет. — (Пауза для ответного сигнала.) — Не смертельный. Широкий угол, контузия.

— Прости, Артемис, — прошептала она и выпустила в друга мощный трехсекундный импульс.

Когда Элфи нажимала на курок, Артемис, стоя по щиколотку в снежно-водяной каше, произносил напыщенную речь.

Луч поразил его, словно удар гигантского электрического угря. Тело отбросило далеко в

сторону за мгновение до сопровождаемой жутким грохотом костедробильной посадки зонда, буквально уничтожившей место, где только что стоял Артемис.

Юноша мешком упал в кратер и исчез из поля зрения Элфи.

«Плохо дело», — подумала она, но перед глазами у нее заплесали любопытными янтарными светлячками искры ее собственной магии.

«Отключаюсь, — сообразила она. — Магия погружает меня в сон, дабы завершить исцеление».

Краем глаза капитан Малой увидела, как в брюхе зонда открылся люк и гидравлическая система медленно опустила трап. Что-то спускалось на землю.

«Надеюсь, я проснусь, — подумала Элфи. — Ненавижу этот лед и не хочу замерзнуть насмерть».

Потом она закрыла глаза и не почувствовала, как ее безвольное тело скатилось по крыше и упало в сугроб.

Спустя от силы минуту веки Элфи дрогнули, и она открыла глаза. Пробуждение казалось дерганным и нереальным, будто снятые в зоне боевых действий документальные кадры. Элфи

не помнила, как вставала, но вдруг оказалась на ногах, и ее тащил куда-то Жеребкинс, совершенно растрепанный, наверное потому, что его великолепная челка обгорела и торчала вороньим гнездом. Но в первую очередь он был подавлен.

— Давай же, капитан! — крикнул Жеребкинс, и Элфи почудилось, будто движения его губ не совсем соответствуют звукам. — Надо уходить.

Элфи откашлялась янтарными искрами, на глаза навернулись слезы.

«Янтарная магия? Старею».

Жеребкинс схватил ее за плечи и потряс.

— Соберись, капитан. Работа не ждет.

Кентавр использовал шоковую психологию. Элфи отлично это понимала — помнила пройденный в Полис-Плаза штатный курс обучения.

«В случае возникновения боевого стресса апеллировать к профессионализму солдат. Неоднократно напоминать им о долге. Настаивать на исполнении ими своих обязанностей. Это не окажет долгосрочного исцеляющего воздействия на какие бы то ни было психологические травмы, но, возможно, позволит вернуться на базу».

Вела курс майор Виниайа.

Элфи заставила себя сосредоточиться. Ноги ниже колен казались хрупкими, поясницу покалывало от боли, всегда приходящей после исцеления,— этот эффект называли магическим ожогом.

— Артемис жив?

— Не знаю,— резко ответил Жеребкинс.— Я создал эти штуки. Придумал их. Понимаешь?

— Какие штуки?

Жеребкинс затащил ее на гладкий, как каток, склон ледника.

— Которые охотятся на нас в данный момент. Аморфоботы. Они вылезли из зонда.

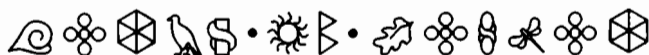
Они начали спускаться по склону, перегнувшись вперед ради сохранения равновесия.

У Элфи сузилось поле зрения, хотя забрало было панорамным. По краям мерцали янтарные искорки магии.

«Исцеление еще не завершено. Мне нельзя шевелиться. Только богам известно, какой вред я нанесу себе».

Жеребкинс словно прочел ее мысли, хотя, скорее всего, просто почувствовал, как это водится у волшебного народца.

— Я должен был вытащить тебя оттуда. Один из моих аморфоботов направлялся к те-

бе и всасывал все, что встречалось на его пути. Зонд провалился одним богам ведомо куда. Попробуй опереться на меня.

Элфи кивнула и снова закашлялась, пористое забрало мгновенно впитало капли слюны.

Они ковыляли по льду к кратеру, где валялся Артемис. Он был очень бледен, из уголка рта текла к линии волос тонкая струйка крови. Жеребкинс опустился на передние колени и попытался привести Артемиса в сознание строгим выговором.

— А ну, прекращай, вершок! — сказал он, ткнув Артемиса в предплечье. — Хватит безалаберничать.

В ответ на критику у Артемиса едва заметно дернулась рука. Отлично — по крайней мере, Фаул был жив.

Споткнувшись о кромку кратера, Элфи на непослушных ногах спустилась на дно.

— Безалаберничать? — запыхавшись, переспросила она. — Разве есть такое слово?

Жеребкинс еще раз ткнул Артемиса.

— Да, есть. Кстати, разве ты не должна убивать этих роботов карандашом?

Глаза Элфи загорелись.

— А это возможно?

Жеребкинс фыркнул.

— Конечно. Если вместо грифеля вставить в карандаш супер-пупер-демонический волшебный луч.

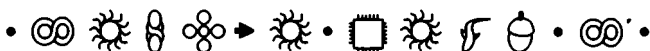
Элфи еще не отошла от потрясения, но даже посттравматический туман в голове не мог помешать ей видеть, как плохи их дела. Сверху доносились странные металлические щелчки и животные вопли — тихие и редкие поначалу, они становились все быстрее и громче, пока не слились в сплошной неистовый визг.

Эти звуки раздражали Элфи, словно терли лоб наждачной бумагой.

— Что это такое?

— Аморфоботы обмениваются данными, — прошептал Жеребкинс. — Передают друг другу терабайты информации. Обновляют друг друга. Что знает один, то знают все.

Элфи с помощью датчиков на забрале проверила жизненные функции Артемиса. Если верить светящимся показаниям, у него имелись незначительные шумы в сердце и необычная активность мозга в теменной доле. Помимо этого, мощности встроенного в шлем компьютера хватило только на вывод, что Артемис в принципе не мертв. Если ей удалось пережить последние злоключения, то, может, и Артемис уцелел.

- Жеребкинс, а что они ищут?
- Что они ищут? — Кентавр растянул губы в истерической улыбке, чересчур обнажив десны.

Внезапно Элфи ощутила, как все органы чувств резко пришли в норму, а значит, исцеление успешно завершилось. В районе таза пульсировала боль, она исчезнет лишь через несколько месяцев, но капитан Малой снова в строю, и, возможно, ей удастся вернуть всех в подземную цивилизацию.

- Жеребкинс, соберись. Надо понять, на что способны эти штуки.

Кентавр надулся: как можно задавать вопросы именно в такой момент, когда он должен обдумать жизненно важные проблемы!

- Элфи, честное слово! Разве сейчас у нас есть время на объяснения?

- Перестань немедленно! Мне нужна информация. Выкладывай!

Жеребкинс шумно выдохнул.

- Это биосферы. Аморфоботы. Тупые машины на основе плазмы. Собирают образцы растительной жизни и анализируют их в собственной плазме. Очень просто. Совершенно безвредны.

— Безвредны,— язвительно передразнила Элфи.— Сдается мне, кто-то перепрограммировал твоих аморфоботов, кентавр.

Кровь отхлынула от лица Жеребкинса, у него задрожали пальцы.

— Нет. Невозможно. Этот зонд должен находиться на пути к Марсу для поисков микроорганизмов.

— По-моему, факт захвата зонда сомнению уже не подлежит.

— Есть еще вариант,— предположил Жеребкин,— все это мне просто снится.

Но Элфи не отставала.

— Жеребкинс, как их остановить?

Невозможно было не заметить выражение страха, возникшее и погасшее на лице кентавра, будто отблеск солнца на зеркальной поверхности озера.

— Остановить? Аморфоботы предназначены для выживания в условиях продолжительного воздействия открытого космоса. Сбрось такой на поверхность звезды, и он проживет достаточно долго, чтобы передать информацию на корабль-носитель. Конечно, у меня есть код уничтожения, но, подозреваю, он уже заблокирован.

— Должен быть способ. А их нельзя застрелить?

— Абсолютно исключено. Они любят энергию. Она питает их клетки. Если выстрелить в них, они станут только больше и сильнее.

Элфи пощупала Артемису лоб, проверяя температуру.

«Хоть бы ты очнулся,— подумала она.— Нам бы как раз пригодился один из твоих гениальных планов».

— Жеребкинс,— обратилась она к кентавру.— Чем занимаются аморфоботы в данный момент? Что они ищут?

— Жизнь,— просто ответил тот.— В данный момент осуществляют поиск по сетке с постепенным расширением района, начиная с места падения. Любая обнаруженная форма жизни будет помещена в капсулу, проанализирована и отпущена.

Элфи выглянула из кратера.

— Критерии сканирования?

— По умолчанию — тепловое излучение. Но могут использоваться любые параметры.

«Тепловое излучение,— подумала Элфи.— Тепловая сигнатура — вот почему они так долго возились у горящего шаттла».

Аморфоботы, выстроившись по углам квадратов невидимой сетки, медленно отходили от дымящегося каркаса шаттла. Выглядели они и впрямь безобидно — наполненные гелем катящиеся шары с двумя горящими красными датчиками ближе к центру. Вроде липких шариков-«лизунов», какими любят играть дети. Размером примерно с мяч для игры в хустьбол.

«Вряд ли они уж настолько опасны. Маленькие сонные пузыри».

Ее отношение мгновенно изменилось, когда цвет одного из аморфоботов превратился из полупрозрачного зеленого в возмущенный ярко-синий, и скоро такую окраску приобрели все аморфоботы. Жутковатое чириканье сменилось непрерывным пронзительным визгом.

«Что-то нашли», — поняла Элфи.

Отряд из примерно двадцати аморфоботов собрался в одном месте, некоторые слились, образовав пузыри еще большего размера, и те покатались по льду со скрытой до сей поры скоростью и грацией. Бот, передавший сообщение остальным, позволил заряду скопиться на оболочке, а потом выпустил его в сторону снежного холма. Из клубов пара выскочил несчастный песец с тлеющим, как фитиль, хвос-

том и отчаянно рванулся прочь, спасая свою жизнь.

«Почти смешно. Почти».

Аморфоботы затряслись, словно от смеха, и выпустили несколько сверкающих разрядов голубой энергии в сторону обреченного зверя, прожигая черные рытвины в земле, отрезая охваченному ужасом млекопитающему путь к «Большому поморнику», где оно могло бы спрятаться. Несмотря на природную быстроту и ловкость песка, аморфоботы предвосхищали каждое его движение с невероятной точностью, зверь мог лишь беспомощно бегать кругами, выпучив глаза и высунув язык.

У этой игры в кошки-мышки мог быть только один финал. Самый большой аморфобот нетерпеливо басовито прогудел почти невидимыми гелевыми динамиками команду и резко развернулся, чтобы продолжить поиски. Остальные последовали за ним, и только первый бот продолжил охоту на песца. Ему быстро надое-
ло это занятие, и он сбил зверя в прыжке, выпустив похожий на копье разряд энергии откуда-то из центра корпуса.

«Убийца,— подумала Элфи и скорее разочлилась, чем испугалась.— Жеребкинс не мог такое придумать».

Перед ней вдруг появился Жеребкинс.

— Капитан, у тебя такое лицо...

— Какое?

— Джулиус Крут часто его описывал. Лицо, говорящее: «Сейчас я совершу какую-нибудь ужасную глупость».

Спорить было некогда.

— Мне нужно добраться до ящика Артемиса.

— Ты не можешь уйти. Что сказано в уставе полиции Нижних Уровней о подобных ситуациях?

Элфи закричала зубами. Два имеющих в наличии гения оказались совершенно бесполезны, придется все делать самой.

— Устав, составленный, кстати, с твоей помощью, рекомендует мне отойти на безопасное расстояние и расположиться биваком, но, со всем уважением, эти указания не больше чем куча троллевого дерьма.

— Ничего себе. Хорошо уважение! Тебе вообще смысл слова «уважение» знаком? Я не ученый книжник, но совершенно уверен в том, что сравнение моего устава с парящей кучей троллевого дерьма не является выражением уважения.

— Я не говорила «парящей», — сказала Элфи, но потом решила, что времени слишком ма-

ло и извиниться можно как-нибудь потом.— Послушай, Жеребкинс. У меня нет связи с Полис-Плаза. Нас преследуют кровожадные роботы, а единственные существа, способные нам помочь, либо крепко спят и видят сны, либо, как в твоём случае, бодрствуют, но тем не менее видят сны. Поэтому просто прикрой меня, когда я побегу к ящику Артемиса. Осилишь?

Элфи передала кентавру свой запасной пистолет. Жеребкинс взял его осторожно, словно оружие было радиоактивным, что до некоторой степени соответствовало истине.

— Ладно. Я знаю, как пользоваться этой штукой. Теоретически.

— Отлично.

И Элфи поползла на животе по ледяному полю, не оставив себе времени передумать.

Элфи чувствовала, как коченеет и немеет тело. Перед ней простиралось ледяное поле, чью поверхность преобладающие ветры украсили затейливым впадинами и завитушками. Сейчас дуло в спину, и двигаться было достаточно легко, учитывая перенесенные совсем недавно множественные переломы.

«Снова магия спасла».

Но сейчас у нее не осталось в запасе ни единой искры.

«Тепло».

Элфи уняла дрожь в руках и выпростала из перчатки указательный палец. Подняв оружие вверх, она по широкой дуге выпустила в небо серию ракет.

«Осветительные ракеты. Если бы кто-нибудь увидел их и пришел на помощь...»

Расслабленное чириканье аморфоботов переросло в визг, и эльфийка поняла, что пора делать ноги.

Элфи вскочила и побежала, прежде чем здравый смысл взял контроль над телом. Она рассчитывала одним броском добраться до ящика Артемиса, двигаясь практически по прямой, с оружием наготове.

«Пусть Жеребкинс болтает что хочет. Если один из этих красноглазых монстров приблизится ко мне, я проверю, как действует на его потроха плазменная граната».

Все боты без исключения направили сенсоры на падающие ракеты, а те шипели и плевались, будто вспарывающие облака ацетиленовые горелки. Из пластичных тел аморфоботов выскочили гелевые перископы, и они замерли бесформенными сурикатами, наблюдая за падением ракет. Может, они и засекли перемещающийся по ледяному полю неустойчивый

источник энергии, но расстановка приоритетов у них в программе присутствовала.

«Не такие уж они и умные».

Элфи бежала так быстро, как только могла, но хрупкие после недавних переломов ноги не позволяли слишком разогнаться.

Местность, хоть и равнинная, оставалась опасной. Легкий сентябрьский снежок припорошил неровности, и Элфи едва не упала, наткнувшись на старую тракторную колею. Голеностопный сустав затрещал, но выдержал. Повезло.

Везучая эльфийка
Сидела на подушке,
А глупенький мальчишка
Подумал, что игрушка.

Эта песенка учила детей сидеть смирно, если они увидели человека.

«Думай как маленькое деревце, и его-то вершки и увидят».

«Я — деревце, — подумала Элфи без особой уверенности. — Маленькое деревце...»

Пока все хорошо — боты приклеились к осветительным ракетам и не проявляли ни малейшего интереса к ее тепловой сигнатуре. Она обогнула обломки шаттла, стараясь не обращать внимания на стон шасси и на переднюю

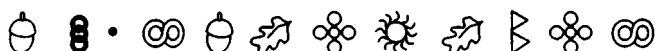
панель летного костюма, сплавившуюся с ветровым стеклом. За шаттлом находился прибор для Артемисова великого эксперимента. Огромная холодильная пушка.

«Отлично. Побольше льда».

Элфи опустилаcь на колени у основания того, что Артемис называл «Ледяным кубом», быстро отыскала пульт управления, к счастью оборудованный омнидатчиком, и без труда синхронизировала аппарат со своим шлемом. Теперь холодильная пушка выстрелит только по ее команде и только по ею выбранной цели. Капитан Малой включила таймер и спустя несколько секунд уже мчалась туда, откуда прибежала.

Она заметила, как долго горят осветительные ракеты, подумала, что стоит поблагодарить Жеребкинса за новые модели, но тут они с неизбежностью начали гаснуть.

Лишившись красивых огоньков на небе, аморфоботы продолжили методическое обследование местности в поисках признаков жизни. Одного отрядили на проверку блуждающего теплового пятна, пересекающего сетку поиска. Бот катился по поверхности, сканируя землю, выпускал гелевые щупальца для сбора мусора, а один раз даже по-лягушачьи высу-

нул язык, дабы схватить низко летящую чайку. В кино музыкальное сопровождение к его перемещениям звучало бы как «тум-ти-тум-ти-тум». Обычная работа, никаких волнений. Потом его вектор движения пересек маршрут Элфи, и они едва не столкнулись. Глаза-сканеры вспыхнули, внутри сферического тела бота засверкали молнии.

«Мне нужно всего несколько секунд», — подумала Элфи и пронзила пузо врага тонким лучом.

Луч прошил бесформенное тело, но рассеялся, не добравшись до электронного нервного центра в самом сердечнике. Бот отскочил назад, словно получивший удар ногой мяч, и тут же заверещал, передавая друзьям новые данные.

Элфи не стала замедлять шаг с целью понаблюдать за их реакцией, да и зачем? Острый эльфийский слух поведал ей всю необходимую информацию. Они идут к ней. Все. Их полужидкие тела сотрясали лед, когда они, кошмарно чирикавая, покатались к ней, будто барабаны-бонго.

Появившийся перед ней бот откатился в сторону, получив в верхнем секторе временную дыру от попадания луча «нейтрино». Очевид-

но, Жеребкинс крайне серьезно отнесся к заданию прикрыть ее, даже понимая, что оружие в его руках не способно убить этих тварей.

«Спасибо, господин консультант».

Боты наступали со всех сторон, накатывались на нее, рыгая и чирикавая.

«Как мультяшные зверушки».

Впрочем, данное соображение не помешало Элфи подстрелить как можно больше этих милых существ. Она едва слышала голос Жеребкинса, призывавшего ее стрелять только в случае крайней необходимости или дословно: «Элфи, ради всего святого, прекрати кормить этих энергетических тварей. Ты что, совсем сдурела?»

Боты дрожали и сливались друг с другом, становясь все больше и агрессивнее.

— Д'арвит! — недовольно буркнула Элфи, с трудом переводя дыхание.

Шлем веселым тоном сообщил, что частота ударов ее сердца превышает двести сорок ударов в минуту, что является нормой для спрайта, но никак не для эльфа. В обычных обстоятельствах скоростная пробежка на небольшую дистанцию не составила бы труда ни для Элфи, ни для любого другого подземного жителя, сдавшего ЛеППРКОНовский экзамен по физ-

подготовке, но этот отчаянный рывок случился сразу после серьезного исцеления. На деле ей следовало бы лежать в больнице и посасывать через соломинку омолаживающий раствор.

— Две минуты до остановки сердца, — беззаботным тоном сообщил шлем. — Если решите прекратить любую физическую деятельность, вы молодец.

Элфи позволила себе потратить наносекунду на презрение к голосу в шлеме. Капрал Фронда — очаровательное лицо полиции Нижних Уровней, копна светлых волос и галерея обтягивающих костюмов. Недавно она проследила свою родословную до эльфийского короля Фронда и теперь настаивала на том, чтобы к ней обращались «принцесса».

Жеребкинс выскочил из кратера и схватил Элфи за локоть.

— Элфи, скорей. Нам осталось жить всего несколько секунд, до того как эти твари, которых ты привела прямо к нашему укрытию, уничтожат нас, словно грызунов.

Элфи побежала так, что даже кости затрещали.

— У меня есть план.

Они скатились по склону ледника в яму, в которой лежал Артемис Фаул, по-прежнему

в отключке. За ними, как шарики по миске, посыпались аморфоботы.

Жеребкинс нырнул в яму. Не слишком изящно — кентавры ныряют плохо, поэтому редко участвуют в состязаниях по водным видам спорта.

— В чем бы твой план ни заключался, он не работает, — крикнул он.

Элфи нырнула в углубление вслед за ним и попыталась закрыть Артемиса своим телом.

— Прижмись лицом ко льду, — приказала она, — и задержи дыхание.

Жеребкинс проигнорировал ее приказ — его внимание привлек «Ледяной куб» Артемиса, который начал вращаться на основании.

— Кажется, орудие Артемиса собирается выстрелить, — сообщил он, несмотря на приближающуюся ужасную смерть не в силах совладать с любопытством ученого.

Элфи схватила кентавра за гриву и грубо пригнула к земле.

— Мордой вниз, не дышать. Что не ясно?

— О, — глухо промычал Жеребкинс. — Понял.

Вероятно, где-то шло накопление тепла, поскольку боты на мгновение замерли и принялись обмениваться недоуменными звуками. Но

эти звуки скоро поглотил басовитый грохот, за которым последовал приближающийся свист.

— О-о-ох,— хором произнесли аморфоботы, выдвинув гелевые перископы.

Жеребкинс закрыл один глаз и наострил одно ухо.

— Мортира,— провозгласил он, но, когда свист стал громче, предпочел затаить дыхание и закрыть как можно больше отверстий на теле.

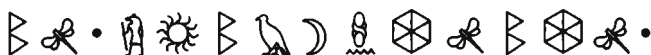
«Будет действительно больно»,— подумал он и почему-то захихикал, как четырехлетний пиксёнок.

Вся яма оказалась заваленной плотным слоем нанопластин, они забили все щели и в итоге полностью изолировали обитателей кратера, уничтожив все тепловые сигнатуры.

Аморфоботы откатились подальше от таинственного вещества, искали преследуемые объекты, не нашли, пожали своими бесформенными плечами и покатали за кораблем-носителем, пробившим и проплавившим себе путь сквозь поверхность к подземным вулканам.

Два подземных жителя и человек лежали под толстым слоем грязи, выдувая пузыри своим дыханием.

— Сработало,— выдохнула наконец Элфи.

— Заткни пасть! — рявкнул Жеребкинс.

Элфи освободила голову от жидкой грязи.

— Что ты сказал?!

— Ничего личного, — отозвался Жеребкинс. — Мне вдруг захотелось сказать что-то грубое. Ты понимаешь, насколько трудно будет вычесать это дерьмо из моей гривы? Кобыллина меня побреет, это точно.

— Побреет?

— Побреет. Ты что, оглохла?

— Нет, просто уши забились этой дрянью.

Элфи стряхнула с себя и Артемиса нанопластины, проверив жизненные функции юноши сенсором перчатки.

«Все еще жив».

Она запрокинула ему голову, дабы обеспечить приток воздуха.

«Артемис, возвращайся. Ты нам нужен».

Аморфоботы исчезли, и об их пребывании на Ватнайёкюдле свидетельствовали только следы на снегу. Чириканье, хвала богам, прекратилось, хотя в разумных дозах, может, и отвлекло бы внимание от треска догорающего боевого шаттла.

Перчатка Элфи отклеилась от Артемиса с таким звуком, словно с мокнущей раны содрали огромный пластырь.

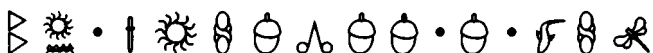
«Какое несчастье,— подумала эльфийка, повесив голову под тяжестью облепленного нанопластинами шлема.— Полная катастрофа».

Капитан Малой огляделась в попытке хоть как-нибудь оценить сложившуюся ситуацию. Командующий Виниайа погибла, солдаты погибли. Марсианский зонд, принадлежавший полиции Нижних Уровней, захвачен неизвестными и, судя по всему, направляется к земной коре. Этот зонд блокировал их связь с Гаванью, а здесь в скором времени неизбежно появятся люди, которых не могли не заинтересовать все эти взрывы и осветительные ракеты. А у нее даже на собственную невидимость магии не хватит.

— Давай же, Артемис,— сказала она с нотками отчаяния в голосе.— В такую переделку мы еще не попадали. Очнись, ты любишь такие неразрешимые проблемы. Прости, что пришлось выстрелить в тебя.

Элфи стянула перчатку и посмотрела на пальцы в надежде увидеть хоть искорку магии.

«Ничего. Магии нет. Наверное, оно и к лучшему. Мозг — крайне чувствительный механизм, и как раз занятия волшебной наукой, скорее всего, и послужили первопричиной возникновения у Артемиса синдрома Атлантиды. Возжелай Артемис поправиться, мог бы при-

бегнуть к старомодным способам, таблеткам и электрошоку».

«Первый сеанс электрошоковой терапии я ему уже обеспечила», — подумала Элфи, проглотив виноватый смешок.

Артемис зашевелился на льду и попытался открыть глаза под слоем мокрых нанопластин.

— У-у-у-уг, — простонал он. — Ды-а-ать.

— Подожди, — воскликнула Элфи, горстями убирая нанопластины с его носа и губ. — Я тебе помогу.

Собственное изобретение Артемиса таяло, стекая ручейками по лицу. И что-то изменилось в его глазах. Цвет остался прежним, но взгляд стал другим.

«Тебе кажется».

— Артемис? — позвала она, ожидая услышать привычный резкий ответ: «Конечно Артемис. А кого ты ожидала увидеть?» — но вместо этого...

— Привет, — сказал он просто.

Это вполне устроило бы Элфи, если бы не следующая фраза:

— А вы кто такая?

«О-о-о-о. Д'арвит».

Элфи сорвала с себя шлем.

— Это я — Элфи.

Артемис просиял.

— Да, конечно. Артемис постоянно о вас думает. К стыду своему, я не сразу вас узнал. Впервые в жизни вижу так близко.

— У... Артемис думает обо мне. А ты нет?

— Постоянно думаю, и, позвольте заметить, во плоти вы еще очаровательней.

Элфи ощутила, как на нее надвигаются плохие предчувствия, словно грозовые тучи на летнее солнце.

— Значит, раньше мы не встречались?

— По сути, нет,— ответил юноша.— Я, конечно, знал о вашем существовании. Видел издали, будучи погружен в личность Артемиса. Кстати, спасибо, что освободили меня. В течение некоторого времени, после того как у Артемиса возникла одержимость числами, я вторгнулся в сознание «хозяина», но выстрел из вашего оружия послужил необходимым толчком. Это ведь вы стреляли?

— Да, я,— рассеянно отозвалась Элфи.— На здоровье.— Несмотря на смятение, ее осенила внезапная догадка.— Сколько пальцев я показываю?

Юноша быстро сосчитал пальцы.

— Четыре.

— И это тебя не беспокоит?

— Нисколько. Для меня число — просто число. «Четыре» является предвестником смер-

Элфи застонала.

Приспичило же Артемису отправиться в самовольную отлучку в собственной голове именно в это время.

Жеребкинс выбрался из болота нанопластин и пальцами раздвинул закрывавшую обзор завесу грязи.

— Вижу, Артемис очнулся. Отлично. Нам не помешал бы один из его «очевидно нелепых, но на самом деле гениальных» планов.

— Бивак,— сказал поселившийся в голове Артемиса юноша.— Предлагаю разбить бивак, может быть, собрать растопку для костра и листьев, дабы устроить мягкое ложе для прекрасной дамы.

Растопку? Артемис Фаул произнес слово «растопка»? А кто такая «прекрасная дама»?

Ветер вдруг усилился, его порыв поднял поверхностный слой снега и погнал его по льду. Элфи почувствовала, как снежинки опустились на шею и иголочки холода пробежали вниз по позвоночнику.

«И так все плохо,— подумала она,— а обещает стать еще хуже. Дворецки, где ты? Почему тебя нет рядом?»

ГЛАВА 4

МАЛЬЧИШНИК ФЛОЙДА

Снова Канкун, Мексика, днем раньше

У Дворецки имелась веская причина отсутствовать в Исландии, которая сгодилась бы не только для суда любой инстанции, но даже для записки школьному учителю. На самом деле причин было несколько.

Первая: его хозяин и друг поручил ему выполнить спасательную операцию, обернувшуюся ловушкой. Вторая: если раньше его сестре грозила выдуманная опасность, то сейчас угроза стала вполне реальной. И третья: в данный момент его гоняли по залу театра в Мексике тысячи болельщиков реслинга, весьма походившие на зомби, правда, без гниющих конечностей.

В разделе развлечений журнала, полученного на борту самолета, Дворецки прочел, что последним пискom моды в прошлом году считались вампиры, но теперь их потеснили зомби.

«И они определенно здесь, — подумал Дворецки. — И их слишком много».

Строго говоря, бродивших по залу обезумевших людей нельзя было назвать зомби. Они, несомненно, подверглись гипнозу, но в зомби не превратились. Общепринятое определение зомби — оживший труп со склонностью к поеданию человеческих мозгов.

Загипнотизированные фанаты продолжали жить и здравствовать и не проявляли ни малейшего желания не только попробовать чьи-то мозги, но даже их понюхать. Они наступали по проходам со всех сторон, отрезав все возможные пути к спасению, и вынудили Дворецки отступить к разрушенному рингу и подняться на площадку. Данный маневр вряд ли попал бы в первую сотню предпочтительных вариантов действий, но в сложившейся ситуации любое действие, обеспечивающее несколько лишних ударов сердца, было предпочтительнее, чем торчать столбом, смирившись с судьбой.

Дворецки шлепнул сестру по бедру, что не составило ни малейшего труда, поскольку он нес ее на плече.

— Эй! — недовольно воскликнула она. — За что?

— Просто проверяю твое душевное состояние.

— Я в порядке, понял? Что-то случилось с головой. Я помню Элфи и всех других подземных жителей.

«Вспомнила все», — догадался Дворецки.

Неожиданная встреча с гипнотизером из волшебного народа словно дождем оросила семена памяти в сознании сестры, и они мгновенно проросли и воскресили воспоминания. Вполне возможно, решил он, что сила цепной реакции в мозгу стерла результаты гипноза.

— Драться можешь?

Джульетта, качнув ногами, прыгнула на пол и мгновенно приняла боевую стойку.

— Гораздо лучше тебя, старик.

Дворецки поморщился. Наличие сестры на двадцать лет младше приучает терпеливо сносить замечания, граничащие с возрастной дискриминацией.

— Внутри я не настолько стар, как снаружи, и тебе это прекрасно известно. Волшебный на-

родец, о существовании которого ты только что вспомнила, подверг меня капитальному ремонту. Омолодил лет на пятнадцать и обеспечил защитой из кевлара на грудь. Поэтому я могу постоять за себя и за тебя при необходимости.

Не прекращая пререкаться, они машинально развернулись, оказавшись спина к спине и прикрыв друг друга. Дворецки своим ворчанием давал сестре понять, что не теряет надежды выбраться отсюда. Джульетта, огрызаясь, показывала старшему брату, что, пока они вместе, ей ничего не страшно. Эти невысказанные сообщения соответствовали действительности лишь отчасти, но, по крайней мере, немного успокаивали.

Загипнотизированные фанаты реслинга не смогли с ходу забраться на подмости и забили телами первые ряды вокруг ринга, следовавшие за ними лезли прямо по телам. Когда кому-нибудь удавалось подняться наверх, Дворецки сбрасывал его или ее, по возможности, осторожно. Джульетта не отличалась добротой, и первый ее бросок завершился отчетливо прозвучавшим хрустом костей.

— Полегче, сестренка. Они ни в чем не виноваты. Просто лишились мозгов.

— Ой, прости,— отозвалась Джульетта далеким от раскаяния тоном и ударила основанием ладони в солнечное сплетение женщину, до гипноза, вероятно, являвшуюся заботливой мамашей.

Дворецки вздохнул.

— Делай вот так,— терпеливо объяснил он.— Показываю. Поднимаешь и просто заставляешь катиться по головам товарищей.— Он несколько раз выполнил прием, дабы Джульетта лучше его усвоила.

Она отбросила в толпу истекающего слюной подростка.

— Так лучше?

— Гораздо.— Дворецки показал большим пальцем на экран над головой.— Эта тварь загипнотизировала всех, кто смотрел ей в глаза и слышал голос. Они нападают на нас не по собственной воле.

Джульетта уже хотела поднять взгляд, но вовремя остановилась.

На экране по-прежнему горели красные глаза, а льющий из динамиков мягкий завораживающий голос теплым медом обволакивал толпу и обещал каждому, что все будет хорошо, стоит лишь убить Принцессу и Медведя. Выполни это несложное дело, и все мечты сбь-

дутся. Голос действовал и на обоих Дворецки, отчего наносить точные удары им становилось немного труднее, но без зрительного контакта контролировать их действия было невозможно.

Толпа напирала, и площадка грозила обрушиться в любую секунду.

— Надо заставить этого парня заткнуться,— попытался перекричать становившиеся все громче стоны загипнотизированной толпы Дворецки.— Сумеешь добраться до экрана?

Джульетта, прищурившись, определила на глаз высоту.

— Дотянусь до фермы, если ты меня подсадишь.

Дворецки похлопал по широкому плечу.

— Прошу на борт, сестренка.

— Секундочку,— отозвалась Джульетта и одним ударом ноги по голове разделалась с бородатым ковбоем. Потом с легкостью обезьянки забралась на Дворецки и встала ему на плечи.

— Отлично, поднимай.

Дворецкий крикнул, что любой член семьи расценил бы как «погоди минутку», и врезал по горлу одному из группы разогрева, заодно сбив с ног другого. Балансирующая на плечах сестра ему нисколько не помешала.

«Так это ж были близнецы,— дошло до него.— И одеты оба сумчатыми дьяволами. Самая странная драка из всех, в каких мне приходилось участвовать, а я даже с троллями дрался».

— Поехали,— скомандовал он Джульетте, уклонившись от удара мужчины в костюме ходога, и пощекотал сестре пятки.

— Можешь меня поднять? — спросила та, удерживая равновесие с легкостью олимпийской чемпионки по гимнастике, которой, возможно, и стала бы, не опаздывая она регулярно на утренние тренировки.

— Конечно могу,— рявкнул Дворецки, имевший все шансы стать олимпийским чемпионом по тяжелой атлетике, не сражаясь он с гоблинами в подземной лаборатории, когда проходили последние отборочные соревнования.

Он вдохнул через нос, сосредоточился и, выпустив энергию, подобно взрыву, и издав рычание, вполне уместное в фильме про Тарзана, подкинул младшую сестру на шесть метров к металлической ферме, поддерживавшей экран и пару конических динамиков.

Проверить, сумела ли Джульетта ухватиться за балку, было некогда, ибо зомби образовали из тел наклонный пандус, и канкунские фанаты реслинга хлынули на сцену с твердым на-

мерением предать Дворецки медленной и мучительной смерти.

Тут бы самое время привести в действие реактивный летательный аппарат, который Дворецки часто носил под курткой, но в связи с отсутствием не только аппарата, но и куртки гигант решил сделать оборону более агрессивной, дабы выиграть для себя и Джульетты еще несколько секунд.

Он шагнул навстречу толпе и немного адаптированным приемом тай-цзи повалил передние ряды нападавших на задние, предоставив загипнотизированным болельщикам покорять гору из тел. Все шло чудесно в течение примерно полминуты, пока не обрушилась половина сцены и бесчувственные тела не скатились, образовав очень удобную наклонную плоскость, по которой на площадку полезли остальные фанаты. Раненые, казалось, не чувствовали боли, мгновенно вскакивали на ноги, некоторые ходили на вывихнутых и даже сломанных ногах. Сцену захлестывало гудение, выражавшее единственную оставшуюся в поработанных мозгах мысль:

«Убить Бешеного Медведя».

«Безнадежно,— подумал Дворецки впервые в жизни.— Абсолютно безнадежно».

Как он ни сопротивлялся, продолжавшая на-седать толпа в конце концов повалила его. Чья-то жирная спина прижалась к лицу, в щиколотку впились чьи-то зубы. На него градом посыпались удары, но, к счастью, слабые и неточные.

«Меня раздавят,— подумал Дворецки.— Не забьют, а раздавят».

От этой мысли легче ему не стало. Облегчение пришло с пониманием, что Джульетта наверху в полной безопасности.

Дворецки лежал на спине, как поверженный лилипутами Гулливер. Он ощущал запах попкорна и пива, дезодоранта и пота. Грудь сдавило, дышать удавалось с трудом. Кто-то почему-то пытался снять с его ноги ботинок, и вдруг гигант лишился возможности шевелиться. Стал узником чистого веса тел.

«Артемис один. У Джульетты хватит ума стать его телохранителем вместо меня».

Недостаток кислорода окрасил мир в черный цвет, и Дворецки смог только высунуть руку из массы тел и пошевелить пальцами, прощаясь с сестрой.

Кто-то укусил его за большой палец.

Потом он исчез под грудой тел, а тварь на экране расхохоталась.

Джульетта зацепилась двумя пальцами левой руки за нижнюю кромку фермы и так напрягла мышцы, что едва не почувствовала собственные отпечатки пальцев. Девяносто пять процентов населения Земли не способны удерживать двумя пальцами вес своего тела. Большинству смертных необходимо ухватиться обеими руками, притом провисят они не больше минуты, а изрядный процент людей способны удерживать себя на весу только при помощи лебедки и пары дрессированных тяжеловозов. Но Джульетта была Дворецки и обучалась в странствующей академии телохранителей мадам Ко, где целый семестр был посвящен изучению векторов веса тела. В случае крайней нужды Джульетта могла висеть даже на одном пальце ноги сколь угодно долго, пока какой-нибудь проказник не пощекочет ее в чувствительном месте под ребрами.

Но одно дело — просто висеть на высоте, и совсем другое — подняться. К счастью, мадам Ко посвятила несколько семинаров и этому вопросу. Нельзя сказать, что это просто, Джульетте казалось, будто мышцы закричали, когда она схватилась за кромку второй рукой и, подтянувшись, забралась на стрелу. В другой ситуации она выждала бы несколько секунд, пока

уйдется сердцебиение, но краем глаза заметила, что толпа фанатов реслинга вот-вот поглотит брата, и решила не тратить время на неторопливое восстановление сил.

Джульетта вскочила на ноги и побежала по балке с легкостью гимнастки. Причем хорошей гимнастки, не из числа тех, кто падает со снаряда, набивая шишки, как то произошло с загипнотизированной девушкой-светотехником, пытавшейся помешать ей добраться до экрана.

Нефритовая Принцесса поморщилась.

— Ой. Арлина, сейчас тебе будет больно.

Арлина ничего не ответила, если не считать ответом побагровевшее лицо и отчаянные взмахи руками перед падением с фермы. Джульетта понимала, что нехорошо улыбаться, когда полет девушки был самым комичным образом прерван группкой мужчин, надвигавшихся на брата, но не могла сдержаться.

Ее улыбка погасла, когда она увидела, что Дворецки буквально погребен под массой тел. К ней приближался еще один осветитель, чуть-чуть умнее, чем его предшественница, поскольку он догадался оседлать стрелу и скрестить лодыжки. Медленно продвигаясь к Джульетте, он молотил по балке огромным разводным ключом, издавая жуткий грохот и высекая снопы искр.

Джульетта приноровилась к его ритму, поставила ногу ему на голову и перешагнула беднягу, словно камень посередине ручья. Она не стала сбрасывать мужчину с балки. Даже если он сумеет развернуться, то остановить ее все равно уже не успеет, а на память у него на лбу останется красивый синяк, о происхождении которого он, несомненно, задумается, когда придет в себя.

Экран, забранный в коробку из металлических труб, находился прямо перед ней, и красные горящие глаза на черном фоне, казалось, излучали только ненависть.

«Или этот парень явился с затянувшейся вечеринки».

— Стой, где стоишь, Джульетта Дворецки! — произнесла тварь, а Джульетте почудился голос инструктора Кристиана Варли Пенроуза из академии мадам Ко — единственного человека, помимо брата, кого она когда-либо считала ровней по физической подготовке.

«Некоторыми студентами я горжусь, — говорил Кристиан тоном диктора Би-би-си. — А ты приводишь меня в отчаяние. Что это за прием?»

А Джульетта неизменно отвечала: «Я придумала его сама, учитель».

«Придумала? Придумала? Значит, плохо думала».

ные банки сухого пайка, прорвал пластик и неровная дыра побежала по всей длине экрана.

Красные глаза твари закатились, Джульетта, пытаясь ухватиться за звуковые и видеокабели, услышала раздраженное фырканье, и в следующее мгновение она, проскользнув в дыру на вдруг погасшем экране, уже летела вниз на бесформенную массу тел.

За полсекунды до удара Джульетта успела свернуться в клубочек.

Ее последней мыслью перед падением в толпу было: «Надеюсь, зомби мягкие».

Надежда не оправдалась.

Как только злой колдун исчез с экрана, поработавшие им любители спорта постепенно начали приходить в себя.

Косметолог на пенсии Джери Ниэбалм из Сиэтла вдруг осознала, что каким-то образом добралась от заднего ряда до сцены без помощи ходильной рамы. Более того, у нее сохранились фантомные воспоминания о том, как она перепрыгнула через нескольких юношей в попытке догнать прелестную девушку в борцовском костюме и со вплетенным в косу камнем. Через два месяца Джери пройдет курс восстановительной терапии в салоне своей подруги

ги Доры Дел Маар и научиться вызывать эти воспоминания, чтобы наслаждаться ими на досуге.

Полупрофессиональный игрок в боулинг из Лас-Вегаса, Стью Топпин по прозвищу Сыр, очнувшись, обнаружил во рту дурно пахнущую пеленку, а на футболке поперек груди нанесенную губной помадой надпись: «УБЕЙ МЕДВЕДЯ УБЕЙ». Несколько потрясенный Стью отчетливо помнил только, как собирался вонзить зубы в сочный и мясистый хот-дог. Сейчас, чувствуя остаточный привкус пеленки на языке, Стью решил на время отказаться от хот-догов.

Стью, конечно, об этом не подозревал, но пеленка принадлежала юному Андре Прайсу — малютке из Портленда, вдруг продемонстрировавшему скорость и ловкость, доселе неслыханные для восьмимесячного ребенка. Почти все жертвы гипноза едва шевелились, а Андре, пробежав по головам зрителей, выполнил идеальное тройное сальто со стола комментатора и успел вонзить единственный зуб в большой палец Дворецки, прежде чем телохранитель полностью исчез под грудой тел. Через несколько месяцев Андре Прайс заговорил, к сожалению, на гномьем языке, чего не могли знать его родители. К их немалому облегчению, сын быст-

ро овладел и английским, но свой первый странный язык так и не забыл. Кроме того, позже он выяснил, что способен поджигать хворост силой мысли, хотя получалось это у него не всегда.

Оглушительный многоголосый стон едва не сорвал крышу с театра, когда тысячи людей поняли, что оказались совсем не там, где им полагалось быть. Чудесным образом обошлось без летальных исходов, но к тому времени, когда смазали антисептиком последний порез, насчитывалось в конечном итоге триста сорок восемь переломов, более одиннадцати тысяч рваных ран, а еще восемьдесят девять человек, находившиеся в истерическом состоянии, были вынуждены принять успокаивающие средства, которые, к счастью для пациентов, стоили в Мексике гораздо дешевле, чем в США.

Хотя на дворе стояла эпоха любительского видео, то есть каждый зритель располагал по крайней мере одной камерой, не было снято ни одного кадра, подтверждающего факт сеанса массового гипноза. На самом деле полиция, просматривая файлы во всех конфискованных камерах и мобильных телефонах, обнаружила, что все приборы до единого возвращены в состояние выпуска с завода. Никаких фотографий. Со временем Канкунский феномен, как

прозвали этот случай, стали упоминать наряду с Зоной 51* и миграцией йети.

Дворецки обошелся без истерических припадков, возможно, из-за недостатка в легких воздуха для воплей, но, скорее всего, потому, что ему приходилось попадать и в более опасные ситуации (однажды Дворецки в течение нескольких часов делил печную трубу в индуистском храме с тигром). Он получил с дюжины ран, но не стал дожидаться, чтобы их внесли в общий список.

Джульетта же, несмотря на падение с высоты, практически не пострадала. Едва восстановив дыхание, она принялась откатывать тела с того места, где лежал ее брат.

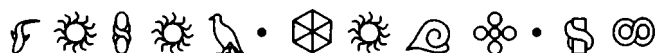
— Дворецки! — кричала она. — Брат! Ты здесь?

Скоро показалась гладкая, как леденец, голова брата. Увидев пульсирующую на виске жилу, Джульетта мгновенно поняла, что брат жив.

На лице у Дворецки лежал и жевал его большой палец полуодетый пухлый малыш. Джу-

---

* Принятое в СМИ и литературе название американского военного полигона возле авиабазы Неллис, где, как считается, хранятся материальные останки катастрофы НЛО в Розуэлле в 1947 году.

льетта осторожно подняла ребенка, отметив, что он слишком потный для своего возраста.

Дворецки набрал полную грудь воздуха.

— Спасибо, сестренка. Этот ребенок не только укусил меня за палец, но и попытался засунуть кулак в ноздрю.

Малыш весело забурчал, вытер пальцы о Джульеттину косу и пополз по груде тел к истерически рыдающей и ждущей его с распростертыми объятиями даме.

— Я знаю, детей положено любить. — Джульетта, крикнув, сняла за подтяжки сидевшего на плечах у Дворецки мужчину, похожего на банкира. — Но от этого воняло, и он кусался. — Она крепко ухватила за плечи светловолосую даму средних лет, чью прическу покрывал толстый слой лака, отчего прядки блестели, словно лепестки лютика. — Давайте, миссис, слезайте с моего брата.

— О... — Дама часто заморгала, пытаясь взять в толк, что происходит. — Мне велели поймать медведя или еще кого-то. А еще у меня был попкорн, много попкорна, я за него только что заплатила. Кто возместит мне убытки?

Джульетта прокатила даму по животам четверых ковбоев, одетых в одинаковые футболки с надписью «МАЛЬЧИШНИК ФЛОЙДА»

под расшитыми искусственными бриллиантами жилетами.

— Это возмутительно,— проворчала дама.— Я приличная девушка. Терпеть не могу все эти телесные запахи и липкость.

Безусловно, запахов тел и липкости хватало, и большая часть объяснялась Флойдом и его мальчишником, судя по запаху длившимся пару недель.

Это подтвердилось, когда очнулся ковбой со значком «ФЛОЙД» на груди.

— Блин. От меня воняет хуже, чем от дохлого скунса в костюме из кожуры бананера.

«Бананера?» — мысленно удивилась Джульетта.

Дворецки повернул голову, чтобы свободнее дышалось.

— Нас подставили,— сказал он.— У тебя здесь есть враги?

Джульетта почувствовала, как закапали слезы. Она так волновалась. Так волновалась! Старшие братья не остаются несокрушимыми вечно.

— Ну ты и неудаль,— сказала она, почти как Флойд.— К твоему сведению, со мной все в порядке. Я спасла тебя и всех остальных.

Дворецки осторожно раздвинул локтями двоих борцов в безвкусных костюмах из лайкры и кожаных масках.

— Я потом похлопаю тебя по спине, сестренка.

Он наконец выбрался из кучи тел, выпрямился во весь рост в центре сцены и посмотрел вверх.

— Ты все разглядела?

Джульетта вскарабкалась по туловищу, встала ему на плечи, а затем, понта ради, поднялась на голову и замерла, легко сохраняя равновесие. Она стояла на одной ноге, согнув другую в колене.

Теперь ей хватало времени оценить масштаб происшедшего, и она поразилась. Их окружало море смятения, стонущее и волнующееся. Сочилась кровь, трескали кости, текли слезы. Просто зона катастрофы. Люди хватались за мобильные телефоны, как за соломинки, пожарные системы окутывали зал водяным туманом, капельками оседавшим на лице Джульетты.

— И все это, чтобы убить нас,— прошептала она.

Дворецки поднял широкие ладони, и она, как делала много раз в додзё Фаула, спустилась на руки брата.

— Не просто убить,— возразил он.— Для этого достаточно пару раз выстрелить из «нейтрино». Кто-то развлекался.

Джульетта, сделав сальто, спрыгнула на сцену.

— Кто?

В задней половине зала обрушилась еще одна часть сцены, вызвав новую волну криков и страданий.

— Не знаю точно,— мрачно произнес телохранитель,— но тот, кто намеревался убить нас, хотел, чтобы Артемис остался без охраны. Дай мне только переодеться, и мы выясним, кого Артемис рассердил на этот раз.

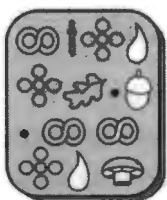

ГЛАВА 5

ВПЕРЕД И ВВЕРХ

Тюрьма строгого режима «Пучина», Атлантида

Финт Крут использовал любую возможность развлечься. Жизнь в тюрьмах строгого режима не отличалась избытком веселья и легкомысленных забав. Грубые охранники не отличались любезностью. Жесткие койки не вызывали желания попрыгать на них, а цветовая гамма была просто ужасна. Кругом желтовато-зеленый цвет. Отвратительно. В подобной обстановке приходилось довольствоваться любым, даже минимальным утешением и при малейшей оказии.

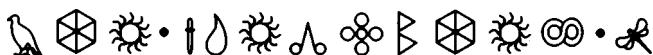
В течение нескольких месяцев после того, как его арестовали собственный брат, майор Джулиус Крут, и наивная, до неприличия поря-

дочная Элфи Малой, Финт просто рвал и метал. Недели напролет он ходил взад и вперед по камере, вымещая свою злобу на стенах. Иногда он раздражался тирадами, иногда закатывал истерику, разбивал вдребезги всю мебель. Наконец он понял, что эти выходки не вредят никому, кроме него самого. Окончательно он убедился в этом, когда у него начала развиваться язва и пришлось вызвать медика-кудесника, так как сам давно лишился магических сил в результате небрежения и неправильного их использования. Этот щенок, едва ли старше тюремной робы Финта, вел себя крайне высокомерно. Называл его дедушкой. Дедушкой! Неужели эти сопляки ничего не помнили? Кем он был? Что совершил?

«Я — Финт Крут! — взревел бы он, не лиши его исцеление сил.— Капитан Финт Крут, заклятый враг полиции Нижних Уровней. Я украл все до единого золотые слитки из Первого административного банка пикси. Это я сфальсифицировал результат финального матча века по хрустьболу. Как ты смеешь называть меня дедушкой?!»

— Ох уж эта современная молодежь, Леонора,— пробормотал Финт, обращаясь к своей любимой, но отсутствующей жене.— Никакого уважения.

Потом он поежился, обдумав собственное заявление.

— О боги, родная, я говорю как старик.

Призывы к богам, впрочем, тоже были бесполезны.

Покончив с жалостью к самому себе, Финт решил использовать ситуацию наилучшим образом.

«Рано или поздно мне представится шанс, и мы снова будем вместе, Леонора. А пока почему бы не обеспечить себе комфорт».

Сделать это оказалось не так уж сложно. Через несколько месяцев заключения Финт начал общение с начальником тюрьмы Тарпоном Виниайа — мягкотелым выпускником университета, которому никогда не доводилось вычищать кровь из-под наманикюренных ногтей, и предложил ему лакомые кусочки информации для передачи сестре в управлении полиции Нижних Уровней в обмен на некоторые вполне безобидные удобства. Финт без малейшего зазрения совести сдавал своих бывших знакомых из преступного мира, а за хлопоты получил разрешение носить любую одежду. Он выбрал старую полицейскую форму с кружевной сорочкой и треуголкой, но без знаков различия. Предав двух специалистов по поддельным визам, работавших через Кубу, он получил доступ

к компьютеру, ограниченный тюремной сетью. А в обмен на адрес жуликоватого гнома, трудившегося взломщиком в Лос-Анджелесе, ему выдали искусственное пуховое одеяло для нар. Правда, по поводу замены койки с начальником тюрьмы договориться не удалось. Однажды его сестра дорого заплатит за это.

Финт очень часто часами с наслаждением думал о том, что настанет день, когда он убьет начальника, отомстив за такое непочтение. Но, честно говоря, Финта Крута очень мало волновала судьба Тарпона Винияйа. Значительно сильнее его интересовала собственная свобода, возможность еще раз заглянуть в бездонные глаза любимой жены. А для достижения этой цели Финт готов был еще какое-то время изображать бесхарактерного и слабоумного греховодника. Он заискивал перед начальником уже шесть лет, так какое значение имеют несколько лишних дней?

«А потом я стану самим собой,— думал он, крепко сжимая кулаки.— И на этот раз младший братец не сможет арестовать меня, если, конечно, этот молодой мошенник Артемис не придумал способ воскрешать мертвых».

Ядерный заряд обеспечил фазовый переход, и дверь в камеру Финта, зашипев, раство-

рилась. В дверях стоял Дубец — постоянный охранник Финта в течение четырех последних лет, ставший в конце концов его сторонником. Финт не испытывал к Дубцу ни малейшей симпатии, на самом деле он питал отвращение ко всем жителям Атлантиды с их рыбьими головами, слюнявыми жабрами и толстыми языками, но ему удалось заронить в душу Дубца семена недовольства, и спрайт, сам того не понимая, сделался его рабом. Финт был готов терпеть кого угодно, кто мог помочь ему сбежать из тюрьмы, пока не стало слишком поздно.

«Пока я не потерял тебя, любимая».

— А, мастер Дубец! — радостно воскликнул он, вставая с неуставного офисного стула (три спрайта, занимавшиеся контрабандой макрели). — Отлично выглядишь! Кажется, жаберная гниль уже прошла.

Рука Дубца машинально поднялась к трем полоскам под крошечным левым ухом.

— Ты в этом уверен, Финт? — произнес он низким и сдавленным голосом. — Лита сказала, что не может даже смотреть на меня.

«Я понимаю чувства Литы, — подумал Финт. — Раньше я приказал бы тебя выпороть за обращение ко мне по имени. Капитан Крут, с твоего позволения».

Оставив при себе эти отнюдь не лестные мысли, он взял Дубца под скользкий локоток, даже не поморщившись от отвращения.

— Лита не понимает, как ей повезло. Ты, мой друг, хороший улов.

Дубец даже не попытался скрыть раздражение.

— Улов?

Финт виновато вздохнул.

— Ах да, прости меня, мастер Дубец. Водяные Атлантиды не любят думать о себе как об улове или становиться уловом, если на то пошло. Я хотел сказать, что ты прекрасный образец рода волшебного и любая здравомыслящая особа женского пола должна почитать за счастье получить тебя в супруги.

— Спасибо, Финт,— пробормотал успокоенный Дубец.— Ну, как дела? В смысле, что там с планом.

Финт сжал локоть спрайта, напоминая, что всюду имеются уши и глаза.

— Ты имеешь в виду мой план построить модель подводной лодки «Ностремиус»? Этот план? Все складывается достаточно удачно. Начальник тюрьмы Тарпон Винияйа очень мне помогает. Сейчас мы обсуждаем клей.— Он подвел Дубца к экрану компьютера.— Позволь

показать тебе последний чертеж и выразить благодарность за проявленный интерес. Мое перевоспитание зависит от общения с такими порядочными гражданами, как ты.

— Гм... ладно,— буркнул Дубец, так и не поняв, услышал он комплимент или наоборот.

Взмахнув рукой перед экраном, Финт Крут включил виртуальную клавиатуру на столе (из настоящего дерева: похитители документов, Нигерия).

— Вот, смотри. Я решил проблему с балластными цистернами, видишь?

Потом, быстро введя комбинацию тремя пальцами, он включил скремблер, тайком пронесенный в тюрьму Дубцом. Прибор представлял собой органическую пластину, выращенную в ныне несуществующем филиале «Лабораторий Кобой» в Атлантиде. Бракованный скремблер откопали на свалке, но для приведения его в рабочее состояние оказалось достаточно просто мазнуть его силиконом.

«Слишком много промышленных отходов,— мысленно вздохнул Финт.— Стоит ли удивляться кризису ресурсов?»

Крошечный скремблер был жизненно необходим, ибо от него зависело все остальное. Без него не получилось бы установить связь с внеш-

ним компьютером, без него начальство «Пучины» фиксировало бы каждое нажатие на любую клавишу и знало бы, над чем действительно работает заключенный.

Финт постучал по экрану. Тот разделился на две части. На одной демонстрировалась сделанная несколько часов назад запись: зал, забитый загипнотизированными, ползающими друг по другу людьми. На другой через камеру бота транслировалось в реальном времени изображение горящего посреди ледяной тундры шаттла.

— Одна цистерна пропала, делать другую считаю излишеством, поэтому решил не тратить больше времени на это, а поручить кому-нибудь другому.

— Отличная мысль, — сказал Дубец, который только теперь начал понимать смысл выражения живущих на поверхности людей: «вляпаться по уши».

Финт Крут подпер голову рукой, приняв позу престарелого актера для головного портрета.

— Да, мастер Дубец. Очень скоро моя модель будет готова. Одна из главных частей уже на пути сюда, и когда ее доставят, в Атлантиде не останется ни одного жителя... Э... я хотел ска-

зять, не останется ни одного жителя, не ослепленного ее великолепием.

Никудышное объяснение. Да и фраза слишком напыщенная. Но к чему впадать в панику? За ним никто не наблюдает. Уже несколько лет. Перестали считать опасным. Весь мир забыл о существовании опального капитана Финта Крута. Те, кто знал его, с трудом верили, что этот жалкий старик действительно когда-то был так опасен, как написано в его деле.

«Опал Кобой то, Опал Кобой се,— часто с горечью думал Финт.— Посмотрим, кто первый сбежит из этой тюрьмы».

Щелкнув пальцами, он погасил экран.

— Вперед и вверх, Дубец. Вперед и вверх.

Спрайт неожиданно улыбнулся, как и все водяные сопроводив улыбку чавкающим звуком, поскольку им приходилось втягивать язык, дабы показать зубы. На самом деле данное выражение лица не являлось для них естественным, поэтому они прибегали к нему только для обозначения своих эмоций перед прочими ветвями волшебного народца.

— Кстати, есть хорошие новости, Финт. Мне вернули штурманское свидетельство, отобранное после побега Мульча Рытвинга.

— Браво, сэр.

Дубец был в конвое, когда Мульч Рывтинг сбежал от полиции Нижних Уровней. Каждому члену команды подводного шаттла полагалось иметь штурманское свидетельство, на случай если старший штурман окажется выведен из строя.

— Пока только для чрезвычайных ситуаций. Но через год или два меня вернут в постоянный состав.

— Я, конечно, знаю, как сильно тебе хочется управлять подводной лодкой, но, надеюсь, никаких чрезвычайных ситуаций не возникнет.

Дубец попытался подмигнуть, что было довольно затруднительно, учитывая отсутствие век и необходимость в скором времени применить увлажняющий аэрозоль, дабы смыть скопившийся в глазах песок. Поэтому подмигивание, по версии спрайта, представляло собой небрежный наклон головы в сторону.

— Чрезвычайная ситуация с эвакуацией. Нет, она нам совсем не нужна.

«Песок в глазах,— подумал Финт.— Какая мерзость. Этот рыбец так же незаметен, как паровой каток со включенным гудком. Лучше сменить тему, пока кто-нибудь случайно не посмотрел на монитор системы безопасности. Моего везения как раз на это хватит».

— Итак, мастер Дубец. Сегодня писем нет, я полагаю?

— Нет. Ни одного письма уже который день.

Финт потер руки, словно его ждала масса неотложных дел.

— Ладно, не смею больше отвлекать тебя от твоих прямых обязанностей, а сам займусь моделью. Составил для себя график, видишь ли, и обязан его придерживаться.

— Правильно, Финт,— сказал Дубец, давно забывший, что это он должен отпускать заключенного, а не наоборот.— Просто хотел сообщить, что мне вернули свидетельство. Поскольку в этом состоял один из пунктов моего графика.

Улыбка не исчезла с лица Финта, наоборот, стала еще шире при мысли о том, как он избавится от этого дурака, как только тот перестанет приносить пользу.

— Отлично. Спасибо, что заглянул.

Дубец уже дошел до люка, но вдруг остановился и совершил еще одну ошибку.

— Будем надеяться, повода для чрезвычайной эвакуации не возникнет, да, капитан Крут?

Финт внутренне застонал.

«Капитан. Он уже капитаном меня зовет».

Ватнайёкюдль, настоящее время

Свежеиспеченный Орион Фаул решил проверить свой наряд.

— Нет компрессионных носков,— заявил он.— За последние недели мне пришлось совершить несколько перелетов на большие расстояния, а Артемис ни разу не надел компрессионные носки. Я знаю, он сознает опасность возникновения глубокого венозного тромбоза, просто решил игнорировать риски.

Это была уже вторая тирада, произнесенная Орионом всего за пару минут, первая касалась использования Артемисом негипоаллергенного дезодоранта, и Элфи уже начинало надоедать слушать его.

— Я могу усыпить тебя,— предложила она полным оптимизма тоном, словно выдвигая самый разумный план действий.— Заклеим тебе шею пластырем и оставим в ресторане, чтобы тебя нашли люди. Конец обсуждения чулочно-носочных изделий.

Орион мягко улыбнулся.

— Вы не станете это делать, капитан Малой. Я могу замерзнуть до смерти, прежде чем придет помощь. Я безобидный человек. Кроме того, вы испытываете ко мне определенные чувства.

— Безобидный! — зашипела Элфи, и такую реакцию могло вызвать только исключительно странное заявление. — Ты — Артемис Фаул! И уже много лет считаешься самым социально опасным элементом.

— Я не Артемис Фаул, — возразил Орион. — Я делю с ним тело и знание гномьего языка помимо всего остального, но я являюсь абсолютно другой личностью. Я представляю собой нечто известное как альтер эго.

Элфи фыркнула.

— Вряд ли подобная линия защиты произведет впечатление на судей.

— О, в этом нет сомнений, — с довольным видом произнес Орион. — Такое происходит сплошь и рядом.

Элфи поползла по превратившимся в слякоть нанопластинам к кромке кратера, в котором все они прятались.

— Никаких признаков врагов. Судя по всему, они спустились в подземные кратеры.

— Судя по всему? — переспросил Жеребкинс. — А поточнее определить не соизволишь?

Элфи покачала головой.

— Не могу. У меня остались только глаза. Все приборы сдохли. Каналов связи за пределами нашей собственной локалки нет. Полагаю, зонд заблокировал любой обмен данными.

Жеребкинс тем временем приводил себя в порядок — стряхивал липкие нанопластины с боков.

— Будучи атакован, он способен генерировать помехи в широком диапазоне, дабы вывести из строя средства связи и оружие противника. Тем больше меня поразил выстрел из пушки Артемиса, поскольку, полагаю, твое оружие заблокировано и отключено.

Элфи проверила «нейтрينو». Пользы не больше, чем от дверного гвоздя. На забрале ни единого показания, за исключением медленно вращающегося красного черепа, служившего индикатором катастрофического сбоя системы.

— Д'арвит,— прошипела она.— Ни оружия, ни связи. Как нам остановить эту штуку?

Кентавр пожал плечами.

— Это зонд, а не боевой корабль. Его достаточно просто уничтожить после обнаружения радаром. Если это разработанный неким выдающимся умом план по уничтожению подземного мира, значит, этот ум не такой уж выдающийся.

Орион поднял палец.

— Полагаю, я обязан обратить ваше внимание на то — поправьте меня, если Артемис запомнил неточно,— что ваши приборы не сумели обнаружить этот зонд.

Жеребкинс нахмурился.

— Ты уже начинал мне нравиться, в отличие от прежнего.

Элфи выпрямилась.

— Мы должны следовать за зондом. Определить, куда он направляется, и каким-то образом передать сообщение в Гавань.

Орион улыбнулся.

— Знаете, мисс Малой, вы смотрите весьма эффектно на фоне пожара. Очень привлекательно, если позволите заметить. Я знаю, что вы разделили *moment passionné** с Артемисом, впоследствии испорченный типичным для него хамским поведением. Позвольте предложить вам тему для размышлений на время погони за зондом. Я разделяю страсть Артемиса, но не его невоспитанность. Я вас не тороплю, просто подумайте.

Этого вполне хватило, чтобы возникла оглушительная тишина даже посреди кризиса, похоже никак на Орионе не сказывавшегося. Первым заговорил Жеребкинс:

— Что это у тебя с лицом, капитан Малой? Что творится в твоей голове? Не думай, просто скажи.

---

* Момент страсти (фр.).

Элфи не удостоила его ответом, но это не заставило кентавра замолчать.

— Ты на миг испытала страсть к Артемису Фаулу? — допытывался он. — В твоём рапорте об этом нет ни строчки.

Возможно, Элфи покраснела, а может, все объяснялось упомянутым выше эффектным фоном.

— Конечно, в рапорте ни строчки. Потому что не было никакой страсти.

Жеребкинс не желал так просто сдаться.

— Элфи, значит, ничего не случилось?

— Ничего, о чем стоило бы говорить. Мы перенеслись назад во времени, мысли и эмоции немного спутались. Временное явление, понятно? Давайте-ка сосредоточимся. Предполагается, что мы должны вести себя как профессионалы.

— Только не я, — веселым тоном заявил Орион. — Я всего лишь подросток, у которого разыгрались гормоны. И смею заметить, волшебная дева, разыгрались они из-за вас.

Элфи подняла забрало и посмотрела гормональному подростку прямо в глаза.

— Не вздумай играть со мной, Артемис. Если у тебя не обнаружат серьезного психическо-

го расстройства, ты очень сильно пожалеешь о сказанном.

— Я вполне сумасшедший. У меня масса психических заболеваний,— весело подхватил Орион.— Расщепление личности, бредовое слабоумие, обсессивно-компульсивное состояние. Чего только нет, но самое главное — я без ума от вас.

— Неплохо сказано,— пробормотал Жеребкинс.— Определенно он не Артемис.

Элфи, потопав, стряхнула грязь с ботинок.

— У нас две задачи. Первая — замаскировать свидетельства пребывания здесь нашей техники, то есть шаттла, от глаз любопытных людей, по крайней мере, до тех пор, пока сюда не прибудет спасательная команда полиции Нижних Уровней и не переправит обломки под землю. Вторая — каким-то образом повиснуть у этого зонда на хвосте и передать в Полис-Плаза сведения о его перемещениях.— Она резко посмотрела на Жеребкинса.— Это может объясняться простой неисправностью?

— Нет,— ответил кентавр.— И я заявляю это с абсолютной уверенностью. Зонд перепрограммирован умышленно, как и аморфоботы. Они никогда не предназначались для использования в качестве оружия.

— Значит, у нас появился враг, и мы обязаны предупредить Полис-Плазу.

Элфи повернулась к Ориону.

— Ну? Есть мысли?

Юноша едва заметно поднял брови.

— Бивак?

Элфи потерла лоб в том месте, где вдруг кольнула сильная боль.

— Бивак. Потрясающе.

За спиной раздался скрежет, и шаттл еще глубже погрузился в лед, словно поверженный воин.

— Знаешь,— задумчиво произнес Жеребкинс,— корабль очень тяжелый, а выступ скалы не слишком...

Он не успел договорить — весь шаттл ушел под лед, прихватив с собой ресторан, словно их обоих проглотил гигантский подземный кракен.

Буквально через несколько секунд в только что родившейся пропасти исчезла и стрелявшая нанопластинами пушка «Ледяной куб».

— Все произошло невероятно тихо,— сказал Орион.— Не видел бы собственными глазами — ни за что не поверил бы.

— Эта местность похожа на гномий сыр. Вся в дырках,— сказала Элфи, потом вскочила и побежала по льду к новому кратеру.

Орион и Жеребкинс не стали торопиться, а последовали за ней спокойным шагом через ледник, дружески болтая.

— В графе «приход»,— заметил Жеребкинс,— можно отметить, что первая задача выполнена. Никаких свидетельств нашего присутствия.

Орион кивнул, а потом спросил:

— Гномий сыр?

— Сыр, который делают гномы.

— О,— облегченно произнес Орион.— Они его делают, а не...

— Конечно нет. Что за ужасная мысль.

— Вот именно.

Дыра в ледяной поверхности открыла изрытый пещерами подледный мир. Бурным потоком текла подземная река, разрывая на части то, что совсем недавно называлось рестораном «Большой поморник». Темно-синяя вода неслась с такой силой, что казалась почти живой. Огромные глыбы льда, некоторые размером со слона, отрывались от берегов, какое-то время сопротивлялись течению, а потом, подчинившись его воле, набирали скорость и ударялись в здание, превращая в пыль жалкие остатки стен. Тишину нарушал только рев бешеного потока, конструкция сдалась без звука.

Шаттл застрял, нанизавшись на торос ниже хрупкого берега подземной реки. Ледяного берега, не способного долго выдержать натиск воды.

Грубые силы природы разметали космический корабль, осталась лишь небольшая часть — напоминающая наконечник обсидиановой стрелы секция, застрявшая острием вниз между льдом и скалой.

— Спасательная капсула! — закричал Жеребкинс. — Я так и думал.

Вторая задача — повиснуть на хвосте зонда — уже не выглядела невыполнимой. Если удастся проникнуть в капсулу и если в ней сохранился источник энергии, то появится возможность отправиться следом за зондом и передать сообщение в штаб полиции Нижних Уровней.

Элфи попыталась просканировать маленький корабль шлемом, но лучи по-прежнему оставались заблокированными.

Она повернулась к кентавру.

— Жеребкинс, есть какие-нибудь умные мысли?

Тот не нуждался в пояснениях. Мысли могли требоваться только об одном — спасательной капсуле, застрявшей во льдах у них под ногами.

— Эти штуки почти не поддаются разрушению и в крайнем случае вмещают всю команду. Кроме того, источником питания служит твердотопливный блок с минимальным числом движущихся частей, способных ломаться. На борту установлены все обычные средства связи плюс надежное старомодное радио, которое наш тайный враг, возможно, не догадался заблокировать. Хотя, учитывая тот факт, что он додумался изменить фазу защитного экрана зонда, чтобы отвести лучи наших средств обнаружения, рассчитывать на это не стоит.

Элфи подползла ближе, свесилась в яму, брызги от подземной реки заблестели на стекле забрала.

— Итак, вот наше спасение — если сумеем спуститься.

Жеребкинс зацокал передними копытами.

— Совсем не обязательно лезть всем. Не все из нас отличаются ловкостью, у некоторых вообще на ногах копыта. Ты можешь спрыгнуть туда, потом поднять в воздух капсулу и подобрать остальных.

— Исключительно здравая мысль, — согласился Орион. — Но спускаться должен я. Рыцарский дух требует взять риск на себя.

Жеребкинс нахмурился.

— Элфи, пора. Усыпи этого попавшего во власть иллюзий идиота.

Орион откашлялся.

— Ты слишком близко к сердцу принимаешь мою болезнь, кентавр.

Элфи серьезно задумалась о возможности усыпления, потом покачала головой.

— Артемис... Орион прав. Должен спуститься один из нас.

Элфи размотала трос с крюком с висевшей на ремне бобины, ловко привязала один конец к торчащему из фундамента ресторана стальному арматурному стержню.

— Что вы делаете? — спросил Орион.

Элфи быстро подошла к провалу.

— То, что ты собирался сделать секунд через пять.

— Разве вы не читали классику? — завопил Орион. — Пойти должен я!

— Вот именно, — сказала она. — Ты должен пойти. — И спрыгнула в пещеру.

Орион испустил звериный рык, словно тигр, которому завязали хвост узлом, и сердито топнул ногой.

— Ух ты, — сказал Жеребкинс. — Топаешь. Значит, действительно разозлился.

— Похоже на то, — признал Орион, заглядывая в провал.

— Как правило, ногами топает другая сторона, поскольку это ты обычноводишь Элфи с ума. Другой ты.

— Почему-то меня это не удивляет,— немного успокоившись, сказал Орион.— Порой я бываю невыносим.

Юноша лег на лед.

— Вы выбрали правильный маршрут, Элфи,— проговорил он почти неслышно.— Вам определенно удастся обойти эту огромную ледяную стену.

— Сомневаюсь,— проворчал Жеребкинс и оказался прав.

Элфи спускалась значительно быстрее, чем ей того хотелось, и это объяснялось исключительно неисправностью снаряжения. Не оказись катушка на ремне повреждена во время недавней атаки аморфоботов, она автоматически замедлила бы спуск и Элфи удалось бы избежать неминуемого теперь удара. На деле она летела почти со скоростью свободного падения, и смягчить посадку могло лишь слабое натяжение троса.

Мысль мелькнула в голове Элфи еще быстрее, чем несущийся перед глазами лед: «Надеюсь, обойдется без переломов — у меня совсем не осталось магии для исцеления».

В следующее мгновение она коленями и локтями впечаталась ледяную стену. Лед тверже стали и острее стекла вспорол ее костюм, как бумагу. Холод и боль пронзили тело, что-то затрещало, но, к счастью, это оказался лед, а не кости.

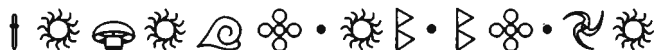
Стена полого опускалась к берегу подземной реки, питаемой ледниковыми стоками. Элфи беспомощно покатилась по склону кувырком, и лишь благодаря счастливой случайности ей удалось приземлиться на ноги. Остатки воздуха вылетели из легких с последним выдохом, когда удар отдался в ногах. Она молила об искорке магии, но ничто не могло избавить ее от боли.

«Шевелись, солдат», — велела она себе, представив, что приказ отдал Джулиус Крут.

Она поползла по ледяному берегу, глядя на собственное отражение. Глаза у отражения были безумными, как у доведенного до отчаяния пловца, оказавшегося подо льдом катка.

«Посмотри на это лицо. Не мешало бы провести денек в расслабляющей грязевой ванне», — подумала она.

Обычно одна мысль о бесполезной трате времени в ванне приводила ее в ужас, но сегодня такая перспектива казалась вполне привлекательной.

«Восстанавливающая грязь и кружочки свежего огурца на глаза. Как приятно...»

Впрочем, об этом не стоило даже мечтать. Ее ждала работа.

Элфи подползла к спасательной капсуле. Мимо неслась река и била в фюзеляж, заставляя лед покрываться трещинами.

«Ненавижу холод. Как же я его ненавижу».

С поверхности воды ледящими облаками поднимался туман, окутывая призрачно-голубой вуалью массивные сталактиты.

«Призрачно-голубой вуалью? — подумала Элфи. — Может, пора начать сочинять стихи? Какая рифма подойдет к “осколочному перелому”?»

Элфи ударила ногой по образовавшемуся у основания капсулы льду в надежде очистить люк, к счастью не успевший уйти под воду, иначе без «нейтрино» до него было бы не добраться.

Капитан вложила все скопившиеся за день разочарования в следующие несколько минут ожесточенных пинков. Элфи лупила ногами по льду так, будто это он взорвал шаттл, будто его кристаллы направляли атаку зонда. Откуда брались силы, непонятно, но ее действия принесли плоды, и скоро под прозрачной коркой раздробленного льда проступил контур люка.

Откуда-то сверху донесся голос.

— Эге-ге-е-ей, Элфи! У тебя все нормально?

В конце прозвучала еще одна фраза. Приглушенно. Неужели этот Орион снова назвал ее прекрасной девой? Элфи отчаянно надеялась, что нет.

— Я... в полном... порядке! — прохрипела она, сопровождая каждое слово ударом по ледяной оболочке.

— Постарайтесь не перенапрягаться, — произнес гулкий голос. — Сделайте несколько дыхательных упражнений.

«Потрясающе, — подумала Элфи. — Этот парень провел в голове у Артемиса столько времени, но понятия не имеет, как следует вести себя в реальном мире».

Она просунула пальцы под утопленную ручку люка и принялась выковыривать оставшиеся комки льда, мешавшие открыть дверцу. Чисто механическому замку блокировка не грозила, но это не обязательно распространялось на систему управления капсулой. Теоретически мятежный зонд мог поджарить навигационное оборудование спасбота так же легко, как вывел из строя их средства связи.

Элфи уперлась ногой в корпус и рывком распахнула люк. Из проема, затопив ее второй бо-

«Каменный век», — мысленно фыркнула Элфи, подавшись вперед, насколько позволяли ремни, чтобы извлечь из-под пульта старомодный штурвал и ручки управления двигателями.

Она нажала на кнопку зажигания, двигатель зачихал.

«Давай. У меня еще столько дел».

Еще одно нажатие, и жалкий мотор капсулы ожил и заработал — прерывисто, как дышит умирающий, но все-таки заработал.

«Спасибо», — подумала Элфи за мгновение до того, как из вентиляционных отверстий клубами повалил в кабину черный дым, заставив закашляться.

«Имеются некоторые повреждения, но, надеюсь, у нас все получится».

Элфи вручную отдраила передний иллюминатор, и открывшийся вид встревожил ее. Она ожидала увидеть синюю воду подземной реки, стремительно несущейся за прозрачным полимером, а узрела бездну. Капсула висела над пещерой, пронзавшей ледник и заканчивавшейся головокружительным отвесным обрывом до материковой породы. Волнистые стены льда уходили вниз, их освещал далекий мерцающий

огонь двигателей зонда, стремительно погружавшегося в глубины земли.

«Вот он. Идет строго вниз».

Элфи ударила по кнопке оттаивания топливного блока и нетерпеливо побарабанила пальцами по пульту, пока он прогрелся.

— Сейчас мне необходимо только одно,— пробормотала она едва слышно.— Задний ход. И очень быстро.

Но включить задний ход достаточно быстро не удалось. Ледниковая река обвила щупальцами торос, на котором лежала капсула, и легко разрушила его. Капсула на мгновение зависла в пустоте, а потом провалилась в разверзшуюся дыру и беспомощно полетела в пропасть.

За пару минут до этого юноша с лицом Артемиса Фаула стоял на поверхности льда и смотрел на Элфи Малой, оценивая по достоинству ее старания и восхищаясь фигурой.

— А она весьма темпераментна, *n'est-ce pas?** Посмотрите, как она сражается со стихией.

К нему, цокая копытами, подошел Жеребкинс.

---

* Не так ли? (*фр.*)

— Прекрати, Артемис. Тебе не удастся меня обмануть. Что ты задумал?

Орион ответил ему совершенно спокойным взглядом. Знакомое лицо Артемиса сейчас казалось открытым и заслуживающим доверия. Ловкий трюк, поскольку в исполнении самого Артемиса то же самое лицо всегда выглядело коварным, почти зловещим, можно даже сказать подлым. На самом деле один учитель музыки использовал это слово в отчете об успеваемости Артемиса, то есть поступил совсем не профессионально, но справедливости ради следует заметить, что Артемис действительно перемонтировал клавиатуру преподавателя так, чтобы она играла только всем известный рождественский мотивчик, на какие клавиши ни нажимай.

— Я ничего не задумал,— ответил Орион.— Я жив, и я здесь. Вот и все. У меня сохранились воспоминания Артемиса, но не его характер. Думаю, своим внезапным появлением я обязан тому, что волшебный народец называет синдромом Атлантиды.

Жеребкинс погрозил ему пальцем.

— Отличная попытка, но синдром Атлантиды обычно проявляется через непреодолимое влечение и галлюцинации.

— Вторая стадия.

Жеребкинс обратился к своей почти фотографической памяти.

— Вторая стадия синдрома Атлантиды может привести к появлению у объекта симптомов возникновения нескольких совершенно разных и непохожих личностей.

— И? — подтолкнул его Орион.

— Вторая стадия может инициироваться как психическим потрясением, так и физической травмой, например поражением электротоком, или и тем и другим.

— Элфи выстрелила в меня. Вот и объяснение.

Жеребкинс провел копытом по снегу.

— Здесь-то и коренится проблема для личностей, сопоставимых с нами по умственному развитию. Мы способны отстаивать свою точку зрения весь день, не получая значительно-го преимущества. Такое случается, если ты гений.— Кентавр улыбнулся.— Посмотри, я нарисовал «Ж», это значит «Жеребкинс».

— Превосходная работа,— похвалил его Орион.— Какие прямые линии. Для этого необходимо мастерское владение копытом.

— Я знаю,— сказал Жеребкинс.— Настоящий талант, но нет форума, где можно было бы выразить себя подобным образом.

Жеребкинс понимал, что болтает о рисунках копытами исключительно для того, чтобы не думать о положении дел. Он часто помогал Элфи выходить из разных кризисных ситуаций. Но ему редко доводилось оказываться в боевой обстановке и наблюдать за самим возникновением кризиса.

«Видеозаписи не способны передать чувства,— подумал он.— Мне страшно до одури, но сделанная камерой шлема запись не в силах это запечатлеть».

Жеребкинса пугала способность постороннего захватить его космический зонд и перепрограммировать аморфоботов. Его страшило, что сделавший это пренебрежительно относился к жизни подземных жителей, равно как и людей и животных. И в полный ужас кентавра приводила вероятность того, что, если Элфи, да не попустят боги, окажется ранена или того хуже, ему и этому глуповатому дублеру Артемиса придется самим искать способ предупредить Гавань. Жеребкинс понятия не имел, хватит ли у него соображения выполнить эту работу, если не поможет самонадеянность, каковая у него имелаась в избытке, и мастерское владение виртуальной клавиатурой. Артемис, несомненно, нашел бы выход, но его, очевидно, как раз сейчас не было дома.

Жеребкинс с дрожью осознал, что возникшая ситуация вплотную приблизилась к наихудшим его кошмарам, особенно если Кобылина в итоге его побреет. Контроль всегда много значил для Жеребкинса, а теперь он застрял на леднике вместе с повредившимся в уме человеком и беспомощно наблюдал, как их единственная надежда на спасение борется с подземной рекой.

Его главный на данный момент кошмар опустился на второе место, когда спасательная капсула с Элфи внутри вдруг исчезла подо льдом. Синеватые глыбы быстро заполнили дыру, и, прежде чем Жеребкинс успел разинуть рот от удивления, корабль пропал, словно его никогда и не было.

Кентавр рухнул на передние колени.

— Элфи! — в отчаянии закричал он. — Элфи! Орион тоже растерялся.

— О, капитан Малой... Я так много хотел сказать вам о наших чувствах — Артемиса и моих. Вы были так молоды, вы столько еще могли сделать. — Крупные слезы покатались по его щекам. — О Артемис, бедный глупый Артемис... Ты владел таким сокровищем и не знал этого.

Ужасная утрата опустошила Жеребкинса. Элфи больше нет. Пропал их последний шанс

предупредить Гавань. Где уж надеяться на успех, если единственный помощник у тебя — влюбленный вершок, восклицающий «о!» в начале каждой второй фразы.

— Заткнись, Орион! Заткнись. Это была смерть. Настоящее живое существо только что погибло.— Твердый лед под коленками отчего-то придавал дополнительное отчаяние их положению.

— У меня почти нет опыта общения с живыми существами,— признался Орион, опускаясь на лед рядом с кентавром.— Или чувств, которые я мог бы выразить вовне. Но по-моему, сейчас мне грустно. И одиноко. Мы потеряли друга.

Речь его звучала искренне, и Жеребкинс счел своим долгом проявить сочувствие.

— Все в порядке. Ты ни в чем не виноват. Для нас обоих это страшная потеря.

Орион шмыгнул носом.

— Хорошо. Тогда, быть может, благородный кентавр довезет меня на себе до ближайшей деревни? Я смогу заработать пару монет сочинением стихов, а ты построишь для нас хижину и станешь показывать путникам цирковые трюки...

Предложение было настолько дикое, что Жеребкинс на секунду задумался, не прыгнуть ли

в пропасть, лишь бы оказаться подальше от этого сумасшедшего.

— Понимаешь, здесь не Среднеземье. Мы не в романе. Я не благородный, и в моем репертуаре нет цирковых трюков.

Орион разочарованно сник.

— Даже жонглировать не умеешь?

Именно идиотизм собеседника помог Жеребкинсу временно стряхнуть с себя гнет скорби. Он вскочил на ноги и загарцевал кругами вокруг юноши.

— Кто ты? Что собой представляешь? Я думал, у тебя осталась хоть память Артемиса. Как можно быть таким идиотом?!

Ориона совершенно не тронули его слова.

— У меня все осталось. Воспоминания и кинофильмы для меня реальны, как и все остальное. Ты, Питер Пэн, лох-несское чудовище, я сам. Все это вполне возможно, реально.

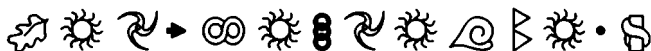
Жеребкинс потер лоб.

— Все еще хуже, чем я думал. Да помогут нам боги.

Орион вдруг широко улыбнулся.

— Есть идея.

— Да? — У Жеребкинса появилась слабая надежда, вдруг в мозгу юноши сохранилась капелка Артемиса.

— Почему бы нам не поискать волшебные камни, исполняющие желания? Или, если с этим ничего не получится, ты сможешь осмотреть мое тело на предмет наличия на нем причудливого родимого пятна, указывающего на то, что я принц какой-нибудь страны или еще кто-нибудь.

— Так, ладно.— Жеребкинс тяжело вздохнул.— Тогда начинай искать камни, а я пока напишу магические руны на снегу.

Орион весело захлопал в ладоши.

— Блестящая мысль, благородное создание! — Он принялся ногами переворачивать камни в поисках волшебного.

«Синдром прогрессирует,— подумал Жеребкинс.— Всего несколько минут назад парнишка вел себя более осмысленно. Чем отчаяннее становится положение, тем дальше от реальности он уходит. Если мы не вернем Артемиса достаточно быстро, он исчезнет навсегда».

— Нашел! — вдруг закричал Орион.— Волшебный камень! — Он наклонился, чтобы осмотреть находку.— Нет. Погоди. Это какой-то моллюск... — Он виновато улыбнулся Жеребкинсу.— Я увидел, что он убегает, и решил...

Жеребкинса посетила мысль, которой он не мог вообразить и в страшном сне: «Я предпочел бы оказаться рядом с Мульчем Рывингом».

Осознав это, кентавр содрогнулся.

Орион громко завопил и попятился.

— Нашел! На этот раз — настоящий. Смотри, Жеребкинс, смотри!

Жеребкинс заставил себя посмотреть и удивился, обнаружив, что камень действительно пляшет.

— Это невозможно, — сказал он и подумал: «Неужели он каким-то образом заразил меня своей манией?»

Орион ликовал.

— Все реально! Я все-таки выбрался в мир!

Камень высоко подскочил и заскользил по поверхности замерзшего озера. На том месте, где он лежал, пробив ледяную корку, появилась спасательная капсула. Она лезла все выше и выше, басовито грохоча двигателями, и от вибрации разлетались на куски льдины.

Спустя миг Жеребкинс осознал смысл происходящего и тоже возликовал.

— Элфи! — заорал он. — У тебя получилось! Ты не покинула нас!

Спасбот приземлился и повалился на бок. Открылся передний иллюминатор, и они увидели лицо Элфи, бледное, залитое кровью, сочащейся из многочисленных, пусть и не глубоких, порезов, но сияющие глаза смотрели твердо.

— Топливный блок оттаивал слишком долго,— объяснила она, перекрикивая рев двигателей.— Залезайте и пристегивайтесь, оба. Нам нужно поймать огнедышащее чудовище.

Простота приказа позволила Жеребкинсу с Орионом выполнить его без конфликта реальностей.

«Элфи жива»,— подумал Жеребкинс.

«Моя принцесса жива,— радовался Орион.— И мы преследуем дракона».

— Жеребкинс,— обратился он к кентавру,— думаю, мы непременно должны найти на мне родимое пятно. Драконам это нравится.

Мозг Артемиса Фаула, настоящее время

Артемис не исчез бесследно. Он оказался заточен в крошечной виртуальной комнате в собственном разуме. Комната напоминала его кабинет в родовом поместье Фаулов, не хватало только экранов видеонаблюдения на стене. На самом деле и сама стена отсутствовала. Вместо рядов плазменных панелей и цифровых телевизоров перед ним плавало окно в реальность его собственного тела. Он видел то же, что и этот придурок Орион, слышал нелепые фразы, произносимые его собственным ртом, но не мог контролировать действия помешанного на ро-

мантике простофили, занявшего место водителя, если использовать автомобильную терминологию, что высоко оценили бы Дворецки и Элфи.

В комнате Артемиса стояли письменный стол со стулом. Одет Артемис был в один из сшитых на заказ костюмов фирмы «Зенья»* из тонкой ткани. Он видел переплетение нитей на рукаве, чувствовал вес материала, словно у настоящей одежды, но прекрасно понимал, что все это лишь иллюзия, созданная его мозгом с целью навести некоторый порядок в хаосе мыслей.

Он опустился на стул.

Перед Артемисом, на том, что он решил называть экраном разума, отображались разворачивающиеся в реальном мире события. Фаул морщился, наблюдая, как узурпатор Орион неуклюже пытается очаровать капитана Малой.

«Он окончательно испортит мои отношения с Элфи», — подумал он.

А теперь Орион вздумал обращаться с Жеребкинсом как с каким-то мифическим существом.

---

* «Zegna» — итальянский модный лейбл мужской одежды, обуви и парфюмерии.

В одном Орион не ошибался. Развилась вторая стадия синдрома Атлантиды — психического заболевания, которое он сам навлек на себя комбинацией безрассудных занятий магией и чувства вины.

«И чувство вины я навлек на себя тоже сам, ведь я подставил собственную мать под удар Опал Кобой».

Артемис вдруг обнаружил, что числа не властны над ним, пока он находится внутри собственного мозга. И ни малейшего желания переставить предметы на письменном столе не возникало.

«Я свободен».

Метафорический груз свалился с его аллегорических плеч, и Артемис Фаул снова почувствовал себя самим собой. Живым, умным, сосредоточенным, впервые за многие месяцы. Идеи выпархивали из мозга, как летучие мыши из пещеры.

«Так много нужно сделать. Столько проектов. Дворецки... надо его найти».

Артемиса переполняли сила и энергия. Вскочив со стула, он подбежал к экрану разума. Он пробьется, обязательно вырвется из темницы и вернет этого типа Ориона туда, откуда тот появился. Следующим пунктом в списке текущих

дел значилось принесение извинений Жеребкинсу и Элфи за грубость, а потом следовало вплотную заняться захватом космического зонда. Подземная река разбила его «Ледяной куб» вдребезги, но можно построить новый. Чтобы воскресить проект, нужно всего несколько месяцев.

А потом, когда ледникам перестанет грозить опасность, он, возможно, согласится пройти курс восстановительной терапии, обратившись к одному из наименее колоритных психотерапевтов народца. Определенно не к Туччу, который стал ведущим собственного ток-шоу.

Экран оказался не таким плотным, как представлялось Артемису. На деле он был глубоким и вязким и напомнил Артемису трубу подачи плазмы, по которой он пробирался в лабораторию Опал Кобой много лет назад. Тем не менее он настойчиво продвигался вперед и скоро почувствовал, как погружается в холодный вязкий гель и тот, словно цепляясь гибкими пальцами, тянет его назад.

— Меня не утратить! — закричал Артемис, обнаружив, что может кричать, находясь внутри экрана разума. — Я еще нужен на белом свете!

И запоздало подумал: «Утратить? На белом свете? Я начинаю говорить как этот кретин Орион».

Эта мысль придала ему сил, и он принялся рвать захватившую его в плен слизь. Приятно чувствовать себя активным и решительным. Артемис ощущал себя прежним Фаулом. Неудержимым.

И вдруг он заметил прямо перед собой нечто яркое и шипящее, словно бенгальский огонь в канун Дня всех святых. Огоньки вокруг множились и множились, медленно погружаясь в гель.

Что это такое? Что они означают?

«Я их создал,— подумал Артемис.— Значит, должен знать».

И спустя миг догадался. Шипящие бенгальские огни на самом деле представляли собой крохотные циферки. Одинаковые. Четверки. Смерть.

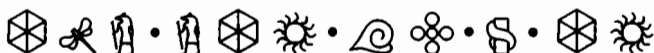
Артемис отпрянул, но тут же овладел собой.

«Нет. Я не стану рабом. Я отказываюсь».

Крошечная четверка царапнула ему локоть, заставив юношу вздрогнуть всем телом.

«Это воспоминание, не более того. Мой разум воссоздает трубу подачи плазмы. Все настоящее».

Но удары и укусы ощущались как самые настоящие. Стоило крошечным четверкам обнаружить его, как они сбились в стайку злобных

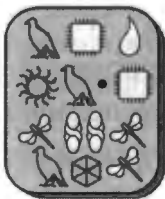

CCCCC

«Пучина», Атлантида, настоящее время

СТУПНИКОВ».

«Забыли, что я совершил,— подумал он с некоторым удовольствием.— Как и планировалось».

Финт послал короткое виртуальное сообщение Леоноре, одно из десятков посылаемых каждый день.

Любимая, подготовься к поездке. Скоро будем вместе.

Затаив дыхание, он ждал ответа и скоро получил его. Одно слово.

Поторопись.

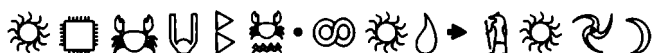
Быстрый ответ обрадовал Финта — хотя они прожили в браке уже много лет, все еще ловили каждое слово друг друга. Правда, текст сообщения немного его беспокоил. В последнее время Леонора стала писать коротко, редко больше одной фразы. Он не верил в нежелание любимой жены общаться с ним — скорее всего, она совсем ослабела и каждое усилие для нее мучительно.

Финт послал второе сообщение полицейскому-оборотню Рыдвану Подметке, недавно нанятому специально для заботы о жене и делах Финта.

Леонора слабеет без моей магии, Подметка. Прояви особую заботу.

Финт вдруг почувствовал нетерпение.

Всего несколько часов разделяют нас, дорогая. Держись, ради меня.

Власти, конечно, ошибались. Финт Крут был крайне опасен. Они забыли, что именно он украл миллионы из бюджета на вооружение полиции Нижних Уровней. Именно он едва не разрушил половину Гавани, чтобы избавиться от конкурента.

«И у меня получилось бы, — в тысячный раз подумал он, — не вмешайся мой благочестиволицемерный младший братец».

Он запретил себе думать об этом. Мысли о Джулиусе могли изменить основные показатели состояния организма, а это привлечет внимание тюремщиков.

«Нужно немного отвлечься, — подумал он, расположившись у монитора. — Возможно, в последний раз перед уходом. Скоро за мной придет Дубец, а потом полиция поймет свою ошибку. Как всегда, с опозданием».

Улыбнувшись собственному отражению на экране, он набрал короткое сообщение и послал его на определенный веб-сайт.

«Проказничают даже старики», — понял Финт, нажав на клавишу «отправить».

«Пьяный попугай», Майами, настоящее время
 Универсальный закон гласит: беглые преступники всегда собираются вместе. Даже если за ними охотятся все служители закона в мире,

ударившиеся в бега люди всегда находят мерзкую и грязную харчевню с самым дешевым пойлом и самым хитрым и изворотливым хозяином, о существовании которой даже не подозревает полиция. Обычно заведение отличается стальной дверью, покрашенными окнами и плесенью в туалете, а также блюдами, состоящими не более чем из двух ингредиентов. Именно таким заведением являлся «Пьяный попугай».

Владелец, гном по имени Барнет Ребус, был несколько подобострастен в общении, что внушало симпатию его весьма специфическим клиентам. Если льстивой манеры оказывалось недостаточно для усмирения нарушителя порядка, Барнет подкреплял ее ударом украденной из полиции Нижних Уровней электрошоковой дубинки.

«Пьяный попугай» служил пристанищем гномам, и девиз клуба звучал так: «Если тебя не ждут там, значит, тебя ждут здесь», — то есть каждый изгнанный, преследуемый или бродяжничающий подземный житель, оказавшийся в Северной Америке, рано или поздно забредал сюда. Из Барнета Ребуса получился идеальный хозяин, ибо благодаря капризу природы он относился к крайне малочисленной части представителей волшебного народца, чей рост пре-

вышал четыре фута. Поэтому Барнет, прикрыв уши банданой, становился идеальным посредником для общения с людьми, снабжавшими его спиртным, слегка протухшим мясом для приготовления кесадила* и любым количеством оружия, какое он мог загнать с черного хода.

Это раннее утро в «Пьяном попугае» ничем не отличалось от других. В одной кабинке сидели, склонившись над пивными кружками, гномы. Двое спрайтов рубились в хрустьбол на портативных компьютерах, а с полдюжины эльфов-наемников травили военные байки у бильярдного стола.

Барнет Ребус был занят серьезным разговором с сидевшим за стойкой гномом.

— Ну, Могила,— вкрадчиво уговаривал он,— купи пару пистолетов. Или гранату, на худой конец. Торчишь здесь целый день и лакаешь сырую воду. Разве нет никого, в кого ты хотел бы выстрелить пару раз?

Гном усмехнулся, показав фирменные, похожие на могильные плиты зубы.

— Никого, иногда так бывает, Ребус.

Это совсем не обескуражило Барнета — гнома часто выручал врожденный оптимизм. Ко-

---

* Кесадила — блюдо мексиканской кухни.

му еще могла прийти в голову мысль открыть бар для чувствительных к свету гномов в солнечном Майами?

«ЛеППРКОНу и в голову не придет искать здесь беглых преступников,— часто объяснял он.— Пусть морозят свои полицейские задницы в России, пока мы потягиваем пиво в роскошном помещении с кондиционером».

«Роскошным» — это было громко сказано, помещение сложно было назвать даже чистым. Но «Пьяный попугай» служил местом встреч солдатам удачи, они собирались здесь потрепаться о войне, днем ли, ночью ли, и готовы были мириться с заоблачными ценами Барнета и его постоянными попытками что-то втюхать.

— А как насчет компьютерного имплантата? — не сдавался трактирщик. — В наше время у всех есть имплантаты. Иначе как ты сможешь следить за полицией?

Могила надвинул фетровую шляпу на глаза.

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, Ребус, но я не числюсь в розыске. Сейчас ты смотришь на стопроцентно легального гражданина. Кстати, у меня даже есть виза на выход на поверхность.

— Чушь,— неуверенно сказал Барнет.

Могила толкнул к нему по стойке пластиковую карточку.

— Читай и плачь.

Барнет, прищурившись, изучил надписи на гномьем языке и официальную голограмму.

— Выглядит настоящей,— признался он.

— Ибо она и есть настоящая, о мой разбавляющий пиво друг.

Барнет покачал головой.

— Ничего не понимаю. Почему ты здесь, если можешь быть где угодно?

Могила закинул горсть орехов-шипучек в похожий на пещеру рот, и Барнет готов был поклясться, что каждый хруст отдается эхом.

— Я здесь,— изрек наконец Могила,— из-за клиентуры.

Барнет окончательно утратил нить.

— Что? Из-за воров, наемников, вымогателей и фальшивомонетчиков?

Могила улыбнулся широко и весело.

— Ага. Наши люди.

Барнет проверил кувшин с жабьей слизью, поставленной бродить для пикси.

— А ты забавный, Могила. Знаешь об этом?

Прежде чем посетитель успел ответить, пластмассовый попугай над стойкой пронзительно заорал.

— Новое сообщение! — раздалось из его аниматронного клюва.— Новое сообщение на форуме!

— Прошу прощения,— подчеркнуто вежливо произнес Барнет Ребус.— Вынужден оставить вас, дабы проверить недавно поставленный и исключительно удобный имплантат.

— Очень удобный, пока не пройдешь мимо микроволновки и не потеряешь десять лет памяти,— заметил Могила.— Впрочем, ты проводишь здесь столько времени, что вряд ли заметишь исчезновение десятка-другого лет.

Барнет не слушал его. Его взгляд затуманился, пока он проверял содержимое незаконного имплантата, который ему вживил в кору головного мозга один врач, лишенный лицензии. Гном пару раз произнес «гм», один раз — «правда?», а потом вернулся в реальность.

— Как мозговые клетки? — вежливо поинтересовался Могила.— Надеюсь, сообщение того стоило?

— Не волнуйся, о Стопроцентно Легальный Гражданин,— резко ответил Барнет.— Она касается только нас, преступников.

Он ударил по стойке дубинкой, и по латунному поручню волнами пробежали искры.

— Плут! — крикнул он в зал.— У тебя есть корабль? Я прав?

Один из гномов в дальней кабинке поднял седую голову. С бороды падала сгустками пивная пена.

— Да. Есть автожир. Довольно старый, но работает нормально.

Барнет хлопнул в ладоши, уже подсчитывая комиссионные.

— Отлично. На форуме появился заказ. Два человека. Убить насмерть.

Плут медленно покачал головой.

— Никаких убийств. Мы преступники, но не люди.

— Заказчик согласен на полное стирание. Это вы в состоянии переварить?

— Полное стирание? — вмешался в разговор Могила. — А это не опасно?

Барнет хихикнул.

— Нет, если держать пальцы подальше от электродов. Два человека, брат и сестра, фамилия — Дворецки.

Могила вздрогнул.

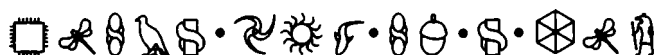
— Дворецки? Брат и сестра?

Барнет, закрыв один глаз, обратился к имплантату.

— Да. Сбрасываю детали в компьютер твоего автожира, Плут. Работа срочная. Оплата — по высшему разряду, как говорят вершки.

Гном по имени Плут проверил заряд старомодного коротковольного «нейтрино».

— Эти вершки ни о чем не смогут рассказать, когда я закончу работать с ними. — Он посту-

чал по столу, вызывая своих бойцов.— Пошли, молодцы. Нам предстоит промыть мозги.

Могила быстро встал.

— Ребята, а у вас найдется местечко для меня?

— Я так и знал,— фыркнул Барнет Ребус.— Стопроцентно легальный, как бы не так. С первого взгляда понял, что у тебя богатый опыт.

Плут застегивал ремень, увешанный пиками, патронами и приборами устрашающего вида с запалами и конденсаторами.

— А почему я должен брать тебя с собой, незнакомец?

— Ты должен взять меня, потому что, если эти Дворецки убьют твоего пилота насмерть, я смогу занять его место.

Нетипично тощий гном оторвался от рыцарского романа.

— Убьют насмерть? — переспросил он, и губы его задрожали.— Плут, скажи, а такое возможно?

— Мне доводилось встречаться с этими Дворецки,— продолжал Могила.— Первым делом они убивают пилота.

Плут оценивающе посмотрел на Могилу, обратив внимание на его мощные челюсти и мускулистые ноги.

— Ладно, незнакомец. Займешь место второго пилота. Получишь меньшую долю, и никаких возражений.

Могила усмехнулся.

— Зачем возражать сейчас, если можно возразить потом?

Плут задумался над вопросом так, что у него заболела голова.

— Ладно. Как скажешь. Всем принять вытрезвительную таблетку, и по машинам. Сотрем вершкам память.

Могила пошел по бару вслед за новым командиром.

— Насколько хороша твоя аппаратура для стирания памяти?

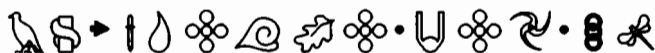
Плут пожал плечами.

— Какая разница? — просто ответил он.

— Мне нравится твой подход к делу, — согласился Могила. Почти сразу.

Канкун, Мексика, настоящее время

Речь шла, конечно, о тех самых Дворецки, которые удрали от толпы загипнотизированных фанатов реслинга и решили — через полчаса после того, как Плут нанял второго пилота, — немного отдохнуть и отдышаться на залитом солнцем берегу лагуны Канкуна. Охоту на этих

двоих Финт Крут устроил ради развлечения, а вовсе не из опасений, что они каким-то образом сорвут его планы. Впрочем, такие грозные противники, какими зарекомендовали себя Дворецки, вполне могли доставить неприятности. Планы Финта отличались изрядной сложностью и без участия беспокойных вершков. Лучше хоть память им стереть. Кроме того, один раз им уже удалось ускользнуть, и Финта это раздражало, а он терпеть не мог, когда его что-то раздражает.

Джувьетта сидела на корточках у самой воды и слушала смех и звон бокалов с шампанским, доносившийся с проходившей мимо яхты.

— Брат, у меня идея. Давай попросим у Артемиса миллион долларов и уйдем на покой. Ну, или я могу уйти на покой, а ты станешь моим дворецким.

Дворецки сел рядом с ней.

— Честно говоря, вряд ли у Артемиса есть миллион долларов. Он все вложил в свой последний проект. ПРОЕКТ, как он его называет.

— Что он собирается украсть на этот раз?

— Ничего. Артемис завязал. Сейчас он пытается спасти мир.

Рука Джувьетты замерла, не успев бросить голыш в воду.

— Артемис Фаул завязал? Разве это не нарушение семейного закона?

Дворецки не то чтобы улыбнулся, но принял несколько менее хмурый вид.

— Сейчас не время для шуток, сестричка. — Он помолчал. — Но если хочешь знать, в уставе Фаулов действительно есть статья, гласящая, что вставший на путь добродетели член семьи лишается наставления Доктора Зло и присосок.

Джульетта фыркнула.

— Присосок!

Обычное хмурое выражение лица Дворецки мгновенно восстановилось.

— Серьезно, сестренка. Мы попали в скверную историю. Нас преследуют агенты волшебного народца, и при этом мы на другом конце земли от моего хозяина.

— Кстати, а как ты здесь оказался? Кто послал тебя в погоню за недостижимым?

Дворецки уже подумал об этом.

— Артемис. Возможно, его вынудили так поступить, хотя это маловероятно. Скорее всего, его обманули.

— Обманули? Артемиса Фаула?! Он изменился.

Дворецки нахмурился, похлопал ладонью по месту, где обычно висела кобура.

— Артемис и правда изменился. Ты едва ли узнала бы его. Он стал другим.

— Другим? Каким?

Дворецки нахмурился еще сильнее, глубокая морщина появилась между бровей.

— Все считает. Шаги, слова, предметы. Кажется, предпочитает число «пять». А еще ряды. Все предметы вокруг себя располагает рядами. Обычно по пять предметов в ряду или по десять.

— Я слышала о чем-то подобном. Кажется, это называется обсессивно-компульсивным расстройством.

— А еще он стал параноиком. Никому не доверяет.— Дворецки повесил голову.— Даже мне.

Джульетта бросила голыш далеко от берега.

— Судя по твоим словам, Артемис нуждается в помощи.

Дворецки кивнул.

— А ты? Тебе немало пришлось пережить за последний час.

Джульетта провела ладонью по земле, собирая голыши в горсть.

— Что? Ты имеешь в виду то, как на нас ополчилась толпа загипнотизированных болванчиков? И то, как я вдруг вспомнила о су-

ществовании волшебного народца? Эти-то мелочи?

Дворецки недовольно заворчал. Он забыл, как сестра любит насмехаться над ним и как он привык это терпеть.

— Да, именно эти мелочи.— Он ласково ткнул ее локтем.

— Не беспокойся обо мне, братец. Я современная женщина. Сильная и сообразительная. Слышал о таких?

— Все понял. Ты справляешься, да?

— Нет, братец. Не просто справляюсь, а чувствую себя отлично. Когда Дворецки вместе, никто им не помеха.

— Новые воспоминания не сводят тебя с ума?

Джюльетта засмеялась, и у Дворецки сразу стало легко на сердце.

— Сводят с ума? Мы вернулись в семидесятые годы? Нет, воспоминания не сводят меня с ума. Собственно говоря, они...— она немного подумала, подбирая слова,— отлично чувствуют себя в моей голове. Нашли свое место. Как я могла забыть Элфи? Или Мульча?

Дворецки достал из кармана пару солнцезащитных очков. Оправа была несколько более толстой, чем у современных модных очков, а

на дужках были установлены крошечные солнечные батареи.

— Могут пригодиться, учитывая, кто именно нас преследует.

Джульетта взяла очки двумя пальцами, и прикосновение к ним вызвало новую волну воспоминаний.

«Артемис сделал их из разобранных полицейских шлемов, чтобы мы могли видеть сквозь защитные экраны. Подземные полицейские хитры, но Артемис еще хитрее».

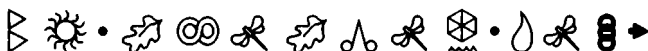
— Я помню эти очки. Зачем ты взял их с собой?

— Первое правило бойскаута: будь готов ко всему. Подземные жители повсюду. Не хочу случайно подстрелить одного из них или, наоборот, промахнуться.

Джульетте оставалось только надеяться, что брат шутит.

— Ты не станешь стрелять в подземных жителей,— сказала она, надевая очки.

И тут же что-то появилось в ее поле зрения, словно выскочило из тостера. Это что-то явно не являлось человеком. Оно висело на ремнях и прицеливалось каким-то толстоствольным оружием ей в голову. Одежда существа напоминала спортивный костюм, только сделанный

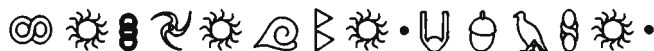
из вязкой смолы и плотно облежавший как его болтающееся в воздухе тело, так и каждый волосок клочковатой бороды.

— Подземный житель! — закричала Джульетта в шоке. — Стреляй в эту тварь!

Многие приняли бы ее вопль за шутку. В конце концов, какова вероятность появления подземного жителя именно в тот момент, когда она наденет очки с фильтрами? Не говоря уже о том, что Джульетта славилась неуместным чувством юмора и часто сыпала остротами в моменты смертельной опасности.

Например, когда инструктор Кристиан Варли Пенроуз из академии мадам Ко сорвался с северного склона Эвереста и полетел к земле навстречу верной гибели, предотвратить каковую могла только эта худенькая девушка, Джульетта собралась и прокричала пролетавшему сэнсэю: «Эй, Пенроуз! Как насчет накинуть несколько баллов, если я тебя спасу?»

Таким образом, имелись веские причины предположить, что Джульетта, закричав «стреляй!», решила подшутить над старшим братом, но самому Дворецки это и в голову не пришло. Его учили распознавать нотки стресса в голосе, но даже не заставь его Артемис прослушать в машине лекцию в формате MP3, он отлично

знал, чем отличается действительно-испуганная-Джувьетта от решившей-пошутить-Джувьетты. Поэтому когда сестра крикнула «стреляй!», Дворецки принял решение действовать агрессивно быстрее, чем колибри успела бы взмахнуть крыльями.

«Нет пистолета, нет стрельбы,— подумал он.— Но возможны варианты».

В соответствии с избранным вариантом он крепко схватил сестру за плечо и отшвырнул в сторону. Она заскользила по галечному берегу, пропахав плечом глубокую борозду.

«Ободрала плечо. Недели три пилить будет».

Выбросив вперед руки и используя инерцию, Дворецки с максимальной быстротой прыгнул вперед и вверх в попытке схватить того, кто напугал Джувьетту. Оставалось надеяться только, что тварь находится в пределах досягаемости — в противном случае подземный житель, улыбаясь под забралом шлема, мог спокойно прицелиться в него.

Везение не оставило Дворецки. Он схватил что-то короткое и грузное. Что-то отчаянно сопротивляющееся и брыкающееся, будто свинья на одеяле, а также испускающее особый запах, который показался бы знакомым чело-

веку, имевшему несчастье упасть лицом в средневековое помойное ведро.

«Узнаю этот запах,— подумал Дворецки, крепко держа существо в руках.— Гном».

То, на чем висел гном, с визгом провисло, окунув Дворецки и его извивающегося пленника по пояс в воду лагуны. Дворецки это не причинило ни малейшего вреда, он практически намотался на невидимого гнома, и прохладная вода подействовала на него освежающе, тогда как для подземного жителя в защитном костюме водные процедуры имели катастрофические последствия. В результате жесткого контакта с острыми камнями на дне заличика камуфляжный костюм порвался, выпустив весь заряд.

Гном Плут внезапно обрел видимость.

— Ага! — воскликнул Дворецки, поднимая Плута из волн.— Гномья голова. Отлично.

Дара говорить на всех языках Плут лишился вместе с остальными магическими способностями, но достаточно долго прожил среди людей и нахватался разговорных выражений из множества наречий. В итоге он с легкостью истолковал восклицание Дворецки — неправильно.

«Гномья голова? Этот вершок собирается съесть мою голову!»

Дворецки потому так обрадовался голове гнома, что головы у гномов непропорционально большие, а у этого оказалась и вовсе гигантская — она почти равнялась голове Дворецки и венчалась шлемом.

«Надев этот шлем, я увижу то, что видел этот малыш».

Таким образом, Дворецки интересовал исключительно шлем, а не его перепуганное содержимое.

— Не дергайся, живчик, — прохрипел телохранитель, привычным движением отщелкивая запоры и сдергивая шлем с головы гнома. — Ты только что пытался подстрелить мою сестру?

Узнав слово «подстрелить», Плут опустил взгляд на свои руки и с ужасом обнаружил, что они пусты. Он выронил оружие.

Плуту, профессиональному преступнику, доводилось попадать в смертельные переделки, и он никогда не терял самообладания. Однажды он ухитрился запугать банду пьяных гоблинов, будучи вооружен только склянкой мази от ожогов и тремя бутылочными горлышками, но этот кровожадный гигант с искаженным яростью лицом и жаждой сожрать чьи-нибудь мозги едва не лишил его рассудка.

— Не-е-ет! — пронзительно завопил он. — Не кусай мозг!

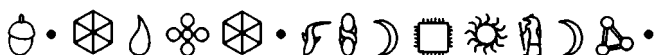

Дворецки, не обращая внимания на отчаянное сопротивление и затхлую вонь от шлема, сжал головной убор одной рукой, как баскетболист — мяч.

Череп Плуто остался без защиты, и гном потом клялся, будто чувствовал, как его мозг трясется, будто студень.

Когда гном оказывается в подобной безвыходной ситуации, обычно происходит следующее. Первое — гном разевает пасть и пытается прогрызть выход на свободу. Плут не мог так поступить, поскольку ему мешал капюшон костюма. Второе — испуганный гном «сбрасывает балласт». К подобному приему обычно прибегали первые авиаторы, и заключался он в выбрасывании за борт лишнего груза в как можно больших объемах, дабы поддержать полет воздушного судна. Гномы способны сбросить до одной трети веса тела в течение всего пяти секунд. Конечно, это крайнее средство, и делать это гном может не чаще одного раза примерно в десять лет. Происходит стремительный выброс рыхлых слоев жидковатого жира, проглоченного грунта и газов через отверстие, которое гномские мамочки вежливо называют нижним тоннелем.

Сброс балласта является почти рефлексивной реакцией и происходит, когда частота сер-

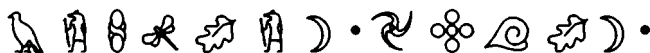
дечных сокращений превышает двести ударов в минуту, что и случилось с Плутом, когда Дворецки поинтересовался, не пытался ли он подстрелить его сестру. В тот момент Плут фактически утратил контроль над функциями организма и успел только крикнуть: «Не кусай мозг!» — прежде чем тело решило сбросить балласт и использовать возникшую в результате движущуюся силу, дабы убраться подальше.

Дворецки, конечно, понятия не имел о таких биологических особенностях пленника. Он просто почувствовал, как взлетает спиной вперед высоко в воздух, сжимая в объятиях реактивного гнома.

«Неужели опять?!» — подумал он. Вероятно, Дворецки был единственным человеком, кому в подобной ситуации в голову могла прийти такая мысль.

Он посмотрел вниз. Сестра быстро уменьшалась в размерах, но еще можно было разглядеть пятнышко разинутого от изумления рта. А Джульетте померещилось, будто, подравшись с одетым в блестящий костюм гномом, ее брат вдруг научился летать.

«Переживать из-за того, что Джульетта переживает за меня, буду потом, — решил Дворецки, стараясь не думать о сверкающей пузырящейся струе, поднимающей их в небо все бли-

же к летательному аппарату, куда они были привязаны.— Берегитесь все, кто под нами».

Когда Дворецки надел шлем Плута, у него обнаружили проблемы более насущные, нежели Джульеттино беспокойство. Они с огромной скоростью мчались к автожиру, никак не контролируя полет. Плута хватало только орать что-то о своем мозге, поэтому спасти обоих мог только Дворецки. Проблема заключалась не в высоте. Они взлетели не настолько высоко, чтобы пострадать в результате падения, особенно учитывая мягкий водяной матрас внизу. Проблема заключалась в винте автожира, который нарежет их тонкими ломтиками, а потом летательный аппарат взорвется и оные ломтики поджарит. Двигатель работал практически бесшумно, но пара тел, пройдя сквозь винт, неизбежно выведет глушители из строя.

«Мой последний поступок на земле раскроет существование волшебного народца, а я не могу это предотвратить».

Они со свистом неслись вверх спиной вперед, ветер трепал их одежду, охлаждал кожу. Выпученные глаза гнома закатились, кожа на щеках повисла складками.

«Совсем недавно щечки были пухлыми, это точно».

До вращающихся лопастей оставалось всего несколько метров, когда они, взлетев над автожиром, зависли на наносекунду в воздухе и у Плути наконец иссякли запасы топлива в нижнем тоннеле.

— Давно пора! — прорычал Дворецки.

И они полетели вниз, прямо на лопасти винта.

«И все же, — подумал Дворецки, — я погибну, спасая сестру от кровожадного гнома. Могло быть и хуже».

В самый последний момент винт повернулся на девяносто градусов, автожир накренился и поймал Дворецки и Плути в люк с подветренной стороны.

Гигант едва успел поблагодарить звезды за чудесное спасение, как понял, что угодил из огня да в полымя.

Судя по всему, между входящими в банду гномами возникла серьезная ссора. На полу пассажирского отсека валялись бесчувственные тела, а три оставшихся бойца продолжали драться, двое против одного. У этого одного из носа текла кровь и на плече красовалась закопченная звезда, там, где его поместили выстрелом из «нейтрино», но он и не думал сдаваться.

— Ты как раз вовремя,— вполголоса заметил он телохранителю.— Эти парни очень недовольны, что я едва не кувырнул их леталку.

— Могила, предатель! — завопил один из гномов.

— Могила?! — Дворецки ухитрился совместить стон с вопросом.

— Да,— отозвался старый друг Дворецки Мульч Рытвинг.— Взял новое имя на выходе. Кстати, тебе повезло, что я вышел.

Стабилизаторы выравнивали автожир, и Дворецки, воспользовавшись мгновением относительного спокойствия, оторвал от себя Плута и выбросил его через дверь отсека.

— А, Плут...— сказал Мульч.— Редко встретишь существо с таким подходящим именем.

Дворецки не слушал его. Если и бывает время слушать болтовню Мульча, то оно еще не настало. Он повернулся к оставшимся вражеским гномам.

— Вы, двое.— Он скорчил самую свирепую рожу, некогда заставившую тролля усомниться, а не откусил ли он больше, чем способен прожевать.

Парочка сжалась от страха под взглядом Дворецки и стала судорожно прикидывать, каков может оказаться приказ великана.

Дворецки указал большим пальцем на дверь отсека.

— Прыгайте,— просто сказал он.

Гномы переглянулись, и взгляды их были красноречивее всяких слов.

«Или выпрыгнуть под палящие лучи солнца,— думали гномы,— или остаться здесь и сражаться с этим ужасным человеком-горой».

Они взялись за руки и прыгнули.

Всего несколько мгновений понадобилось Мульчу на то, чтобы взять управление автожиром на себя и подобрать Джульетту.

— Привет, Нефритовая Принцесса! — крикнул он с места пилота.— Как успехи на ринге? Кстати, теперь у меня тоже есть второе «я». Меня называют Могилой. Как тебе?

— Мне нравится,— сказала Джульетта и поцеловала Мульча в щеку.— Спасибо, что спас нас.

Мульч улыбнулся.

— По телевизору не показывали ничего интересного. За исключением платных каналов, а я из принципа отказываюсь платить за программы. Есть, правда, передача одного похабного шеф-повара. Мне он нравится, особенно его шедевр из индюшачьих гребешков и пары стручков фасоли.

Вновь обретенные воспоминания подсказали Джульетте, что Мульч одержим едой.

— Значит, ты случайно оказался в баре, когда этим ребятам передали заказ? — недоверчиво произнес Дворецки, сбрасывая сухие пайки выбравшимся на берег гномам.

Мульч потянул на себя штурвал, дабы побыстрее скрыться в облаках.

— Да. Это судьба, друзья мои. Ради вашего спасения я пошел против своих. Надеюсь, вы по достоинству оцените мой поступок. Вернее, надеюсь, его по достоинству оценит ваш богатый хозяин.

Дворецки закрыл дверь, и шум ветра стих.

— А по-моему, основную работу выполнил я.

— Только сорвал мой план, — огрызнулся гном. — Они бы оглушили вас обоих, подняли на борт, и вот тогда настал бы мой черед.

— Гениальный план.

— По сравнению с падением на винт автожира?

— Один — один.

Повисла тишина, причем совершенно недосягаемая на борту человеческого летательного аппарата. Такая иногда возникает, когда небольшая группа людей задумываются о том, как

долго можно выходить из смертельно опасных ситуаций, сохраняя приемлемую дозу жизни в теле.

— Полагаю, начинается,— нарушил молчание Мульч.— В смысле, начинается очередная авантюра с целью чудом спасти мир в самый последний момент, верно?

— Ну, за сегодняшний вечер мы подверглись нападению зомбированных фанатов реслинга и невидимых гномов,— мрачно произнес Дворецки.— Выходит, ты прав.

— Куда летим? — спросил гном.— Надеюсь, не туда, где слишком солнечно. Или слишком холодно. Ненавижу снег.

Дворецки почувствовал, что улыбается, не то чтобы ласково, но и без звериного злорадства.

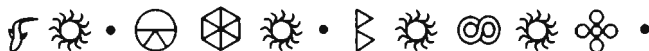
— В Исландию.

Мульч на мгновение выпустил штурвал из рук, и автожир резко клюнул носом.

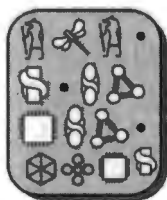
— Дворецки, если ты вздумал пошутить, то шутка не удалась.

Улыбка исчезла с лица Дворецки.

— Это не шутка.

Ватнайёкюдль, настоящее время

Такое нашептывание раздражает само по себе даже в более благоприятной обстановке, но если человек несет романтическую чепуху во время погони на головокружительной скорости, когда обладатель уха сражается с ручками управления двадцатилетней спасательной капсулы, оно не просто раздражает, а опасно отвлекает внимание.

Элфи протерла иллюминатор рукавом костюма. Только луч носового прожектора освещал недавно прорытый ход.

«Прямой,— подумала она.— По крайней мере, прямой».

— Как я люблю тебя? — задумчиво произнес Орион.— Сейчас подумаю. Люблю тебя страстно и бесконечно... конечно, бесконечно, понятно без слов.

Элфи сморгнула пот.

— Он серьезно? — спросила она, через плечо, Жеребкинса.

— Еще как.— Голос кентавра дрожал от тряски.— Если попросит осмотреть его тело на наличие родимых пятен, немедленно откажись.

— О, я не посмею,— заверил ее Орион.— Дамы не осматривают тела на предмет наличия родимых пятен, это работа для славных малых, как этот прекрасный зверь и я. Дамам, подобным госпоже Малой, достаточно просто существовать. Они источают красоту, и этого вполне довольно.

— Я ничего не источаю,— прошипела сквозь стиснутые зубы Элфи.

Орион похлопал ее по плечу.

— Позволю себе не согласиться. В данный момент вы источаете чудесную ауру. Пастельно-голубую с маленькими дельфинчиками.

Элфи стиснула штурвал.

— Сейчас меня стошнит. Он сказал «пастельно-голубую»?

— С дельфинчиками,— подтвердил Жеребкинс.— Маленькими такими.

Он обрадовался возможности отвлечься от мыслей о погоне за зондом, взорвавшим их шаттл. Погоня эта напоминала преследование мышкой кошки, гигантской кошки-мутанта с лазерными глазами и пузом, набитым маленькими злобными кошечками.

— Замолчи, прекрасный зверь. Замолчите оба.

Элфи не могла позволить себе отвлекаться, поэтому, чтобы заглушить лепет Ориона, принялась громко описывать свои действия для фиксации их в бортовом журнале капсулы.

— По-прежнему идем сквозь лед, невероятно толстый пласт. Без радара, без сонара, ориентируемся только по огням.

Сквозь иллюминатор световое шоу выглядело и жутко, и красочно. Двигатели зонда пронзали резной лед лучами, радугами мерцавшими на плоских поверхностях. Элфи могла поклясться, что заметила целое стадо вмерзших в ледник китов и, кажется, какую-то огромную морскую рептилию.

— Зонд не меняет курса, по-прежнему снижается под углом. В данный момент входим в скальные грунты без видимого падения скорости.

Все происходило именно так — возросшая плотность среды, судя по всему, никак не повлияла на лазерные резаки зонда.

Жеребкинс не удержался и самодовольно произнес:

— Я знаю, как строить корабли.

— Только не знаешь, как ими управлять,— осадила его Элфи.

— Ты рассердил принцессу! — возопил Орион, задержавшись в ремнях.— Если бы не эти проклятые путы...

— Ты давно бы умер,— закончил за него фразу Жеребкинс.

— Согласен,— сдался Орион.— Принцесса спокойна, значит, никто не пострадал, славный малый. Мне следует лучше контролировать свой рыцарский пыл. Иногда я просто рвусь в бой.

У Элфи зачесались уши. Конечно, она понимала, что это нервное, но легче не становилось.

— Мы должны исцелить Артемиса,— сказала она, жалея о недостатке отдельной руки для почесывания.— Я долго так не выдержу.

Мимо неслись стены тоннеля, отвлекая внимание причудливой смесью оттенков серого и темно-синего. Пепел, раздробленные камни и осколки породы осыпались по стенам тоннеля вниз, еще больше ограничивая поле зрения Элфи.

Она без особой надежды проверила станцию связи спасательной капсулы.

— Ничего. Связи с Гаванью нет, мы по-прежнему заблокированы. Зонд не мог нас не обнаружить. Почему он не предпринимает активных действий?

Жеребкинс чувствовал себя неудобно в предназначенных для двуногих существ ремнях.

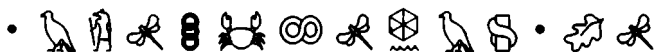
— Да, конечно. Почему нет активных действий? Обожаю активные действия.

— Я рожден для активных действий! — неожиданно громко и пронзительно завопил Орион. — Молю, пусть дракон развернется, дабы я мог сразить его наповал.

— Сразить чем? — поинтересовался Жеребкинс. — Тайным родимым пятном?

— Не смей издеваться над моим родимым пятном, которого может и не быть.

— Заткнитесь оба! — рывкнула Элфи. — Свет изменился. Что-то надвигается.

Жеребкинс прижался щекой к кормовому иллюминатору.

— Да, я так и думал.

— Что ты думал?

— Ну, мы уже идем ниже уровня моря, поэтому надвигаться на нас может только огромная часть океана. Сейчас мы выясним, насколько надежен спроектированный мною зонд.

Отражавшийся от стенок тоннеля свет вдруг потускнел и замерцал, и капсула задрожала от оглушительного грохота. Даже Орион лишился дара речи, увидев накатывающуюся на них плотную стену воды.

Элфи помнила, как ее учили: расслабить мышцы и спокойно выдержать удар, но каждая клетка ее тела норовила сжаться перед столкновением.

«Держи нос капсулы прямо,— приказала она себе.— Главное — нырнуть. На глубине спокойней».

Вода злобно стиснула их в кулаке и безжалостно затрясла капсулу, отчего обитателям последней пришлось несладко. Все непривинченное оборудование превратилось в метательные снаряды. Ящик с инструментами набил Жеребкинсу скверную шишку, а Ориону в лоб вонзилась вилка, оставив крошечную ранку.

Стараясь держать нос капсулы строго вниз, Элфи выругалась как матрос и вступила в отчаянную борьбу с обезумевшей стихией, одновременно разговаривая с капсулой, будто с необъезженным мустангом. Из корпуса вылетела заклепка и, несколько раз срикошетив от стенок, врезалась в лобовое стекло, и от места удара по поверхности паутиной расползлись блестящие трещины.

Элфи поморщилась.

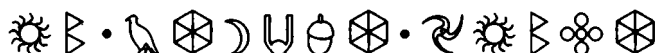
— Д'арвит. Скверно. Очень скверно.

Орион положил руку ей на плечо.

— По крайней мере, мы вместе пережили захватывающее приключение, не так ли, дева?

— Пока не пережили,— возразила Элфи, выравнивая задние закрылки и направляя капсулу сквозь водоворот в бескрайние спокойные глубины океана.

Стекло выдержало, и Элфи попыталась разглядеть сквозь него вспышки двигателей зонда в надежде определить его местонахождение. Некоторое время она не видела ничего неуместного для Атлантического океана, но потом заметила на зюйд-зюйд-весте, на глубине примерно в десять морских саженей четыре синих светящихся диска.

— Вот он! — закричала она. — Я его вижу.

— А не лучше ли направиться к ближайшему порту шаттлов? — поинтересовался Жеребкинс. — Попытаться связаться с Гаванью?

— Нет, — ответила Элфи. — Мы должны поддерживать визуальный контакт и постараться понять, куда эта штука направляется. Если потеряем, то, большое спасибо твоей невидимой руде, больше не найдем — в толще воды достаточно места, чтобы спрятаться.

— Очередная насмешка, барышня, — мрачным тоном произнес Жеребкинс. — Не думай, что я не считаю.

— И я считаю, — сказал Орион. — Артемис тоже этим занимался.

— Жаль, его нет с нами, — угрюмо произнесла Элфи. — Пусть даже с его пятерками. Он бы точно знал, как нам следует поступить.

— Попробую догадаться. Бивак? — У Ориона было такое несчастное лицо, что Элфи смилостивилась.

— Ладно. Послушай, Орион, если действительно хочешь помочь, то не спускай глаз с монитора связи. Если заметишь сигнал, немедленно сообщи мне.

— Я не подведу тебя, прекрасная дева, — поклялся Орион. — Этот экран стал для меня ча-

шей Грааля. Я прикажу, чтобы сигнал появился из его холодной души, сотканной из проводов и конденсаторов.

Жеребкинс уже хотел вмешаться и объяснить, что внутри экрана связи нет никаких проводов и конденсаторов, но, перехватив жгучий взгляд Элфи, предпочел смолчать.

— А ты,— произнесла эльфийка тоном, вполне соответствовавшим взгляду,— попытайся понять, как им удалось так ловко обмануть великого Жеребкинса, и тогда, быть может, у нас появится шанс перехватить управление этим зондом и никто не пострадает.

«Еще одна насмешка»,— подумал Жеребкинс, но поступил мудро, не сказав об этом вслух.

Они погружались все глубже и глубже в темную синеву. Зонд не отклонялся от выбранного курса, не огибал подводные скалы и, казалось, не замечал преследовавшую его крошечную капсулу.

«Он не может нас не видеть»,— подумала Элфи, выжимая из спасбота всю мощность без остатка, лишь бы не отстать.

Но зонд, даже если и обнаружил их, никак не реагировал, а просто продолжал испарывать

толщу океана с постоянной скоростью, неумолимо приближаясь к своей неведомой цели.

Элфи посетила мысль:

— Жеребкинс, у тебя же есть коммуникатор?

Кентавр обильно потел в бедной кислородом атмосфере, его голубая рубашка стала темно-синей.

— Конечно есть. Уже проверил сигнал. Ничего.

— Знаю, но какие мини-программы ты установил? Есть что-нибудь для навигации?

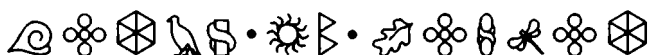
Жеребкинс достал телефон и пролистал список мини-программ.

— Есть навигационная мини-программа. Полностью автономная, никакого сигнала не требуется.

Кентавр уже понял, что нужно делать, поэтому расстегнул ремни и положил телефон на универсальный датчик панели управления. Экран телефона мгновенно спроецировался на иллюминатор.

Появился трехмерный компас. Несколько секунд он оценивал траекторию движения капсулы, по мнению Элфи полностью совпадавшей с курсом зонда.

— Итак, — сказал кентавр, — цель захвачена. Кстати, я лично разработал эту мини-про-

грамму. Получил за нее гораздо больше, чем за всю работу на полицию Нижних Уровней.

— Хватит болтать, займись делом.

Жеребкинс протащил маленькую иконку корабля по прямой линии до дна океана. В конечной точке возник красный пульсирующий кружок.

— Какой красивый кружок! — сказал Орион.

— Ненадолго, — побледнев, пробормотал Жеребкинс.

Элфи на полсекунды оторвала взгляд от зонда.

— Говори, Жеребкинс. Что там находится?

Кентавра вдруг придавило грузом ответственности. Он подавлял это чувство с момента атаки зонда... *его* зонда.

— Атлантида. О боги, Элфи, зонд летит прямо на Атлантиду.

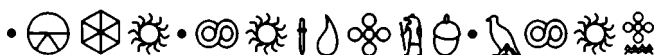
Эльфийка снова перевела взгляд на четыре световых диска.

— Он сможет пробить купол?

— По крайней мере, зонд на это не рассчитан.

Элфи дала ему несколько секунд подумать над сказанным.

— Ладно, признаю, он уже сделал много такого, на что не был рассчитан.

— Ну и?

Жеребкинс что-то посчитал на экране, причем суть расчетов сумел бы уловить только Артемис, окажись он рядом.

— Возможность существует,— сказал он наконец.— От зонда ничего не останется, но, перемещаясь с нынешней скоростью, он вполне способен расколоть купол.

Элфи выжала из двигателя еще немного скорости.

— Мы должны предупредить Атлантиду. Орион, на экране ничего не появилось?

Единственный человек в капсуле поднял взгляд от экрана.

— Совсем ничего, принцесса, но вот этот огонек мигает очень настойчиво. Это имеет какое-то значение?

Жеребкинс заглянул ему через плечо.

— Вероятно, повредили в тоннеле корпус. Утечка кислорода.

У Элфи на мгновение обмякли плечи.

— Не имеет значения. Продолжаем преследование.

Жеребкинс сжал череп ладонями, пытаясь собраться с мыслями.

— Нет. Сейчас мы должны попытаться вырваться из кольца созданных зондом помех, а для этого надо подняться на поверхность.

— А если он изменит курс?

— Значит, он не попадет в Атлантиду и никто не утонет и не окажется раздавленным толщей воды. А если он решит развернуться и повторить попытку, все будут готовы.

Все существо Элфи восставало против отступления.

— Я чувствую себя так, словно мы бросаем жителей Атлантиды на произвол судьбы!

Жеребкинс указал на экран.

— Если скорость не изменится, зонд достигнет Атлантиды через три часа. Кислород у нас кончится через пять минут. Через шесть мы потеряем сознание, через двенадцать умрем и уже никому ничем не поможем.

— У меня немного кружится голова,— сообщил Орион.— Но я чувствую чудесное воодушевление и восторг. Кажется, я вот-вот придумаю рифму к слову «апельсин».

— Кислородная недостаточность,— объяснил Жеребкинс.— А может, он всегда такой.

Элфи снизила скорость.

— Мы успеем?

Жеребкинс вывел на экран сложное уравнение.

— Если немедленно поплывем обратно. Может быть. А если тот, кто все это затеял, догадался увеличить мощность глушилки, то нет.

— «Может быть» — лучшее, на что ты способен?

Жеребкинс устало кивнул.

— Самое лучшее.

Тремя уверенными движениями Элфи развернула капсулу.

— Лучшие шансы за весь день, — сказала она.

Гонка продолжалась, но стала не совсем обычной — теперь соперники убегали друг от друга. Цель была проста: когда стало известно, куда направлялся зонд, у Элфи оставалось всего шесть минут на выведение капсулы из кольца помех. Не говоря уже о том, что иногда приятно и подышать. К счастью, зонд погружался по крутой траектории, поэтому обратный вектор бота получался таким же. Если им удастся вырваться на поверхность до истечения шести минут — идеально. Станут посылать сигнал, пока Гавань не примет сообщение. Если нет, то в спасботе не имелось ни автопилота, ни мощного передатчика, поэтому зонд окажется над сторожевыми башнями Атлантиды прежде, чем его кто-нибудь заметит, и к тому же — какая неприятность — сами преследователи умрут.

«Странно,— подумала Элфи.— Даже пульс не участился. С момента знакомства с Артеми-

сом Фаулом балансировать на грани жизни и смерти стало для меня почти привычным делом».

Она искоса посмотрела на романтика с лицом Артемиса Фаула, и тот почувствовал на себе ее взгляд.

— Пенни за ваши мысли, принцесса. Хотя они стоят гораздо больше.

— Я хотела, чтобы ты исчез,— прямо ответила Элфи,— а к нам вернулся Артемис. Он нам нужен.

Орион хмыкнул.

— Мысль оказалась не настолько ценной, как я предполагал. Почему вы хотите вернуть Артемиса? Он низко и подло относился буквально ко всем.

— Потому что Артемис смог бы вытащить нас отсюда живыми, спасти жителей Атлантиды и, возможно, выяснить, кто убил ребят из ЛеППРКОНа.

— Допустим,— надулся Орион.— Но в его сонетах нет души, а оперный театр он спроектировал исключительно ради каприза.

— Ага,— вмешался Жеребкинс.— В данный момент нам не хватает именно умения проектировать оперные театры.

— О да, мой вероломный конь,— раздраженно произнес Орион.— Умение проектировать

космические зонды пригодились бы нам в значительно большей степени.

Элфи резко врубила сирену, дабы привлечь их внимание.

— Извините, джентльмены. Все эти споры только поглощают кислород, поэтому, пожалуйста, помолчите.

— Это приказ, возлюбленная?

— Да,— угрожающим тоном прошептала Элфи.— Приказ.

— Очень хорошо. Значит, помолчим. Скорее предпочту отрезать себе язык, нежели вымолвить хоть слово. Лучше я отрублю себе голову ножом для масла, чем...

Элфи поддалась более низменному инстинкту и двинула Ориона в солнечное сплетение.

«Неправильно это,— подумала она, когда юноша, ловя ртом воздух, повис на ремнях.— Потом мне будет стыдно».

Если, конечно, это «потом» настанет.

Мощности в топливном блоке хватало, не было только воздуха в баллонах и восстановительного оборудования для извлечения углекислого газа из выдыхаемой смеси. Капсула предназначалась исключительно для краткосрочных полетов. Она не была рассчитана на выполнение боевых операций: корпус мог лоп-

позволь добавить, существ, быстро потребляющих воздух, нам не хватит минуты или двух.

— Ты же говорил, мы успеем!

— Дыра в баллоне расширяется.

Элфи треснула кулаком по приборной панели.

— Д'арвит, Жеребкинс. Почему всегда должно быть так трудно?

— Элфи, друг мой, — спокойным тоном отозвался кентавр. — Ты знаешь, что нужно сделать.

— Нет, Жеребкинс, не знаю.

— Знаешь.

Элфи, конечно, знала. В капсуле находились три тяжело дышащих живых существа. Один Жеребкинс потреблял больше кислорода, чем тролль. А управлять капсулой и передавать сообщение можно и в одиночку.

Сложный выбор, но мучительно принимать решение было некогда. Она нащупала толстый металлический цилиндр в одном из гнезд на поясе и вытащила его.

— Что это такое, прелесть моя? — спросил Орион, едва оправившийся от удара под дых.

— Орион, ради меня ты готов на все? — ответила вопросом на вопрос Элфи.

Юноша просиял.

— Конечно. Абсолютно на все.

— Закрой глаза и считай до десяти.

Орион явно ожидал большего.

— Что? Никаких заданий? Я даже не должен сразить дракона?

— Если любишь меня, закрой глаза.

Орион немедленно подчинился, и Элфи тут же ткнула его в шею аккумуляторным шокером. Оглушенный электрическим током юноша повис на ремнях, из двух ожогов на шее поднимались тонкие струйки дыма.

— Ловко у тебя получилось,— несколько нервным тоном произнес Жеребкинс.— Если не возражаешь, меня только не в шею.

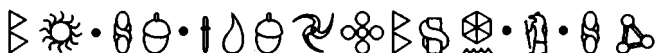
Элфи проверила шокер.

— Не волнуйся, у меня оставался только один заряд.

Жеребкинс не сдержал вздох облегчения, потом бросил виноватый взгляд на Ориона, понимая, кому на самом деле полагалось лишиться сознания, и тут Элфи поразила его в бок вторым зарядом.

Бедняга не успел даже подумать: «Коварная эльфийка»,— прежде чем свалиться в углу.

— Простите, ребята,— сказала Элфи и тут же мысленно поклялась не произносить больше ни слова, пока не настанет время передавать сообщение.

Капсула неслась к поверхности, рассекая носом воду. Сейчас она проплывала над бескрайним подводным каньоном, где развилась собственная экосистема, полностью лишенная человеческого вмешательства. Элфи видела огромных извивающихся угрей, способных раздавить автобус, странных крабов со светящимися панцирями, а еще заметила какое-то двуногое существо, юркнувшее в расщелину прежде, чем она успела его рассмотреть.

Эльфийка выбрала наиболее прямой курс через каньон, потом нашла каменный тоннель, который вывел ее в открытое море.

Экран связного устройства по-прежнему молчал. Сплошная блокировка. Нужно было уходить дальше.

«Вот где колдун, когда он нужен? — подумала Элфи. — Номер Первый, окажись он рядом, своими рунами превратил бы углекислый газ в кислород».

В воде за иллюминатором мелькали рыбы и пузырьки, и... неужели показался луч света с поверхности? Неужели капсула поднялась до зоны проникновения света?

Элфи еще раз проверила связь. Снова шум помех, но и какое-то щебетание.

«Отлично,— подумала она, но мысли путались в голове.— А может, показалось?»

«Нет, ты действительно это услышала,— сказал потерявший сознание Жеребкинс.— Кстати, я рассказывал тебе о моих детях?»

Кислородная недостаточность. Вот и все.

«Почему ты выстрелила в меня, прелесть моя? — спрашивал пораженный током Орион.— Я тебя рассердил?»

Поздно. Слишком поздно.

Элфи затрясло. Она наполняла легкие воздухом, но в нем было слишком много углекислого газа. Стены капсулы вдруг прогнулись внутрь, грозя раздавить ее.

— Этого не может быть,— прохрипела она, нарушив обет молчания.

Она снова проверила связь. Какие-то сигналы присутствовали. Сквозь помехи определенно пробивались слова.

Достаточно для передачи?

Имелся только один способ это выяснить.

Элфи пролистала опции на экране приборной панели, выделила значок «ПЕРЕДАЧА» — и получила в ответ сообщение, что внешней антенны нет. Компьютер посоветовал проверить соединение. Элфи, прижавшись лицом к ил-

люминатору правого борта, разглядела пустой провал на месте приборов — видимо, весь узел антенны вырвало из корпуса каким-то ударом.

«Почему это ржавое ведро, достойное каменного века, не оборудовано внутренней антенной? Даже у самых примитивных телефонов есть внутренние антенны».

Телефоны! Ну конечно!

Элфи шлепком ладони расстегнула замок страховочных ремней и рухнула на колени. Затем поползла по палубе к Жеребкинсу.

«Ну и вонь же здесь внизу. Затхлый воздух».

На секунду на одном из поручней выросла змеинная голова и злобно на нее зашипела.

«Твое время истекает,— словно говорила она.— Шансы ничтожны, капитан Малой».

«Не слушай змею,— произнес, не шевеля губами, Жеребкинс.— Она озлобилась, потому что ее душа застряла в поручне из-за какого-то происшествия в прошлой жизни».

«Я по-прежнему люблю тебя»,— сказал спящий Орион, дыша медленно и ровно, почти не поглощая кислорода.

«На этот раз я действительно схожу с ума»,— подумала Элфи.

Элфи перелезла через круп Жеребкинса и достала у него из нагрудного кармана телефон.

Кентавр никуда без него не отправлялся и особенно гордился исключительной громоздкостью прибора.

«Обожаю этот телефон,— говорил Жеребкин.— Больше сотни мини-программ. Все моей собственной разработки. Одну я назвал “Потомство”. Скажем, ты нашла, как тебе кажется, любовь всей твоей жизни, и тебе достаточно просто сфотографироваться с любимым, после чего “Потомство” покажет, как будут выглядеть ваши потенциальные дети».

«Обалдеть. Надеюсь, когда-нибудь мы поговорим об этом по-настоящему».

Телефон работал, поэтому вводить пароль не требовалось, хотя Элфи, неплохо зная Жеребкинса, подозревала, что тот загадал какой-нибудь вариант собственного имени. Экран представлял собой безумную смесь мини-программ, вероятно, даже осмысленную — для кентавра.

«Проблема со всеми этими приложениями заключается в том, что иногда тебе нужно просто кому-то позвонить, причем быстро. Где иконка телефона?»

И вдруг иконки принялись махать ей.

— Выбери меня! — кричали они хором.— Вот здесь.

«Это не галлюцинация,— с гордостью заявил пребывающий в отключке Жеребкинс.— Эти ребятки анимированные».

— Телефон! — крикнула Элфи в микрофон коммуникатора, уповая на наличие голосового управления.

И с облегчением увидела, как размытый старомодный конический значок телефона расширился и занял весь экран.

«Он не размытый. Это у меня перед глазами все плывет».

— Позвонить в Полис-Плаза,— приказала она иконке.

Телефон затикал и через несколько секунд спросил:

— Вы хотите позвонить в Полосу Газа?

— Нет. В Полис-Плаза.

Проносющаяся мимо вода определенно поголубела, в ней прибавилось пузырьков и искаженных лучей света.

— Вы хотите позвонить в Полис-Плаза?

— Да,— задыхаясь, сказала Элфи.— Хочу.

Капсулу затрясло, когда она вошла в беспокойные воды ближе к поверхности и ее начали раскачивать волны.

— Соединяю с Полис-Плаза.

Телефон тихо загудел, устанавливая соединение, затем произнес комически печальным голосом:

— Ай-яй-яй. У вас недостаточно сильный сигнал. Желаете, чтобы я записал сообщение и передал его, когда сигнал станет достаточно сильным?

— Да,— прохрипела Элфи.

— Вы сказали «ха»? Если так, то в данной ситуации ответ неверный.

Элфи собрала последние силы.

— Да. Я хочу оставить сообщение.

— Отлично! — восторженно отозвался телефон.— Начинаю запись после сигнала, не забудьте, что вежливость бесценна, поэтому всегда вначале представляйтесь, а в конце прощайтесь.

«Прощайтесь,— подумала Элфи.— Смешно».

Она записала краткое сообщение с минимальным, насколько получилось, количеством покашливаний и запинок, назвалась и описала надвигающуюся на Атлантиду угрозу. Едва успев закончить, Элфи упала на спину и слабо забилась на палубе, словно выброшенная на берег рыба. Перед глазами появились пятна, они

становились все больше, превращались в бледные круги, сливались друг с другом и мешали ей видеть.

Она не заметила, как цвет воды за иллюминатором изменился с синего на зеленый, а потом — на перламутрово-белый оттенок северного неба.

Она не слышала, как, щелкнув, открылись клапаны сброса давления, не чувствовала, как хлынул в кабину холодный воздух, и тем более не знала, что через пятнадцать минут после всплытия капсулы ее сообщение наконец было передано в Полис-Плаза и там почти незамедлительно приняли меры.

Меры приняли бы совсем незамедлительно, не вообрази сидевший на коммутаторе спрайт, некто Цып Треплоу, будто это сообщение — шутка его партнера по покеру Круза, решившего поиздеваться над его гнусавым голосом. Цып передал сообщение командиру Трубе Келпу, только когда до него дошло, какие последствия для его карьеры может иметь игнорирование сообщения, способного спасти Атлантиду.

Труба Келп срочно организовал видеоконференцию с Советом и тут же получил разрешение на эвакуацию.

«Пучина», Атлантида, настоящее время

Финт Крут занимался тем, что делал вид, будто занят работой над моделью «Ностремиуса», дабы выглядеть еще безобиднее, когда за ним придут, а это, по его твердому убеждению, должно было случиться очень скоро.

«Притворяться занятым гораздо труднее, чем действительно заниматься делом», — вдруг понял Финт и обрадовался, поскольку это было еще одно из его остроумных высказываний, на которые, как он считал, обязательно обратят внимание его биографы. Но в данный момент остроумию придется подождать, сейчас главное — план. Все равноблистательные, остроумные высказывания не приносят особенного удовольствия, пока единственным слушателем остается Дубец. Леоноре так нравились меткие замечания Финта, что она записывала их в свой дневник.

Взгляд Финта стал мечтательным, руки застыли в воздухе, когда он вспомнил первое лето, проведенное вместе с ней на том прекрасном острове в Тихом океане. Она — похожая на мальчика, в жилете и бриджах, и он — красивый и щеголеватый в парадной форме полиции Нижних Уровней.

— У нас ничего не получится, капитан. Что может быть между нами? Я — человек, а ты — определенно нет.

Он молниеносно сжал ее ладони в своих и произнес:

— Любовь способна разрушить любые барьеры. Любовь и магия.

Именно тогда он заставил ее полюбить себя. Леонора подпрыгнула, но руки не убрала.

— Я почувствовала искру, Финт, — сказала она.

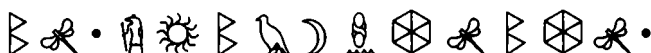
— Я тоже почувствовал, — отшутился он и объяснил: — Статическое электричество. Такое часто со мной случается.

Леонора поверила и без памяти влюбилась в своего капитана.

«Она все равно полюбила бы меня, — раздраженно подумал Финт. — Я просто ускорил процесс».

Но сердцем он понимал, что усилил чувства Леоноры магией, а теперь, когда она находилась в возрасте далеко за пределами естественного, власть его над ней начала ослабевать.

«Любила бы она меня без магии так же сильно, как я люблю ее?» — тысячу раз на дню задавался он вопросом и понимал, что слишком боится узнать правду.

Дубца погубила склонность к нытью. Шли месяцы, он постепенно терял осторожность в беседах с Финтом Крутом и наконец выложил ему все о своем понижении в должности из-за побега Мульча Рытвинга. Кроме того, он горько сетовал по поводу наложенного на него взыскания и страстно желал каким-нибудь образом отомстить полиции Нижних Уровней.

Финт увидел в этом свой шанс — первый со дня ареста шанс совершить побег. И разработал план вербовки Дубца.

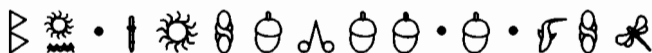
Первым этапом стало проявление симпатии к водяному, хотя, будь на то его воля, Финт не задумываясь смыл бы Дубца через воздушный шлюз за его поведение во время происшествий с Рытвингом.

«Мне так нравится разговаривать с тобой,— сказал он как-то.— Жаль, нет возможности беседовать более свободно».

Дубец немедленно заткнулся, вспомнив, что каждое произнесенное ими слово записывается.

В следующий раз Дубец вошел в камеру, самодовольно вздернув рыбую голову, и Финт почувствовал, что его план непременно удастся.

«Я отключил твой микрофон,— сказал водяной.— Теперь мы можем говорить, о чем захотим».

И Финт понял: надзиратель у него в руках. Теперь лишь капелька магии — и Дубец станет рабом Крута.

Вот только никакой магии у Финта не осталось. Это была окончательная цена, которую платили все преступники, — потеря магии, навсегда. Не существовало способов уклониться от расплаты, хотя многие беглые преступники в течение многих веков пытались это сделать. Они покупали зелья, твердили заклинания, пели хором при свете луны, спали, стоя на голове, купались в кентавровом навозе — ничего не помогало. Стоило нарушить правила волшебного народца, и ты лишался магических сил. Отчасти такое наказание имело психологическую основу, но в целом являлось результатом древних чар колдунов, и сменяющие друг друга правительства вовсе не собирались их развеивать.

Лишение основных прав представителя волшебного народца всегда раздражало Финта, и он, скрываясь в течение многих лет от правосудия, истратил целое состояние на знахарей и шарлатанов, каждый из которых уверял, что магические силы буквально переполняют его, стоит ему принять это зелье или произнести заклинание задом наперед во мраке ночи, держа

в руке рассерженную лягушку. Ничего не получалось. Ничего, пока ему не посчастливилось повстречать в городе Хошимине ссыльную сильфиду, которой каким-то образом удалось сохранить искорку магии, едва достаточную для удаления свежей бородавки. За огромную плату, хотя Финт с готовностью повысил бы ее в миллион раз, она открыла ему свой секрет: «Корень мандрагоры и рисовое вино. Конечно, они не вернут ненаглядную магию полностью, капитан, но каждый раз, стоит тебе принять это зелье, у тебя будет появляться искорка. Одна горячая искорка, не более того. Используй этот трюк с умом, капитан, иначе искорки не окажется, когда она будет нужна тебе больше всего...»

Вот такая мудрость из уст сильфиды-алкоголички.

Он применял этот метод в прошлом, но не после ареста. Пока не настал нужный момент. Тогда, на свой день рождения, Финт заказал ужин из иглобрюха с гарниром из ягод фо-фо и стружек мандрагоры, графин рисового вина и искусственный кофе. Заказ сопровождался информацией о месте нахождения знаменитой шайки контрабандистов оружия, украсившей

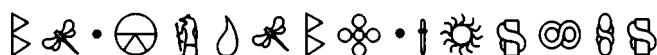

шляпу начальника тюрьмы очередным, весьма изысканным пером. Тарпон Винияйа согласился удовлетворить просьбу. Когда Дубец принес ужин, Финт предложил ему остаться и поговорить. Пока они беседовали, Финтковырялся вилкой в еду, выбирая только стружки мандрагоры и запивая их вином, а попутно исподволь закреплял отношение Дубца к полиции Нижних Уровней.

«Да, мой дорогой Дубец, все они бесчувственные хамы. Сам посуди, что ты мог сделать? Этот бандит Рытвинг не оставил тебе иного выхода, кроме бегства».

А когда наступил нужный момент, когда Финт почувствовал глубоко внутри искорку магии, он положил руку Дубцу на плечо и легонько коснулся мизинцем голой шеи водяного эльфа.

Обычно прикосновение к шее не являлось чем-то особенным. Из-за прикосновений к шее редко разгорались войны, но это прикосновение таило в себе злой умысел. Ибо на подушечке пальца Финт собственной кровью начертил чернокнижную руну порабощения. Финт искренне верил в руны. В идеальном случае для обеспечения максимальной эффективности

подлежащее околдовыванию лицо следовало распять на гранитном постаменте, облить маслом, вываренным из слез единорога, и покрыть с головы до ног татуировками, после чего подвергнуть прямому воздействию магии, но иногда приходится довольствоваться подручными средствами и надеяться на лучшее.

Итак, Финт коснулся мизинцем шеи Дубца и передал ему единственную искорку магии.

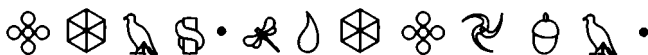
Дубец хлопнул себя по шее, будто его кто-то укусил.

— Ой! Что это было? Финт, я почувствовал искорку.

Финт быстро убрал руку.

— Статическое электричество. Такое часто со мной случается. Мать меня даже поцеловать боялась. Выпей вина, мастер Дубец, оно приглушит боль.

Дубец с жадностью посмотрел на графин. Вообще-то алкогольные напитки употреблять в тюрьме не разрешалось, поскольку при длительном употреблении они приводили к атрофии магических рецепторов. Но некоторые подземные жители, как и живущие на поверхности люди, не могли сопротивляться тому, что наносило им вред.

— Невозможно отказаться,— сказал Дубец, взяв протянутую чашку.

«Да,— подумал Финт.— Теперь ты никогда не сможешь мне отказать».

Финт не сомневался в успехе. Получалось же раньше и с более волевыми существами, чем Дубец.

Итак, Дубец обнаружил, что не может ни в чем отказать Финту Круту. Все началось с простых и безобидных просьб: принести еще одно одеяло, какой-нибудь материал для чтения, не входящий в тюремную библиотеку. Но очень скоро надзиратель оказался безнадежно впутан в планы побега Финта и, самое главное, совсем против того не возражал. Ему это стало казаться самым разумным поступком.

На протяжении следующих четырех лет Дубец постепенно превращался из тюремщика в соучастника. Он установил связь с заключенными, сохранившими верность Финту, и подготовил их к предстоящему великому побегу. Совершил несколько налетов на тогдашние «Лаборатории Кобой» и, используя свой код секретности, получил доступ к сенсорной перерабатывающей установке, где среди всего

прочего разыскал микросхему радиошифратора, но неизмеримо ценнее оказался блок управления орбитой направленного к Марсу зонда. В глубине души Дубец понимал, что в скором времени кто-нибудь узнает об этих кражах, но не мог заставить себя беспокоиться об этом.

Почти все его находки в лабораториях оказывались либо совершенно бесполезными, либо не поддающимися ремонту, но блок управления орбитой нуждался лишь в незначительной очистке и установке нового универсального датчика — манипуляции настолько простые, что Финт разрешил Дубцу выполнить их дома, естественно, под ненавязчивым контролем через веб-камеру.

Когда оригинальный блок управления орбитой оказался в его распоряжении, Финту осталось просто синхронизировать его с направленным к Марсу зондом перед самым стартом последнего и приступить к нелегкому труду по изменению параметров полета. Выполнить данную задачу он мог только после действительного выхода зонда на орбиту Земли, но с ходу придумал дюжину ситуаций, при которых вышедший из-под контроля космический корабль может оказаться полезен. Вот только не на Марсе.

«Марс? О нет, нет, Леонора. Он слишком далеко для меня. Подождем, пока зонд запустят, а потом развернем эту громадину».

Первоначальная идея применения зонда была сама простота: по возвращении с Марса использовать его как очень большой и очень громкий отвлекающий маневр. Но сообщения Леоноры становились все более немногословными и какими-то холодными, и Финт понял, что должен ускорить события и усовершенствовать план действий. Бежать жизненно необходимо, но еще важнее укрепить власть над Леонорой, прежде чем полностью восстановится ее человеческая природа. Старение теперь происходило настолько быстро, что для обращения процесса вспять ему потребуется очень специфическая магия. А получить ее можно только в одном месте. Будь Джулиус жив, Финт беспокоился бы, не раскроет ли братец его обман, но даже после смерти младшенького следовало иметь в виду, что противостоит ему вся полиция Нижних Уровней. Надо вывести ее из строя, отрубить змее голову, а возможно, и хвост.

Поэтому Финт начал контролировать переговоры начальника тюрьмы Винияйа, используя украденный для него Дубцом пароль. Осо-

бенно его интересовали звонки сестры начальника — командующего Легиона подземной полиции Рэйн Винияйа.

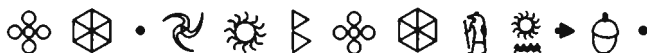
«Голова змеи».

Убить командующего Винияйа оказалось совсем не просто, особенно если из оружия имелся тупой космический корабль, а сама эльфийка неохотно поднималась на поверхность, где была наиболее уязвима.

И только месяц назад она связалась с братом по видео и небрежным тоном, какой не позволяла услышать никому другому, сообщила ему о своем намерении посетить Исландию, чтобы встретиться с молодым вершком Артемисом Фаулом. По-видимому, этот недоросль собирался спасти мир.

«Пресловутый Артемис Фаул, командующий Винияйа и Элфи Малой в одном месте. Идеально».

Финт включил блок управления орбитой и ввел в бортовой компьютер направленного к Марсу зонда абсолютно новый набор параметров. Новые данные не вызвали у корабля ни малейших подозрений, ведь они были получены с его собственного блока управления. Суть новой задачи сводилась к следующему: возвращайся на Землю и раздави командующего и как можно больше солдат из элитного

подразделения. Раздави, сожги, а пепел поджарь электрическим разрядом.

Веселье, да и только!

Не следовало забывать и об Артемисе Фауле. Финт был наслышан об этом мальчишке, и, судя по всему, вершок значительно превосходил сообразительностью остальных людей. Лучше было бы узнать о нем побольше на случай, если у мальчишки имеется собственный коварный план. Крут, используя код доступа начальника тюрьмы, начал просматривать записи, сделанные более чем двумястами камерами наблюдения, установленными в особняке Фаулов, и, к своей немалой радости, обнаружил у Артемиса Фаула первые признаки синдрома Атлантиды.

«“Атлантида” — ключевое слово для всей операции», — подумал он.

В неменьшей степени беспокоил Финта огромный телохранитель вершка, ибо казался ему человеком, который непременно выследит убийцу хозяина и расправится с ним.

«Знаменитый Дворецки. Человек, одолевший тролля».

К счастью, Артемис сам вывел гиганта из игры: у него обострилась паранойя и он выдумал повод услатить телохранителя в Мексику.

Несмотря на некоторое усложнение его планов, Финт решил немного подшутить над Дворецки, дабы избежать мести в будущем.

«Я знаю, все эти смерти тебе не по душе, Леонора,— подумал Финт, сядя за компьютер с целью передать инструкции через терминал Дубца.— Но они необходимы, чтобы мы могли воссоединиться навеки. Все эти люди прах и тлен по сравнению с нашей вечной любовью. И цена нашего счастья навсегда останется для тебя тайной. Ты будешь знать одно: мы снова вместе».

Но в душе Финт понимал, что махинации доставляют ему огромное удовольствие, и ему было почти жаль посылать приказ об убийстве. Почти, но не совсем. Гораздо большее удовольствие, чем интриги, доставит ему время, проведенное с женой, ведь он так давно не видел ее прекрасного лица.

Итак, он передал на зонд приказ о ликвидации, а сам принялся наедаться корнем мандрагоры, запивая его рисовым вином.

К счастью, чтобы загипнотизировать людей, достаточно одной крошечной искорки магии.

«Потому что они слабовольные и глупые. Но забавные, как обезьяны».

Когда Дубец пришел в камеру в последний день заключения, Финт сидел, подсунув под себя ладони, и с трудом скрывал возбуждение.

— А, мастер Дубец! — произнес он, услышав, как отворяется дверь в камеру. — Рано ты сегодня. Произошло что-то необычное, о чем мне следует знать?

Рыбье лицо Дубца на этот раз отражало больше эмоций, чем обычно.

— Погибла сестра начальника тюрьмы. Командующего Виниайа и целый шаттл с бойцами спецназа полиции Нижних Уровней разорвало в клочья. Это сделали мы?

Финт лизнул написанную кровью руну на пальце.

— Неважно — мы, не мы. Тебя это не должно волновать.

Дубец рассеянно потер шею, где до сих пор виднелся бледный контур руны.

— А меня и не волнует. Почему это должно меня волновать? Мы тут совершенно ни при чем.

— Отлично. Грандиозно. Думаю, нам предстоит зажарить более крупную рыбу.

Дубец поморщился, услышав упоминание о рыбе.

— Ой-ой, извини, мастер Дубец. Мне следует проявлять больше такта по отношению к тебе. Ладно, выкладывай все новости.

Дубец похлопал жаберными крышками, собираясь с мыслями. Капитан Крут терпеть не мог заик.

— Космический зонд направляется прямо к Атлантиде, поэтому мы вынуждены эвакуировать население города. Скорее всего, корабль не сможет разрушить купол, но Совет не хочет рисковать. Меня вызвали в качестве пилота шаттла, а вы — э... один из п-п-пассажиров.

Финт разочарованно вздохнул.

— О... п-п-пассажиров? Правда?

Дубец закатил глаза.

— Простите, капитан. Пассажиров, конечно. Один из моих пассажиров.

— Заикание — это очень непрофессионально.

— Я знаю, — сказал Дубец. — Пытаюсь избавиться. Купил одну из этих... ау... аудиокниг. Просто немного волнуюсь.

Финт решил больше не издеваться над Дубцом — этим можно будет заняться и потом, когда придет время убить водяного. Высшая мера.

— Вполне естественно, — произнес он великодушно. — Первый день возвращения в крес-

ло штурмана, кроме того, тебе предстоит перевозить исключительно опасных преступников.

Казалось, Дубец разволновался еще сильнее.

— Вот именно. Ну, все дело в том... мне не хотелось бы так поступать, Финт, но...

— Ты вынужден заковать меня в наручники,— закончил за него предложение Финт.— Конечно. Понимаю тебя.— Он протянул руки запястьями вверх.— Впрочем, тебе совсем не обязательно их застегивать.

Дубец заморгал и коснулся рукой шеи.

— Конечно. Почему я должен их застегивать? Какое варварство.

Водяной эльф приложил стандартные наручники из сверхлегкого полимера к запястьям Финта.

— Так удобно? — спросил он.

Финту пока удавалось оставаться великодушным.

— Все в порядке. Не беспокойся обо мне. Сосредоточься на шаттле.

— Спасибо, капитан. Для меня это очень важный день.

Пока Дубец отпирал дверь, Финт в который раз поразился, как легко подсознание надзирателя предавало недавние аксиомы. Водяной

риантом. В долгосрочной перспективе выходило, конечно, дороже, но ведь когда «долгий срок» истечет, ответственный пост будет занимать уже кто-нибудь другой.

Дубец провел Финта по похожему на трубу коридору с плексигласовыми стенами, сквозь которые виднелись десятки кораблей, выстроившихся в ожидании своей очереди у оборудованных пневматическими затворами турникетов. Судя по всему, никакой паники не наблюдалось. Да и с чего бы ей возникнуть? Жители Атлантиды готовились к разрушению купола уже очень давно — с самого дня прошлой аварии, произошедшей больше восьми тысяч лет назад, когда метеорит прожег в толще океана двухмильную трубу и на последних крохах энергии пробил дырку размером с мяч для хульбола в тогда еще не ударопрочном куполе. Менее чем за час весь город затопило, число жертв перевалило за пять тысяч. Больше ста лет ушло на возведение новой Атлантиды на руинах старой, и на этот раз город проектировали в первую очередь с учетом стратегии эвакуации. Согласно этой стратегии, всех взрослых жителей города и детей полагалось вывезти менее чем за час. Тренировки проводились

каждую неделю, а в детских садах дети первым делом заучивали наизусть такой стишок:

Защищает нас с тобой
Добрый купол голубой.
Если купол сделал «крак»,
Сразу будь готов к эвак.

Финт Крут вспомнил это четверостишие, идя по коридору за Дубцом.

«Крак, эвак? Что за стихи? “Эвак” даже не слово, а так, военное сокращение. Именно такой жаргон предпочитал Джулиус. А еще я рад, что моей любимой Леоноре не пришлось встретиться с моим мужиковатым братцем. В противном случае никакой магии не хватило бы убедить ее выйти за меня замуж».

В глубине души Финт прекрасно понимал: встреч Леоноры с народцем он не допускал только потому, что буквально десятиминутный разговор с любым обитателем Нижних Уровней развенчал бы в глазах жены его образ благородного революционера, на создание которого Финт положил столько сил. К счастью для себя, Крут давно научился не прислушиваться к внутреннему голосу.

Другие заключенные, тяжело волоча ноги, выходили из камер и ковыляли по узким мост-

проплывет большой, опоясанный титановыми лентами металлический куб.

— Опал Кобой,— пояснил Дубец.— Ее даже теперь из камеры не выпускают, такая она опасная.

Финт разозлился. Опал Кобой. Здесь, на дне моря, о ней судачили целыми днями. Если верить последним слухам, где-то существовала другая Опал Кобой, явившаяся из прошлого, чтобы спасти себя в настоящем. Обитателям Атлантиды жилось бы гораздо лучше, избавься они от навязчивых мыслей об этой треклятой Опал Кобой. Если кому-то и следовало беспокоиться об Опал Кобой, так это ему, Финту. В конце концов, это она убила его младшего брата. Впрочем, лучше об этом не думать — от мыслей о прошлом того и гляди язва разыграется.

Куб плыл мимо них по воздуху целую вечность, и Финт успел насчитать три двери на его грани.

«Три двери. В моей камере была только одна. Почему Кобой предоставили такую большую, с тремя дверьми?»

Неважно. Скоро он вырвется на свободу и сможет купаться в королевской роскоши.

«Мы с Леоной вернемся на остров, где состоялась наша первая, такая драматическая встреча...»

Как только перекресток освободился, Дубец повел их к причалу для шаттлов. Сквозь прозрачный пластик Финт видел, как толпы горожан быстро, но без паники идут к своим спасательным капсулам. На верхнем уровне группы более состоятельных жителей Атлантиды направлялись к личным эвакуационным шаттлам, каждый из которых, вероятно, стоил больше, чем Финт мог украсть за неделю.

«Кружевные воротники и манжеты снова в моде,— с некоторым удовольствием отметил он.— Я так и думал».

Коридор выходил на грузовой причал, на котором группы заключенных нетерпеливо ждали, когда откроются ведущие прямо в море воздушные шлюзы.

— Во всем этом нет ни малейшего смысла,— заметил Дубец.— Водяные пушки разнесут зонд на куски. Все мы вернемся сюда буквально через несколько минут.

«Не все,— подумал Финт, даже не озаботившись скрыть улыбку.— Кое-кто из нас не вернется никогда».

И тут он понял, что это действительно так. Даже если его план сорвется, он никогда не вернется сюда. Финт Крут так или иначе обретет свободу.

Дубец открыл двери шаттла своими ключами, и заключенные гуськом проследовали в салон. Как только все заняли свои места, Дубец включил защитные дуги, как на аттракционах, здесь выполнявшие функцию эффективных ограничителей свободы. Все еще закованные в кандалы заключенные оказались прижатыми к креслам. Совершенно беспомощными.

— Всех рассадил, Тупец? — спросил пикси-кроманьонец.

— Да, всех. И меня зовут Дубец!

Финт ухмыльнулся. Издевки сослуживцев весьма помогли ему переманить Дубца на свою сторону.

— Я так и сказал, Дурец. А теперь почему бы тебе не вывести это ведро отсюда на фиг, предоставив мне позаботиться о наших страшных зэках?

Дубец ошетинился.

— погоди минуту...

У Финта не оставалось времени на пробу сил.

— Превосходная мысль, мастер Дубец. Докажите, что вам не зря вернули штурманское свидетельство, а вашему коллеге позвольте надзирать за нами — страшными зэками.

Дубец коснулся пальцем шеи.

— Конечно, почему бы и нет? Я должен вывезти всех, как положено.

— Вот именно. Вы же понимаете, насколько это разумно.

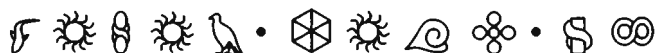
— Давай, Пупец, — оскалился огромный надзиратель, на переделанном нагрудном жетоне у него значилось «К-МАКС». — Делай, как говорит зэк.

Дубец сел за пульт управления и быстро произвел предпусковые проверки, тихонько насвистывая сквозь жабры, лишь бы не слышать насмешек К-Макса.

«К-Макс еще не знает, как он попал», — подумал Финт, получая от этой мысли огромное наслаждение. Он чувствовал себя обладателем безграничной власти.

— Прошу прощения... господин К-Макс, если не ошибаюсь?

К-Макс прищурился и смерил дерзкого заключенного грозным взглядом. То есть это надзиратель полагал, что смотрит грозно, а на са-

мом деле он выглядел как близорукий водяной, страдающий от запора.

— Не ошибся, зэк. Король максимальной безопасности.

— О, понимаю. Кличка. Как романтично.

К-Макс помахал электрошоковой дубинкой.

— Никакой романтики. Можешь спросить у моих трех бывших жен. Я здесь, чтоб отравить вам жизнь,— вот и все.

— Ой! — игриво воскликнул Финт. — Простите, что заговорил с вами!

Этот короткий обмен репликами позволил Дубцу вывести шаттл из дока, а еще одному пассажиру — сориентироваться и понять: старый главарь начинает действовать. На самом деле десять из двенадцати прижатых к креслам страховочными дугами закоренелых преступников в разное время работали на Финта и в большинстве своем отнюдь не бедствовали вплоть до самого ареста. Дубец, вернув себе штурманское свидетельство, устроил так, чтобы все они сидели рядом.

«Капитан порадует, если в критический момент рядом будут друзья», — рассуждал Дубец.

Самым важным другом был Юникс К'лякс, спрайт с прижженными шишками на месте кры-

льев, его отделял от Финта только проход из губчатой резины. Финт вытащил его из драки с троллем, и с тех пор К'лякс сделался его правой рукой. Идеальный заместитель, он всегда безотказно выполнял все приказы. Юникс не обсуждал и не устанавливал приоритеты, он бы не задумываясь умер, подавая Финту чашку кофе или воруя ядерную боеголовку.

Финт подмигнул своему подчиненному, давая понять: час пробил. Юникс никак не отреагировал, поскольку практически ко всему относился с ледяным равнодушием.

«Веселей, Юникс, старина! — хотелось крикнуть Финту.— Хаос и смерть грядут!»

Но пришлось ограничиться подмигиванием.

Дубец заметно нервничал. Шаттл двинулся вперед резким рывком и поцарапал отражатель, ткнувшись в пристань.

— Отличная работа, Тупец! — прорычал К-Макс.— Решил угробить нас раньше, чем подгребет зонд?

Дубец вздрогнул и вцепился в штурвал так, что позеленели костяшки пальцев.

— Все в порядке. Справлюсь. Никаких проблем.

Шаттл вышел из-под прикрытия массивных изогнутых панелей, отводивших от купола са-

мые сильные подводные течения, и Финт принялся наслаждаться видом удаляющейся новой Атлантиды. Городской пейзаж представлял собой мрачное нагромождение традиционных шпилей и минаретов вместе с более современными пирамидами из стекла и стали. Сотни щелевых фильтров располагались по углам гигантских пятиугольников, из которых и состоял защитный купол над Атлантидой.

«Если зонд попадет в фильтрационный блок, купол развалится, — подумал Финт. — Вы только посмотрите, они использовали для украшения волноломов детские рисунки. Как мило».

Они уходили все дальше, миновали водяные пушки, приведенные в готовность и ждущие только координат цели.

«Прощай, мой зонд! — подумал Финт. — Ты хорошо послужил, и мне будет тебя не хватать».

От города во все стороны разлетались подводные аппараты: прогулочные суда и муниципальные шаттлы, десантные корабли и тюремные транспорты — все старались добраться до десятимильной отметки, где, по заверениям самых крутых специалистов, взрывная волна уже рассеется до едва заметной ряби. Бегство могло показаться хаотичным, но отнюдь таковым не являлось. Каждому судну полагалось при-

швартоваться к определенному бую, расположенному в десятимильной зоне.

Дубец уже более уверенно управлял шаттлом и скоро подвел его по мрачным глубинам к нужной отметке и тут обнаружил, что бакен обвил гигантский кальмар и пытается пробить мигающий фонарь клювом.

Водяной развернул шаттл выхлопом к животному, и то поспешило уплыть, отчаянно оттолкнувшись щупальцами от буя. Дубец включил команду автоматической швартовки, чтобы шаттл опустился точно на магнитный причал.

К-Макс презрительно засмеялся.

— Что ж ты по родственникам-то палишь, Рыбец? Тебя перестанут приглашать на семейные торжества.

Дубец треснул кулаком по приборной панели.

— Как ты мне надоел!

— Мне тоже, — сказал Финт и небрежным движением снял электрошоковую дубинку у К-Макса с ремня. Он мог поразить огромного пикси немедленно, но хотел подождать, пока тот осознает смысл происходящего.

— Эй! — воскликнул К-Макс. — Что ты... Ты взял мою... — Тут до него наконец дошло. — На тебе нет наручников!

— Смышленный юноша.

С этими словами Финт ткнул К-Макса дубинкой в живот, пронзив тело пикси разрядом в десять тысяч вольт. Надзиратель затрясся, словно в пляске святого Витта, и осел бесформенной кучей на палубу.

— Ты убил током моего коллегу, — тупо произнес Дубец, — это должно огорчить меня, но мне это кажется в порядке вещей, даже более чем в порядке, хотя по моему голосу этого не скажешь.

Финт еще раз подмигнул Юниксу, словно говоря: «Смотри, как работает твой гениальный босс».

— Тебе ничего не должно казаться, мастер Дубец. Просто отключи дуги номер три и шесть.

— Только три и шесть? Разве ты не хочешь освободить всех своих друзей? Ты так много времени провел в одиночестве, Финт.

Дуги три и шесть резко отщелкнулись, Финт встал и с наслаждением размял ноги, словно просидел прикованным целую вечность.

— Не сейчас, мастер Дубец. Некоторые друзья могли меня забыть.

Юникс тоже освободился и немедленно принялся снимать с К-Макса ботинки и ремень. Он скинул верхнюю часть робы и опустил ее до

пояса, чтобы испещренные шрамами шишки на месте крыльев обдувал свежий воздух.

Финт ощутил легкое беспокойство. Юникс всегда его тревожил, поскольку, несмотря на беспредельную верность до гроба, был не просто странным, а запредельно странным. Он давно мог нанять пластического хирурга и срезать эти шишки, но предпочитал носить их, словно боевые награды.

«Если замечу хотя бы малейшие признаки измены, придется убить его, как собаку. Без колебаний».

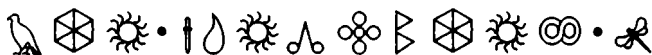
— Юникс, все в порядке?

Бледный спрайт отрывисто кивнул и продолжил обыскивать К-Макса.

— Очень хорошо. — Финт вышел на середину, чтобы произнести свою коронную речь. — Господа, мы находимся на пороге события, каковое в прессе, как правило, называется дерзким побегом из тюрьмы. Некоторые из нас выживут, некоторые, к сожалению, нет. Могу только порадовать, что выбирать предстоит вам.

— Я выбираю остаться в живых, — сказал Кол Чугга — угрюмый гоблин со следами укусов на черепе и мускулами до самых ушей.

— Не так быстро, Чугга. Следует продемонстрировать веру.

— Можешь рассчитывать на меня, капитан.

Эти слова произнес Бобб Лохби — гном, скованный не только кандалами, но и кольцом на челюстях. Он по приказу Финта принимал участие во многих схватках, включая и самую роковую, на Терн Мор, в результате которой Джулиус Крут и Элфи Малой наконец арестовали Финта.

Финт щелкнул по кольцу Бобба, и оно зазвенело.

— Могу, мастер Лохби, или ты ослабел за долгие годы, проведенные в тюрьме? У тебя остались смелость и сообразительность?

— Сними кольцо — и узнаешь. Я проглочу этого надзирателя целиком.

— Какого надзирателя? — спросил Дубец, почувствовав беспокойство, несмотря на пульсирующую на шее руну рабства.

— Не тебя, Дубец, — успокоил его Финт. — Мастер Лохби имел в виду не тебя, не так ли, мастер Лохби?

— На самом деле как раз его.

Финт сложил пальцы пирамидкой и поднял ее к самому лицу.

— Какая неприятность. Возник конфликт интересов, мастер Дубец. Ты оказал мне огромную услугу, но Бобб Лохби хочет тебя съесть, а это может оказаться забавно, кроме того, он

становится раздражительным, если его не покормить.

Дубец хотел испытать ужас, сделать нечто радикальное, но руна на шее запрещала любые эмоции, кроме легкого волнения.

— Прошу тебя, Финт, капитан... Я думал, мы друзья...

Финт Крут задумался на секунду.

— Ты предал собственный народ, Дубец. Разве я могу считать другом предателя?

Даже одурманенный магией, водяной уловил иронию. В конце концов, разве не Финт Крут неоднократно предавал своих поделньников, даже приносил в жертву членов преступного братства ради получения необходимых благ в камере?

— Но части для твоей модели...— слабо возразил он.— А еще компьютер... Ты назвал имена...

Финту не понравилось развитие разговора, и он, сделав два быстрых шага, ткнул беднягу дубинкой в жабры. Тот повалился на бок в кресле пилота и обмяк на ремнях, руки у него безвольно повисли, жабры мелко задрожали.

— Болтун, болтун, болтун,— веселым тоном произнес Финт.— Все эти тюремщики одинаковы. У них во всем заключенные виноваты, верно, ребята?

Юникс развернул кресло Дубца и приступил к тщательному обыску, забирая все, что могло пригодиться, даже небольшую упаковку таблеток от несварения на всякий случай.

— Варианты таковы, господа,— обратился Финт к своим невольным слушателям.— Выйти сейчас наружу вместе со мной или остаться и ждать, пока к уже имеющемуся приговору добавится обвинение в нападении на охрану.

— Прости, выйти наружу? — спросил Бобб Лохби, сдавленно хихикнув.

Финт, дьявольски обаятельный, широко улыбнулся.

— Да, ребята, именно так. Мы просто выйдем в воду.

— Я где-то слышал, будто под водой есть давление.

— Я тоже слышал,— сказал Кол Чугга, лизнув глазное яблоко.— Разве нас не раздавит?

Финт пожал плечами, наслаждаясь моментом.

— Верьте мне, ребята. Все зависит от веры. Если не верите, оставайтесь гнить здесь. Мне нужны те, кому я могу доверять, особенно учитывая мой замысел. Считайте это испытанием.

Некоторые застонали. Капитан Крут всегда питал слабость к испытаниям. Недостаточно

было считаться простым кровожадным мародером, требовалось пройти все эти испытания. Однажды он заставил банду в полном составе есть сырых червей-вонючек, дабы убедиться в готовности всех ее членов выполнить любой приказ, даже самый нелепый. В те выходные дни канализация убежища едва не лопнула от перегрузки.

Кол Чугга почесал следы от укусов на макушке.

— Вот такие варианты? Остаться здесь или выйти наружу?

— Коротко сказано, мастер Чугга. Иногда ограниченный словарный запас становится преимуществом.

— Мы можем подумать?

— Конечно. Сколько угодно, — великодушно разрешил Финт. — Но у вас не больше двух минут на шевеление извилинами.

Чугга задумался.

— У меня обычно извилины шевелятся по несколько часов, особенно если я поел сырого мяса.

Большинство подземных жителей считали мясо животных отвратительным, но в каждом анклавe существовала группа всеядных жителей.

— Всего две минуты? Ты серьезно, капитан?

— Нет.

Бобб Лохби стер бы пот со лба, сумеет он до него дотянуться.

— Слава богу.

— Теперь сто секунд. Поторопитесь, господа. Тик-так.

Юникс прекратил обыск и, не сказав ни слова, встал рядом с Финтом.

— Один уже есть. Кто еще хочет доверить свою жизнь мне?

Чугга кивнул.

— Я, наверное. Меня ты устраиваешь, капитан. Не нюхал свежего воздуха, пока не связался с тобой.

— И я согласен,— воскликнул Бобб Лохби, потрясая дугу.— Мне страшно, капитан, чего скрывать, но лучше умереть пиратом, чем вернуться в «Пучину».

Финт поднял бровь.

— И?

Голос у Лохби сел от страха.

— Что «и», капитан? Я сказал, я хочу наружу.

— И это ваша мотивация, мастер Лохби? Мне нужно нечто большее, нежели простое нежелание возвращаться в тюрьму.

Гном начал биться о страховочную дугу головой.

— Больше? Я хочу уйти с тобой, капитан. Честное слово. Клянусь. Никогда не встречал такого главаря, как ты.

— Правда? Не знаю. По-моему, ты колеблешься.

Лохби никогда не отличался особой сообразительностью, но нутром чуял: уйти с капитаном гораздо безопасней, чем остаться здесь. Финт Крут славился особой жестокостью по отношению к уликам и свидетелям. По подземным тюрьмам ходила легенда, будто однажды капитан сжег целый торговый комплекс, дабы избавиться от отпечатка большого пальца, возможно оставленного им в кабинке «Сказочной фалафели»*.

— Ничего я не колеблюсь, капитан! Умоляю, возьми меня с собой! Я ведь твой верный Лохби. Кто выстрелил в того эльфа на острове Терн Мор? Я. Старый добрый Бобб.

Финт смахнул воображаемую слезу.

— Твои жалобные мольбы тронули меня, дружище Бобб. Хорошо. Юникс, освободи господ Лохби и Чуггу.

---

* Фалафель — арабское блюдо из бобов, фасоли и пряностей.

Спрайт-калека выполнил приказ, затем растянулся на кресле Дубца и вздернул водяного в вертикальное положение.

— Перебежчик? — спросил Юникс.

Финт вздрогнул, услышав змеиный голос Юникса. Он вдруг осознал, что за все проведенное в обществе спрайта время он слышал от своего заместителя не больше сотни слов.

— Нет. Оставь его. Меня тошнит от рисового вина.

Другие заместители, вероятно, попросили бы разъяснений, но Юникса ненужные ему сведения никогда не интересовали, и даже необходимая информация вылетала у него из головы, как только исчерпывала свою полезность. Спрайт просто кивнул и отшвырнул Дубца в сторону, будто мешок с мусором.

Лохби и Чугга вскочили так резко, словно кресла подкинули их.

— Странное ощущение, — сообщил гоблин, засунув мизинец в очередной след от зубов на лысом черепе. — Мне хорошо, потому что я свободен, и немного плохо, потому что могу умереть.

— У тебя никогда не было никакого фильтра между мозгами и ртом, мастер Чугга, — простонал Финт. — Забудь. Это мне платят за то,

чтобы я думал.— Он повернулся к остальным заключенным.— Кто еще? У вас двадцать секунд.

Вверх взметнулись четыре руки, причем две принадлежали одному заключенному, который очень не хотел оставаться.

— Слишком поздно,— сказал Финт и жестом велел троем своим помощникам подойти ближе.— Еще ближе, мы должны крепко обняться.

Все, знакомые с Финтом Крутом, никогда не замечали за ним привычки обниматься. Как-то раз капитан застрелил эльфа только за предложение «дать пять», поэтому Боббу и Колу с трудом удалось скрыть изумление. Даже Юникс удивленно вскинул рваные брови.

— Смелее, джентльмены, неужели я такой страшный?

«Да! — хотел закричать Бобб.— Страшнее мамы-гномихи с поварешкой на длинной ручке».

Но вместо этого он скривил губы в некоем подобии улыбки и прижался к Финту. Потом в объятиях капитана оказались Юникс и Кол.

— Странная у нас компания,— веселым голосом сказал Финт.— Честно, Юникс, с тобой обниматься все равно что с доской. А от тебя,

мастер Лохби, очень скверно пахнет. Тебе говорили об этом?

— Много раз,— пробормотал гном.— Папа и все мои кореша.

— Слава богу, не я начал. С легкостью подтверждаю плохие новости, но терпеть не могу сообщать их первым.

Бобб Лохби едва не заплакал — почему-то эта бессмысленная болтовня приводила его в ужас.

Странный грохот прокатился по металлической обшивке шаттла. Он стремительно нарастал и скоро заполнил все замкнутое пространство. За пять секунд из ничего он стал всем.

— Две минуты истекли,— объявил Финт.— Настало время верным соратникам вырваться из темницы.

Корпус над головами обнявшихся беглецов вдруг раскалился докрасна, словно что-то снаружи пыталось его расплавить. На мониторе пульта управления замелькали аварийные сигналы.

— Ну и ну! — воскликнул Финт.— Ни с того ни с сего — полный хаос. Что бы это значило?

Часть фюзеляжа над их головами расплавилась, и раскаленному металлу полагалось бы

закапать вниз, прожигая живую плоть, но почему-то наблюдался обратный процесс. Раскалившийся уже добела большой круг исчезал капля за каплей, и вот уже натиск моря не сдерживает ничего, кроме непонятного геля.

— А нам не надо задержать дыхание? — спросил Бобб Лохби, силясь не разрыдаться.

— Честно говоря, нет никакого смысла, — ответил Финт, всегда любивший играть другими.

«Приятно знать больше остальных», — подумал он, и в этот момент студенистый шар из четырех объединившихся аморфоботов опустил в салон шаттла толстое щупальце и втянул капитана Крута и его сообщников в себя, аккуратно и быстро, как гном высасывает улитку из раковины. Только что они стояли на палубе шаттла, а в следующий миг от них осталось только пятно и эхо громкого хлюпающего звука.

— Я так рад, что нахожусь здесь, — сказал один из заключенных, никогда не работавший с Финтом.

На самом деле его приговорили к шести годам заключения за слишком качественное изготовление копий коллекционных ложек с изображениями героев комиксов.

Кроме него, никто не проронил ни слова, поскольку все вдруг осознали, какая случится катастрофа, если эта напоминающая пузырь штука исчезнет из пробоины в корпусе.

Так и произошло, но у катастрофы не осталось ни малейшего шанса случиться, ибо как только аморфобот освободил свое место в пространстве, его мгновенно занял беглый зонд, внезапно изменивший курс, чтобы воткнуться в шаттл, увлечь его глубоко на дно океана и раздавить в лепешку. Что касается пассажиров шаттла, то они просто перешли в жидкое состояние. Пройдут многие месяцы, пока останки найдут, и еще больший срок, прежде чем их опознают. Глубина кратера от удара составила пятнадцать метров, а поперечник — и того больше. Ударная волна прокатилась по дну, уничтожив всю окружающую среду и уложив с полдюжины спасательных судов друг на друга, как кирпичи.

Гигантский аморфобот быстро вынес Финта и его сообщников из зоны поражения, идеально имитируя движения гигантского кальмара, он даже выпустил щупальца из геля, сконцентрировавшие воду в плотном конусе. Внутри заполненного гелем шара царило полное спокойствие: Финт был безмятежен, Юникса по-

следние события взволновали ничуть не больше, чем все другие за его долгую жизнь. Бобба Лохби, с другой стороны, можно было бы назвать напуганным до безумия, будь его крошечный мозг способен сойти с ума. Если вызвавший аморфоботы Финт прекрасно знал, что должно произойти, то, с точки зрения Бобба, их проглотило студенистое чудовище и сейчас тащило в свое логово, дабы переваривать долгими зимними вечерами. А в голове у Кола Чугги крутилась одна и та же мысль: «Зря я украл тот леденец», скорее всего имевшая отношение к какому-то происшествию, значимому лишь для самого гоблина и для того, у кого он этот леденец стащил.

Финт запустил руку в хитросплетение электроники в животе аморфобота, извлек небольшую беспроводную маску и тут же надел. Гель позволял разговаривать, но маска существенно облегчала задачу.

— Итак, мои храбрецы,— начал он.— Теперь, когда мы официально мертвы и свободны, можно попробовать украсть самый могущественный природный ресурс полиции Нижних Уровней. Нечто воистину волшебное.

Кол наконец очнулся от мыслей о леденце. Гоблин открыл рот, чтобы заговорить, но быст-

ро понял, что хотя гель каким-то образом снабжал легкие кислородом, речь без маски поддерживал не так охотно.

Побулькав немного, гоблин решил повременить с вопросами.

— Могу догадаться, о чем ты собирался сказать, мастер Чугта, — произнес Финт. — На кой нам черт связываться с полицией? Конечно, следовало бы держаться от нее как можно дальше. — Янтарный свет внутри аморфобота отбрасывал зловещие тени на лицо капитана. — А я говорю «нет». Говорю, мы должны атаковать немедленно и украсть необходимое нам прямо у них из-под носа, а кроме того, посеять разрушение и хаос, дабы замести следы. Вы видели, на что я способен, сидя в тюремной камере, а теперь представьте, как я развернусь, имея в своем распоряжении свободу и целый мир.

Трудно было с этим спорить, особенно с учетом того, что произносивший эти слова эльф управлял гелевым роботом, от которого зависела их жизнь. К тому же никто из «верных соратников» не был уверен, что у него получится заговорить. Финт Крут умел выбирать подходящий момент.

Аморфобот юркнул за зазубренный риф, укрываясь от самой сильной ударной волны.

Обломки скалы и куски коралла, кувыркась, падали сквозь темную воду, но гель их отражал. Один любопытный кальмар подплыл слишком близко и тут же получил удар током из гелевого щупальца. Глядя на огромную подводную скалу, мелькавшую перед глазами серыми и зелеными полосами, Финт вздохнул, и из-за маски звук получился усиленным и искаженным.

«Я иду к тебе, любовь моя,— подумал он.— Скоро мы будем вместе».

Он решил не произносить эти слова вслух, потому что даже Юникс мог счесть их нарочито театральными.

Неожиданно для себя Крут понял, что совершенно счастлив и его абсолютно не беспокоит заплаченная за это счастье цена.

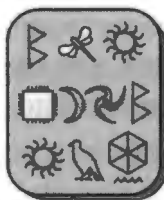

ГЛАВА 8

НАОБУМНОСТЬ

Мозг Артемиса Фаула, за несколько секунд до второго выстрела Элфи Малой

Артемис следил за происходящим и оценивал его, запертый в собственной голове, через заминированное окно в своем воображаемом кабинете. Сценарий показался ему интересным, даже захватывающим и почти отвлек от собственных проблем. Кто-то перепрограммировал посланный к Марсу зонд Жеребкинса и направил прямо на Атлантиду. Не могла быть совпадением и остановка зонда в Исландии, имевшая целью разобраться с Винияйа и ее элитным подразделением, не говоря уже о самом хитром и единственном союзнике народа — Артемисе Фауле.

«Перед нами разворачивается тщательно разработанный план, а не серия совпадений».

Не то чтобы Артемис не верил в совпадения — просто не мог проглотить целую серию.

Насколько понимал Фаул-младший, существовал главный вопрос: кому выгодно?

Кому выгодно, чтобы Винияа погибла, а Атлантида подверглась угрозе?

Винияа славилась нулевой терпимостью к преступности, и многие правонарушители пришли бы в восторг, узнав о ее смерти, но почему Атлантида?

Конечно, тюрьма! Скорее всего, все это задумала Опал Кобой, чтобы вырваться на свободу. Зонд приводит в действие план эвакуации населения, тем самым позволяя ей покинуть купол.

Опал Кобой — враг общества номер один. Пикси, поднявшая гоблинов на революцию и убившая Джулиуса Крута.

Да, это может быть только Опал...

«Вероятно, это Опал, — поправил себя Артемис. — Не делай поспешных выводов».

То, что он оказался на положении заключенного в собственном разуме, в то время как в мире разворачиваются такие бурные события, приводило его в ярость. Опытный образец стреляющей нанопластинами пушки «Ледя-

ной куб» уничтожен, но главное — на Атлантиду надвигается зонд, потенциально способный разрушить город или, по крайней мере, помочь кровожадной пикси бежать из тюрьмы.

— Выпусти меня немедленно! — закричал Артемис в окно в собственном мозгу, но мерцающие четверки тут же выстроились квадратами, и по образовавшейся решетке пробежали электрические заряды.

Артемис получил ответ.

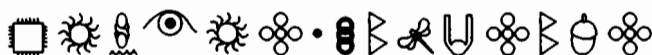
«Меня заперло здесь электричество, и оно не дает мне выйти».

Артемис прекрасно знал о существовании в мире достаточного числа заслуживающих доверия медицинских учреждений, где для лечения некоторых психических заболеваний до сих пор применялась электрошоковая терапия. Он догадался, что, когда Элфи выстрелила в него из «нейтрино», разряд усилил личность Ориона, сделав ее доминирующей.

«Жаль, второй раз Элфи в меня не выстрелит».

Элфи выстрелила в него еще раз.

Артемис представил две зазубренные вилки молнии, расколовшей воздух и заставившей экран побелеть.

«Боли я почувствовать не должен,— с надеждой подумал Артемис,— ведь в данный момент формально я нахожусь в бессознательном состоянии».

Вне зависимости от состояния, Артемису, как и Ориону, было очень больно.

«Вполне нормальное завершение дня»,— подумал он, когда под ним подогнулись виртуальные ноги.

Северная Атлантика, настоящее время

Через некоторое время Артемис очнулся от запаха паленого мяса в ноздрах. О возвращении в реальный мир ему доложили впившиеся в плечи ремни и тошнотворное покачивание на волнах. Открыв глаза, он увидел перед собой круп Жеребкинса. Кентавр судорожно дрыгал задними ногами, очевидно борясь с одолевавшими его во сне демонами. Где-то играла музыка. Знакомая музыка. Артемис закрыл глаза и подумал: «Она кажется знакомой потому, что ее сочинил я. “Песнь сирены” из незаконченной Третьей симфонии».

А почему это важно?

«Потому что я установил эту музыку в качестве мелодии вызова для матери. Она звонит мне».

Артемис не стал хлопать по карманам в поисках телефона, поскольку аппарат всегда лежал в одном месте. Он всегда просил портных вшить молнию с кожаными клапанами в правый нагрудный карман, чтобы аппарат невозможно было положить в другое место. Потому что, потеряй Артемис Фаул свой модифицированный коммуникатор, возникли бы несколько более серьезные проблемы, чем в случае утраты каким-нибудь старшекласником тач-пада последней модели. Если, конечно, телефон этого растяпы не оборудован средствами для легкого взлома любого правительственного сайта, чудесной лазерной указкой, способной прожигать металл, а кроме того, не содержит первый черновой вариант мемуаров Артемиса Фаула, где повествуется далеко не о юношеских романтических мечтах.

Пальцы у Артемиса онемели от холода, но после нескольких попыток ему удалось растегнуть молнию и достать телефон. На экране появилось слайд-шоу с изображениями матери, а крошечные динамики продолжали воспроизводить вступительные аккорды «Песни сирены».

— Телефон,— отчетливо произнес он, нажатием кнопки на корпусе включив голосовое управление.

— Да, Артемис,— ответил телефон голосом Лили Фронды, который Артемис выбрал исключительно с целью позлить Элфи.

— Принять вызов.

— Конечно, Артемис.

Через мгновение соединение установилось. Сигнал шел слабый, но это не имело значения, поскольку Артемис оснастил телефон программой автоматической компенсации, обеспечивающей девяностопятипроцентную точность воспроизведения.

— Здравствуй, матушка. Как поживаешь?

— Арти, ты меня слышишь? У меня какое-то эхо.

— У меня никакого эха нет. Очень хорошо тебя слышу.

— Артемис, не могу включить видео. Ты обещал, что мы будем видеть друг друга.

Такая возможность существовала, но Артемис отключил эту опцию, поскольку сомневался, что мать обрадуется, увидев сына растрепанным и висящим на ремнях в полуразрушенной спасательной капсуле.

«Растрепанным? Кого я обманываю? У меня вид беженца из зоны боевых действий, что недалеко от истины».

— В Исландии нет видеосети. Мне следовало заранее проверить.

— Гм,— произнесла мать, а Артемис отлично знал, что значит это междометие: мать подозревает его в чем-то, но не знает, в чем именно.— Значит, ты в Исландии?

Артемис еще раз порадовался отсутствию видеосигнала, ибо врать, глядя матери в глаза, гораздо труднее.

— Конечно, а почему ты спросила?

— Потому что GPS утверждает, будто ты находишься в северной части Атлантики.

Артемис нахмурился. Мать настояла на подключении этой функции, иначе отказывалась отпускать его одного.

— Скорее всего, какой-то сбой программы,— сказал он и быстро внес в программу глобального поиска коррективы, дабы та отметила его в Рейкьявике.— Иногда указатель расстраивается. Попробуй еще раз.

Недолгая тишина, нарушаемая лишь щелчками клавиш, потом очередное «гмм».

— Полагаю, излишне спрашивать, не затеваешь ли ты чего-нибудь. Артемис Фаул постоянно что-то затевает.

— Ты ко мне несправедлива, матушка,— возразил Артемис.— Сама знаешь, чего я пытаюсь добиться.

— Знаю. Бога ради, Арти, ты способен говорить только об этом? О Проекте?

— Это крайне важно.

— Знаю, но люди не менее важны. Как дела у Элфи?

Артемис бросил взгляд на Элфи, свернувшуюся калачиком под креслом и спокойно посапывавшую. Форма потрепанная, из уха сочится кровь.

— У нее... все в порядке. Путешествие немного утомило ее, но она полностью контролирует ситуацию. Матушка, я ею восхищаюсь, можешь мне поверить. Восхищаюсь тем, как она справляется со всеми невзгодами в жизни и никогда не сдается.

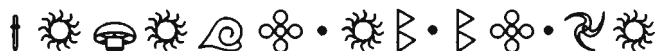
Ангелина Фаул едва не ахнула от удивления.

— Да, Артемис Фаул-второй, ты только что произнес самую длинную в жизни речь не на научную тему. Элфи Малой повезло, что у нее есть такой друг.

— Нет, не повезло,— печально отозвался Артемис.— Не повезло никому, кто знает меня. Я никому не способен помочь. Даже самому себе.

— Это неправда, Арти,— строгим тоном сказала Ангелина.— А кто спас Гавань от гоблинов?

— Многие. Полагаю, и мое участие сыграло некоторую роль.

— А кто нашел отца в Арктике, когда все сдались, посчитав его мертвым?

— Я.

— Тогда не говори, будто никому не способен помочь. Большую часть жизни ты посвятил помощи другим. Да, ты совершил несколько ошибок, но сердце у тебя доброе.

— Спасибо, матушка. Мне уже лучше.

Ангелина откашлялась немного нервно, как показалось Артемису.

— У тебя все в порядке? — спросил он.

— Да, конечно. Просто хочу тебе кое-что сказать.

Теперь занервничал Артемис.

— Что именно, матушка?

В голову полезли мысли о возможных разоблачениях. Неужели матери стало известно о некоторых сомнительных операциях? Она все знала о разных проектах с народцем, но у него имелись и связанные с людьми дела, о которых он никогда не рассказывал.

«Обычная проблема почти перевоспитавшегося преступника — никак не избавиться от чувства вины. Разоблачение всегда маячит на расстоянии одного телефонного звонка».

— Это касается твоего дня рождения.

У Артемиса облегченно поникли плечи.

— Моего дня рождения? И только-то?

— Я кое-что купила тебе, нечто... непривычное. Но буду счастлива, если ты примешь подарок.

— Если ты будешь счастлива, значит, и я буду счастлив, приняв твой подарок.

— Арти, пообещай мне, что будешь им пользоваться.

Характер Артемиса не очень-то позволял ему что-либо обещать.

— Что это?

— Пообещай мне, милый.

Артемис выглянул в иллюминатор. Он сидел в полуразрушенной спасательной капсуле посреди Атлантического океана. Они либо утонули, либо военно-морской флот какой-нибудь скандинавской страны разнесет капсулу на части, приняв за летающую тарелку.

— Хорошо, обещаю. Что ты мне приготовила?

Ангелина затаила дыхание на один удар сердца.

— Джинсы.

— Что? — прохрипел Артемис.

— И футболку.

Артемис понимал, что огорчаться не следует, особенно с учетом сложившихся обстоятельств, но не сдержался.

— Матушка, ты меня обманула.

— Я знаю, ты не признаешь повседневный стиль.

— Ты не вполне справедлива. Месяц назад на распродаже пирожных я закатал оба рукава.

— Арти, люди боятся тебя. Девушки при виде тебя приходят в ужас. Пятнадцатилетний юноша в сшитом на заказ костюме, хотя никто не умер.

Артемис сделал несколько вдохов и выдохов.

— А на футболке есть какой-нибудь рисунок?

В динамиках телефона зашуршала бумага.

— Да. Такой модный. Нарисован мальчик, почему-то без шеи и только с тремя пальцами на каждой руке, а за спиной у него в стиле граффити написано слово «НАОБУМНОСТЬ». Значения не знаю, но звучит современно.

«Наобумность», — мысленно повторил Артемис и едва не разрыдался.

— Матушка, я...

— Арти, ты обещал. Не отказывайся.

— Да, я обещал, матушка.

— И я хочу, чтобы ты называл меня мамой.

— Матушка! Твои требования необоснованны. Я — это я. Футболки и джинсы — не для меня.

Ангелина Фаул выложила козырную карту.

— Знаешь, Арти, иногда люди оказываются совсем не такими, какими себя считают.

Тут крылся не слишком тонкий намек на тот случай, когда Артемис загипнотизировал собственных родителей. Ангелина Фаул узнала об этом, когда ее тело заняла Опал Кобой и маме Артемиса стали известны все тайны народа.

— Едва ли это справедливо.

— Справедливо? Подожди, я соберу пресс-конференцию. Артемис Фаул произнес слово «справедливо».

Артемис понял, что мать еще не простила его за случай с гипнозом.

— Хорошо. Я даю согласие носить джинсы и футболку.

— Не расслышала.

— Хорошо. Я согласен носить джинсы и футболку... мама.

— Я так рада. Передай Дворецки, что на это выделяется два дня в неделю. На джинсы и «маму». Нужно привыкнуть.

«Что дальше? — гадал Артемис.— Бейсболки козырьком назад?»

— Надеюсь, Дворецки хорошо заботится о тебе?

Артемис покраснел. Снова ложь.

— Да. Видела бы ты его лицо во время встречи. Он безумно скучал от всей этой науки.

Голос Ангелины изменился, стал более теплым и эмоциональным.

— Я знаю, то, чем ты занимаешься, Арти, очень важно. Важно для всей планеты. И я верю в тебя, сынок. Поэтому храню твою тайну и позволяю тебе болтаться по всему земному шару с твоими сказочными друзьями, но ты должен поклясться, что тебе ничего не угрожает.

Артемис слышал выражение «чувствовать себя полным подонком», но только теперь понял истинное его значение.

— Я самый защищенный человек в мире, — произнес он самодовольным тоном. — Меня охраняют лучше президента. И оружие у меня совершенное.

Снова «гмм».

— Это последняя самостоятельная операция, Арти. Ты мне обещал. Сказал, что должен

спасти мир, а потом будешь проводить больше времени с близнецами.

— Я помню,— сказал Артемис, не вполне подтверждая согласие.

— Тогда увидимся завтра утром. На заре нового дня.

— Увидимся завтра утром, мама.

Ангелина повесила трубку, ее изображение исчезло с экрана телефона. Артемис пожалел, что не видит больше ее лица.

Жеребкинс вдруг перевернулся на спину.

— Только не полосатые,— пробормотал он.— Они совсем маленькие.

Потом он открыл глаза и заметил наблюдавшего за ним Артемиса.

— Я произнес это вслух?

Артемис кивнул.

— Да. Что-то о полосатых, которые совсем маленькие.

— Детские воспоминания. Я от них уже практически избавился.

Артемис протянул руку, чтобы помочь кентавру подняться.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи,— проворчал кентавр, отмахиваясь от предложенной руки, как от осы.— Сыт тобой по уши. Только

вздумай ляпнуть еще раз про «прекрасного зверя» — все зубы копытом выбью.

Артемис расстегнул пряжку на груди, освобождаясь от ремней, и снова протянул руку.

— Я сожалею о случившемся, Жеребкинс. Но теперь все в порядке. Это я, Артемис.

На этот раз кентавр согласился взять протянутую руку.

— Хвала богам. Тот, другой, действительно действовал мне на нервы.

— Не так быстро,— сказала Элфи, успевшая, оказывается, уже полностью прийти в себя.

— Тпру! — воскликнул, попятившись, Жеребкинс.— Разве, когда приходишь в сознание, не полагается стонать и тяжело дышать?

— Нет,— ответила Элфи.— Специальная подготовка по курсу «ниндзя» в полиции Нижних Уровней. И этот парень — не Артемис. Он сказал «мама». Сама слышала. Артемис Фаул никогда не говорит «мама», «мамочка», «мамуля», «мамуся». Это Орион пытается нас одурачить.

— Понимаю, как оно прозвучало,— сказал Артемис.— Но вы должны мне верить. Мать вынудила меня произнести это ласковое обращение.

Жеребкинс постучал себя пальцем по длинному подбородку.

— Вынудила? Ласковое обращение? Это Артемис.

— Спасибо, что выстрелила в меня во второй раз,— сказал Артемис, прикоснувшись к следам от ожога на шее.— Заряд на время освободил меня от четверок. Приношу извинения за чепуху, которую нес этот Орион. Понятия не имею, откуда она взялась.

— Мы поговорим об этом подробнее,— сказала Элфи, подходя к пульту управления,— но не сейчас. В первую очередь следует выяснить, есть ли связь с Гаванью.

Жеребкинс щелкнул по кнопке на экране своего телефона.

— Уже есть, капитан.

После всего пережитого за последние несколько часов возможность просто позвонить в Гавань и установить связь казалась невероятной, но произошло именно это.

Командующий Труба Келп принял вызов после первого гудка, и Жеребкинс переключился в режим видеосвязи.

— Элфи? Это ты?

— Да, командующий. Со мной Жеребкинс и Артемис Фаул.

— Я выше ценю блоху под мышкой, чем когда-нибудь оценю тебя, Фаул. Довольно об этом.

Артемис не задумываясь мог выдать с полдюжины уничтожающих ответов на это заявление, но ради общего блага предпочел оставить их при себе.

«Мне уже пятнадцать, пора вести себя повзрослому».

Элфи вмешалась в мужские препирательства.

— Командующий, Атлантида в безопасности?

— большей частью да, — ответил Труба. — Пострадало с полдюжины эвакуационных судов. Один шаттл получил прямое попадание и зарылся в дно глубже преисподней. Несколько месяцев уйдет, пока во всем разберемся.

У Элфи опустились плечи.

— Потери?

— Определенно. Не знаем, сколько именно, но много. — Взгляд Трубы потяжелел из-за свалившейся на него как на командующего ответственности. — Черный для народца день, капитан. Сначала Винияйя со своим отрядом, теперь это.

— Что именно произошло?

Труба отвел от экрана взгляд, и его пальцы заплясали над виртуальной клавиатурой.

— Один из умников Жеребкинса попытался все смоделировать. Посылаю файл тебе.

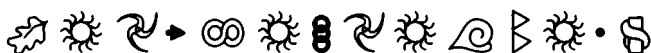
Через несколько секунд у Жеребкинса на экране телефона замигала иконка. Элфи выделила ее и выбрала простое двухмерное воспроизведение, выведя на экран контур зонда, входящего в атмосферу Земли над Исландией.

— Что-нибудь видишь, капитан?

— Да, все получила.

— Хорошо. Поясняю, как могу. Итак, посланный к Марсу зонд Жеребкинса появился чуть ниже Северного полярного круга. Мы верим вам на слово, поскольку сами не смогли его обнаружить из-за собственных технологий маскировки — экранов, руды-невидимки и так далее. Все обратилось против нас самих. Пересказывать тебе последующие события нет необходимости.

На экране зонд выпустил лазерный импульс в маленькую цель на поверхности, потом выбросил несколько ботов, чтобы расправиться с уцелевшими. Почти не замедляя хода, корабль пробил лед и направился на юго-запад, прямо к Атлантиде.

— И эта часть модели сделана без компьютерных данных. Мы опирались на твое сообщение, а также на обратную экстраполяцию наших собственных показаний.

— Ваши приборы что-то засекли? — вмешался Артемис.— С какого момента вы начали снимать показания?

— Это самое странное,— нахмурившись, сказал Труба.— Мы учли предупреждение капитана Малой и произвели сканирование. Ничего. А потом, всего через пять минут, на экранах появился зонд. Без всякого щита, как на ладони. Он даже начал излучать тепло продувочными отверстиями, лишь бы мы его заметили. Эта штука сверкала ярче Полярной звезды. А на тот случай, если мы все-таки прозеваем его, поступил анонимный звонок, и не откуда-нибудь, а из какого-то бара в Майами. У нас было достаточно времени на эвакуацию.

— Но недостаточно, чтобы перехватить зонд,— задумчиво произнес Артемис.

— Вот именно,— сказал Труба Келп. Он даже не заметил, что соглашается с отъявленным преступником Артемисом Фаулом, чего никогда бы не сделал по доброй воле.— Нам оставалось только накачать водяные пушки, очис-

тить город и ждать, когда зонд войдет в пределы досягаемости.

— А потом?

— Потом я приказал дать несколько пристрелочных залпов по траектории, прежде чем зонд войдет в радиус поражения. Мощности явно не хватало для нанесения ущерба, ведь водяные снаряды быстро рассеиваются, но, очевидно, в одном из снарядов каким-то образом сохранилось достаточно ударной силы, потому что зонд резко изменил курс и нырнул носом в морское дно, прихватив с собой шаттл.

— На том шаттле была Опал Кобой? — быстро спросил Артемис. — Это она все придумала! Просто воняет Опал.

— Нет, Фаул, если кем-нибудь и воняет, так это тобой. Все началось с твоей конференции в Исландии, а закончилось гибелью наших лучших сотрудников и эвакуацией Атлантиды.

Артемису кровь бросилась в лицо.

— Забудь о своем отношении ко мне. Опал была в шаттле?

— Нет! — рявкнул Труба, едва не порвав динамики спасательной капсулы. — Но ты был в Исландии, а теперь оказался здесь.

Элфи пришла другу на выручку.

— Артемис не имеет к этому никакого отношения, командующий.

— Возможно, но слишком много совпадений, Элфи. Я хочу, чтобы ты задержала этого вершка, пока я не пришлю за вами спасателей. Им потребуется несколько часов, поэтому заполни балластные цистерны, это уменьшит плавание. Под поверхность вас вряд ли заметят.

Элфи такой план действий совсем не понравился.

— Сэр, мы знаем, что произошло. Но Артемис прав: нам надо подумать о том, кто за этим стоит.

— Поговорим об этом в Полис-Плаза. На данный момент моя главная задача — спасение жизней, так что все очень просто. В Атлантиде еще остались жители. Все герметичные суда направлены туда. Теории вершка сможем обсудить завтра.

— А мы покамест расположимся биваком, — пробормотала Элфи.

Труба Келп был не склонен терпеть нарушения субординации. Он наклонился к камере вплотную, его лоб заполнил весь крошечный объектив.

— Ты что-то сказала, капитан?

— Тот, кто это задумал, еще не закончил.— Элфи тоже подалась ближе к камере.— Зонд — часть какого-то более крупного плана, и задерживать Артемиса в сложившейся ситуации неразумнее всего.

— Неужели? — Труба неожиданно хихикнул.— Странно, но в предыдущем сообщении ты высказалась насчет утраты Артемисом разума. Если воспроизвести дословно...

Элфи виновато покосилась на друга.

— Нет смысла приводить мои точные слова, сэр.

— Теперь «сэр»? Твоими точными словами были, цитирую исключительно потому, что это твои точные слова: «Артемис Фаул стал безумнее, чем налакавшийся морской воды тролль, больной стригущим лишаем».

Артемис бросил на Элфи полный упрека взгляд, словно говоря: «Стригущим лишаем? Правда?»

Элфи, махнув рукой, отказалась от объяснений.

— То было раньше. Потом я пару раз выстрелила в Артемиса, и он пришел в себя.

Труба усмехнулся.

— Дважды выстрелила в него. Уже лучше.

— Артемис нужен нам,— настаивала Элфи,— чтобы во всем разобраться.

— Типа как он разобрался с Джулиусом Крутом и командующим Рэйн Винияйа?

— Так нечестно, Труба.

Келп и не думал сдаваться.

— Трубой можешь меня называть в офицерском клубе в выходные. А пока я для тебя — командующий. И я приказываю тебе, нет, отдаю команду задержать человека по имени Артемис Фаул. Мы не будем заключать его под стражу, просто охота немного поболтать с ним здесь, внизу. Чего я определенно не хочу, так это действовать на основании каких-то его идей. Все ясно?

Лицо Элфи стало деревянным, голос — тупым.

— Ясно, командующий.

— Мощности капсулы хватит только на питание локатора, поэтому даже не думай пробираться к берегу. Капитан, ты выглядишь чуть бледнее смерти, следовательно, полагаю, лишней магии для маскировки у тебя не осталось.

— Бледнее смерти? Спасибо, Труб.

— Труб, капитан? Труб?!

— Я хотела сказать — Труба.

— Так-то лучше. Просто не спускай с вершка глаз, вот и все. Ясно?

Голос Элфи так сочился медом — даже медведь поверил бы.

— Мне все ясно, Труба. Капитан Элфи Малой, лучшая нянька в мире, к вашим услугам.

— Гмм,— произнес командующий тоном, до боли знакомым сыну Ангелины Фаул.

— Вот именно, гмм,— сказала Элфи.

— Рад, что мы поняли друг друга,— сказал Труба, и одно его веко дрогнуло подозрительно похоже на подмигивание.— Я, как твой командир, велю тебе сидеть на месте и не пытаться вникать в происходящее, тем более с помощью человека, тем более с помощью именно этого человека. Ты меня слышишь?

— Слышу четко и ясно, Труба,— ответила Элфи, и Артемис понял, что Труба Келп не запрещает Элфи разбираться в деле — просто пытается прикрыть свою задницу видеозаписью на случай, если действия Элфи обернутся трибуналом, как это уже не раз бывало.

— Я тоже слышу тебя четко и ясно, командующий,— сказал Артемис.— Если это имеет значение.

Труба фыркнул.

— Помнишь блоху под мышкой, Фаул? Ее точка зрения имеет для меня больше значения, чем твоя.

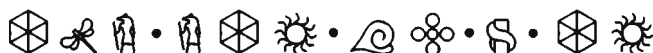
Он исчез прежде, чем Артемис успел произнести один из заранее заготовленных ответов. И в будущем, когда профессор Ж. Аргон публикует биографию Артемиса Фаула «Фаул и волшебный народец», которая мгновенно станет мегабестселлером, именно эта перепалка будет признана имеющей огромное значение, поскольку являлась одной из немногих, где последнее слово не осталось за Артемисом Фаулом II.

Элфи взвизгнула, но не слишком по-девичьи и скорее от разочарования.

— В чем дело? — спросил Жеребкинс. — Мне показалось, разговор закончился совсем неплохо. По-моему, командующий, он же твой бойфренд, дал нам зеленый свет на продолжение расследования.

Элфи развернулась и пригвоздила его взглядом разноцветных глаз.

— Во-первых, он мне не бойфренд. Я сходила разок на свидание и рассказала тебе о нем по секрету, поскольку считала тебя другом, который не станет трепаться об этом при первой же возможности.

— И вовсе не при первой. Когда мы пили тот чудесный чай, я молчал.

— Это не относится к делу! — закричала Элфи, сложив ладони рупором.

— Не волнуйся, Элфи, все останется в этой комнате,— заверил Жеребкинс, решив пока не упоминать о размещении этого слуха у себя на сайте.

— И во-вторых,— продолжила Элфи,— может, Труба и дал мне двусмысленное разрешение, но что мы можем сделать посреди Атлантики, сидя в этой бесполезной железной коробке?

Артемис посмотрел на небо.

— Понимаете, с этим я могу вам помочь. В любую секунду.

Прошло еще несколько мгновений, но ситуация никак не изменилась.

Элфи подняла руки ладонями вверх.

— В любую секунду?

Артемис позволил себе немного обидеться.

— Не буквально. Возможно, потребуется пара минут. Наверное, стоит ему позвонить.

Через пятьдесят девять секунд что-то стукнуло по люку спасательной капсулы.

— Ага,— произнес Артемис таким тоном, что Элфи захотелось его ударить.

В небе над Атлантикой, за два часа до этого

— А посудинка вполне себе ничего,— высказался Мульч Рывтинг и любопытства ради ткнул пару кнопок на пульте управления угнанного корабля наемников.

Нажатие одной из них вызвало опорожнение бака с нечистотами на невинный шотландский траулер дальнего лова, и гном решил прекратить эксперименты. (Один из рыбаков, как оказалось, снимал чаек для университетской курсовой работы по средствам информации и запечатлел падающую с высоты бесформенную кучу нечистот. У всех, кто смотрел запись, сложилось впечатление, будто зловонная масса просто возникла в небе, а затем стремительно повалилась на несчастных моряков. Компания «Скай-ньюс» разместила сюжет в Сети под заголовком «Паника на полуюте». Большая часть посетителей сайта отнеслась к нему как к студенческой шутке.)

— И как я не догадался...— произнес Мульч без капли вины в голосе.— На кнопке нарисован крохотный унитаз.

Джульетта, едва не касаясь макушкой потолка, сгорбилась на одной из установленных вдоль бортов грузового отсека пассажирских

скамеек, а на другой лежал Дворецки, ибо считал такую позу самой удобной для полета.

— Значит, Артемис перестал общаться с тобой? — спросила она брата.

— Да,— удрученно отозвался Дворецки.— Готов поклясться, он перестал доверять мне. По-моему, он перестал доверять даже собственной матери.

— Ангелине? Как можно не доверять миссис Фаул? Полная чепуха.

— Знаю,— согласился Дворецки.— Скажу больше. Артемис не доверяет близнецам.

Джюльетта вздрогнула и стукнулась головой о металлический потолок.

— Ой. Madre de dios!* Артемис не доверяет Майлзу и Беккету? Еще бо́льшая чушь. Какие ужасные диверсии могли совершить мальчишки трех лет от роду?

Дворецки поморщился.

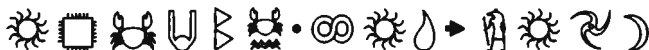
— К сожалению, Майлз инфицировал одну из чашек Петри Артемиса, когда хотел взять пробу для собственных опытов.

— Это вряд ли можно считать промышленным шпионажем. А что сделал Беккет?

— Съел хомяка Артемиса.

---

* Матерь божия! (исп.)

— Что?!

— Ну, немного пожевал его лапку.

Дворецки заерзал в тесном пространстве. Корабли волшебного народца не предназначались для перевозки гигантских бритоголовых телохранителей. Впрочем, бритая голова тут роли не играла.

— Артемис пришел в ярость, заявил, что против него существует заговор, и установил кодовый замок на дверь лаборатории, чтобы братья не могли туда войти.

Джюльетта усмехнулась, хотя понимала неуместность веселья.

— Помогло?

— Нет. Майлз проторчал у двери целых три дня, набирая коды в поисках правильного. Исписал несколько рулонов туалетной бумаги возможными комбинациями.

Джюльетта почти боялась задать следующий вопрос.

— А что сделал Беккет?

Взглянув на сестру, Дворецки усмехнулся в ответ.

— Беккет выкопал ловчую яму в парке, а когда Майлз свалился в нее, предложил лестницу в обмен на правильный код.

Джюльетта кивнула с одобрением.

— Я поступила бы так же.

— Я тоже,— сказал Дворецки.— Возможно, в конце концов Беккет станет телохранителем Майлза.— Он тут же отбросил легкомысленный тон.— Артемис не отвечает на мои звонки. Можешь себе представить? Думаю, он сменил SIM-карту, чтобы я не смог за ним следить.

— Но мы же следим за ним.

Дворецки посмотрел на свой телефон с сенсорным экраном.

— Да, конечно. Не только Артемис знает номер телефона Жеребкинса.

— И что именно дал тебе этот подлый кентавр?

— Изотопный аэрозоль. Наносишь его на поверхность и получаешь возможность отслеживать объект при помощи одной из МП Жеребкинса.

— МП?

— Мини-программ. Жеребкинс использует их для контроля за своими детьми.

— И что именно ты обрызгал?

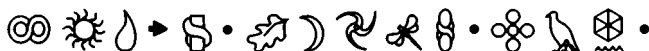
— Ботинки Артемиса.

Джульетта хихикнула.

— Он любит, когда они сияют.

— Вот именно.

— Ты начинаешь думать как Фаул, братец.

— Да хранят нас всех боги! — крикнул из кабины Мульч Рывтинг.— Только лишних Фаулов миру не хватало.

Все несколько виновато засмеялись.

Автожир наемников внимательно исследовал Гольфстрим к северу от побережья Ирландии, двигаясь со скоростью, чуть более чем вдвое превышавшей максимальную скорость «Конкорда», затем по длинной дуге переместился на северо-запад, в Атлантику, когда компьютер обнаружил сигнал от обуви Артемиса.

— Ботинки Артемиса ведут нас прямо к нему,— засмеялся Мульч собственной шутке.

Дворецки не присоединились к веселью не из лояльности к хозяину, тоже иногда любившему пошутить, а потому что Мульч набил рот содержимым холодильника шаттла и они не поняли ни слова из сказанного.

— Как хотите! — воскликнул Мульч, забрызгав лобовое стекло слюной с остатками пережеванной сладкой кукурузы.— Я изо всех сил пытаюсь говорить на человеческом, а вы, снобы от юмора, не удостоили мои усилия даже смешком.

Аппарат летел в двух метрах над гребнями волн, его антигравитационные импульсы пе-

риодически пронзали поверхность океана, испещряя ее цилиндрическими дырами. Двигатель почти не шумел, и его звук сливался со свистом ветра, а любое разумное млекопитающее, способное видеть сквозь защитные экраны, приняло бы машину за очень толстого горбатого кита с очень широким хвостом и погружной площадкой.

— Нам определенно повезло с этим ведром, — заметил Мульч, чей рот, к счастью, на сей раз оказался пуст. — Оно более или менее само управляет полетом. Я просто вставил телефон в паз, открыл мини-программу, и оно выбрало курс.

Летательный аппарат вел себя почти как собака-ищейка: вдруг останавливался, потеряв след, начинал отчаянно водить носом, стараясь снова обнаружить изотоп. Один раз он нырнул в океан и начал погружаться строго вниз, пока от давления не затрещала обшивка и аппарат не лишился квадратного метра защитного экрана.

— Не волнуйтесь, вершки, — успокоил пассажиров гном. — У любого нашего аппарата есть подводные двигатели. Кроме того, вполне разумно делать средства передвижения водоне-

проницаемыми, если постоянно живешь под землей.

Джульетта волноваться не перестала, ибо, насколько она знала, увещевания Мульча Рытвинга заслуживали такого же доверия, что и коктейль, составленный Питтсбургской Отравительницей.

К счастью, подводная прогулка оказалась не долгой, и скоро они снова летели над гребнями волн. Обошлось без происшествий, за исключением случая, когда Мульч, забыв об обещании не прикасаться к таинственным кнопкам, едва не воткнул аппарат в испещренное солнечными бликами море, выпустив пучок мини-парашютов для аварийного торможения.

— Эта кнопка так и притягивала меня,— произнес он в качестве оправдания.— Не мог удержаться.

От резкого торможения Дворецки заскользил по скамейке и, пролетев вдоль всего фюзеляжа, врезался в переборку кабины. Удар головой о поручни вышел несильным только благодаря молниеносной реакции телохранителя.

— Полегче, иначе последствий не оберешься,— сказал Дворецки, потирая ссадину на макушке.— Сам сказал: для управления этой штукой ты не нужен.

Мульч захохотал, продемонстрировав страшный, похожий на пещеру пищевод.

— Ты прав, Дворецки, мой фантастически огромный друг. Но я определенно нужен, чтобы посадить его.

Звонкий и мелодичный смех Джульетты, казалось, отскакивал от изогнутых металлических бортов.

— И ты, Джульетта? — укоризненно спросил Дворецки.

— Перестань, братец. Получилось действительно смешно. Ты тоже посмеешься, когда Мульч покажет тебе запись.

— А что, есть запись? — спросил Дворецки, вызвав у спутников новый приступ смеха.

Все это веселье никак не могло оттянуть встречу Дворецки с хозяином — Артемисом Фаулом. Хозяином, который больше не доверял ему и, вероятно, солгал с целью отослать Дворецки на другой континент, используя Джульетту, чтобы телохранитель уехал наверняка.

«Я поверил, будто моей младшей сестре угрожает опасность. Как ты мог, Артемис?»

Когда он наконец догонит Артемиса, ему предстоит задать парню трудные вопросы.

И ответы должны удовлетворить его, в противном случае, впервые за многовековую историю отношений между их семьями, Дворецки мог отказаться от исполнения своих обязанностей.

«Артемис болен,— подумал телохранитель, поскольку это было единственное рациональное объяснение поступкам его подопечного.— Он не отвечает за себя».

Возможно, Артемис и не отвечал за свои действия. Но скоро ему придется за них ответить.

Автожир наемников наконец резко остановился в открытом океане чуть выше шестидесятой параллели. На первый взгляд это место ничем не отличалось от многих квадратных миль протянувшейся во все стороны серой воды, пока антигравитационная колонна не опустилась на два метра ниже поверхности моря, обнажив похожую на наконечник стрелы спасательную капсулу.

— Обожаю этот аппаратик,— с гордостью произнес Мульч.— Он позволяет мне выглядеть умнее, чем я есть.

Окружающая капсулу вода кипела и вспенивалась, пока невидимые импульсы проверя-

ли поверхность и уплотняли волны для того, чтобы аппарат мог безопасно зависнуть на одном месте. Внизу под оболочкой капсулы эти импульсы отзывались колокольным звоном.

— Привет! — крикнул Мульч. — Мы здесь, над вами!

Дворецки сунул голову в кабину — больше бы там ничего не поместилось.

— Мы можем связаться с ними по радио?

— По радио? — переспросил гном. — Ты плохо разбираешься в жизни беглых преступников. Угнав полицейский транспорт, ты первым делом выбрасываешь все способное передать сигнал в Полис-Плаза. Каждый провод, каждый предохранитель, каждую линзу. Здесь ничего нет. Я знал ребят, попавшихся только потому, что оставили аудиосистему. Старый трюк Жеребкинса. Он знает, что плохие парни любят слушать громкую музыку, поэтому устанавливает в каждую полицейскую птичку комплект шикарных динамиков и прячет в каждом динамике гелевый маячок. Здесь почти не осталось техники.

— Ну?

— Что «ну»? — переспросил Мульч, словно понятия не имел, о чем речь.

емников. Элфи уходила последней, но сначала выдернула шнур затопления, дабы заполнить балластные цистерны капсулы водой и опустить ее на дно.

Едва успев зацепиться локтями за кромку люка, эльфийка принялась распоряжаться:

— Проконтролировать каналы радиосвязи ЛеППРКОНа. Мы должны знать, как идет расследование.

Мульч улыбнулся ей из кресла пилота.

— Ага, понимаешь, тут могут возникнуть проблемы, поскольку лоханка в угоне и все такое прочее. Почти никаких средств связи. Кстати, здравствуй. Я в порядке, пока живой. Рад спасти тебе жизнь. И вообще, о каком расследовании идет речь?

Элфи, подтянувшись, забралась на борт и бросила полный сожаления взгляд на тонущую капсулу, где до недавнего времени работала вся аппаратура связи.

— Ладно,— вздохнула она.— Придется выкручиваться с тем, что есть в наличии.

— Большое тебе спасибо,— обиженно произнес Мульч.— Еды не догадалась захватить? Во рту уже несколько минут ни крошки.

— Нет, никакой еды.— Элфи крепко обняла Мульча. Она являлась, возможно, одним из

четырех живых существ в мире, готовых по собственной воле прикоснуться к гному. Потом она спихнула обжору с кресла пилота и заняла его место. — На этом обмен любезностями закончен. Потом куплю тебе целую корзину жаркого.

— Из настоящего мяса?

Элфи содрогнулась от одной мысли об этом.

— Конечно нет. Мерзость какая.

Дворецки принял сидячее положение, уделил секунду, чтобы кивнуть Элфи, а затем сосредоточил все внимание на Артемисе. Тот вел себя как прежний Артемис, но без привычной самоуверенности.

— Ну? — произнес Дворецки, вложив в один-единственный слог значение: «Если услышанное мне не понравится, это может стать для нас концом пути».

Артемис понимал, что в данной ситуации положено, по крайней мере, крепко обняться с друзьями, и когда-нибудь в будущем, после многих лет медитации, он, возможно, научится без смущения обнимать других людей, но сейчас он сумел только положить одну руку на плечо Джульетты и другую — на предплечье Дворецки.

— Друзья, я так сожалею, что солгал вам.

Джюльетта накрыла его ладонь своей, поскольку для нее это было естественно, но Дворецки вскинул руку, словно его хотели арестовать.

— Артемис, Джюльетта могла погибнуть! Нам пришлось сражаться с толпой загипнотизированных фанатов реслинга и командой гномов-наемников. Нам обоим грозила смертельная опасность.

Артемис отстранился — минута душевного волнения истекла.

— Реальная опасность? Значит, кто-то шпионил за мной. Кто-то, кому известны наши намерения. Вероятно, тот же, кто послал зонд убить Винияйа и разрушить Атлантиду.

В течение нескольких следующих минут, пока Элфи проверяла системы и прокладывала курс к месту крушения, Артемис изложил Дворецки и Джюльетте последние события, оставив собственный диагноз на закуску.

— У меня возникло расстройство, которое волшебный народец называет синдромом Атлантиды. Оно аналогично неврозу навязчивых состояний, но проявляется также в форме бреда и расщепления личности.

Дворецки медленно кивнул.

— Понятно. Значит, отсылая меня, ты находился в тисках этого синдрома Атлантиды.

— Именно так. Тогда болезнь находилась на первой стадии, которая характеризуется сильной паранойей в качестве одного из симптомов. Вторую стадию вы пропустили.

— К счастью для вас! — крикнула Элфи из кабины. — Тот парень, Орион, отличался чрезмерным дружелюбием.

— Мое сознание создало личность Ориона в качестве alter ego. Артемиды, как вы помните, являлась богиней охоты, а Орион, согласно легенде, — ее смертельным врагом, и она послала скорпиона убить его. В моем разуме Орион не был отягощен чувством вины, постепенно копившимся в результате осуществления некоторых моих планов, особенно из-за того, что я загипнотизировал родителей, похитил Элфи и, главное, позволил Опал завладеть сознанием матери. Возможно, не балуясь я магией, обошлось бы незначительным расстройством личности, хотя бы синдромом гениального ребенка, но теперь я понимаю, что синдром Атлантиды был неминуем, поскольку все мои нервные каналы покрывала украденная магия. — Артемис опустил глаза. — Я поступил позорно.

Проявил слабость и буду сожалеть об этом до конца жизни.

Выражение лица Дворецки смягчилось.

— А теперь с тобой все в порядке? Электрический разряд тебя исцелил?

Внимание к Артемису как к основному докладчику начало надоедать Жеребкинсу, и он, откашлявшись, высказал свое мнение:

— Согласно справочной мини-программе в моем телефоне, шоковая терапия является архаичным методом лечения и не приводит к необратимым результатам. Избавиться от синдрома Атлантиды можно только путем длительного курса лечения и осторожного применения психотропных средств. Очень скоро навязчивое состояние Артемиса восстановится, и он почувствует непреодолимое желание завершить свою миссию, подсчитывать предметы и избегать числа «четыре», которое, насколько я помню, в китайском созвучно слову «смерть».

— Значит, Артемис не выздоровел?

Артемис вдруг обрадовался тому, что кроме него их в шаттле пятеро. Хорошее предзнаменование.

— Нет. Я еще не выздоровел.

«Предзнаменование? Опять начинается».

Артемис сжал руки в замок, у него это служило физическим выражением решимости.

«Я так быстро не сдамся».

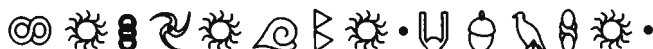
И в доказательство умышленно составил фразу из четырех слов:

— Все будет в порядке.

— Ого! — воскликнул Мульч, никогда не умевший сразу оценить серьезность ситуации.— Четыре! Жуть.

В первую очередь следовало добраться до места крушения, поскольку все (за исключением, конечно, Мульча) понимали: не мог космический зонд, с такой чрезвычайной точностью маневрировавший в атмосфере, потом случайно столкнуться с тюремным шаттлом. Очень скоро угнанный корабль под управлением Элфи уже мчался в глубинах Атлантики, оставляя за собой кружевной след из воздушных пузырьков.

— Что-то затевается,— задумчиво произнес Артемис, крепко сжав пальцы левой руки в надежде унять дрожь.— Винияаа устранили, чтобы затруднить работу полиции Нижних Уровней, затем зонд открыто передает свои координаты, и кто-то звонит по телефону, тем самым

обеспечивая властям Атлантиды достаточное время на эвакуацию, а потом зонд приземляется на шаттл. Пассажирам не повезло?

— Это один из пресловутых риторических вопросов? — поинтересовался Мульч.— Никогда их не понимал. Кстати, раз уж мы заговорили на эту тему, чем отличается метафора от аналогии?

Элфи щелкнула пальцами.

— Кому-то понадобилось, чтобы все, кто находился на борту шаттла, погибли.

— Кому-то понадобилось, чтобы все, кто находился на борту шаттла, считались погибшими,— поправил ее Артемис.— Прекрасный способ сфальсифицировать собственную смерть. Пройдут месяцы, прежде чем у полиции возникнут подозрения, если вообще возникнут. Прекрасная фора для беглого преступника.

Элфи повернулась к Жеребкинсу.

— Мне надо знать, кто находился на борту этого тюремного шаттла. У тебя есть тайный агент в Полис-Плаза?

Дворецки удивился.

— Тайный агент? Я думал, вы все — агенты.

— Мы в данный момент в некотором роде вне игры,— призналась Элфи.— Мне велено взять Артемиса под стражу.

Джюльетта хлопнула в ладоши.

— А ты когда-нибудь выполняла приказ?

— Строго говоря, это приказом не являлось, кроме того, я выполняю только разумные приказы. В данном случае глупо торчать в горелой капсуле целый час, в то время как наш враг переходит ко второй фазе.

— Согласен,— сказал Артемис, стараясь говорить спокойно.

— Откуда мы знаем про вторую фазу? — поинтересовался Дворецки.

Артемис мрачно улыбнулся.

— Конечно, существует вторая фаза. Нам противостоит жестокий и умный враг. Лучшего момента воспользоваться своим преимуществом ему не представится. Несколько лет назад я сам поступил бы так же.— Обычное спокойствие на мгновение оставило его.— Мне нужен этот список, Жеребкинс! — рявкнул он на кентавра.— Кто был в шаттле?

— Хорошо, хорошо, вершок. Я уже работаю над этим. Приходится использовать обходной путь, а то мой запрос окажется на столе у Трубы. Не самая простая техническая задача.

Кентавр в жизни бы не признался, что на самом деле попросил своего одаренного пле-

мянника Гриву взломать сайт ЛеППРКОНа и переслать нужный список. За это Жеребкинс обещал по возвращении домой купить юному хакеру огромную порцию мороженого.

— Вот, я получил его от моего... э... источника.

— Меньше слов, больше дела, Жеребкинс.

Кентавр вывел изображение с экрана своего телефона на стену. Рядом с каждым именем стояла ссылка на базу данных, где хранилась вся информация о заключенном, включая цвет нижнего белья — мало ли, вдруг возникнет необходимость в подобных сведениях, ведь среди психологов волшебного народца все больший вес набирала теория о связи цвета трусов и развития личности.

Мульч увидел знакомое имя, не принадлежавшее преступнику.

— Эй, посмотрите! Шаттл вел старина Дубец. Наверное, ему вернули свидетельство.

— Мульч, ты его знаешь? — резко спросила Элфи.

Для закоренелого преступника Мульч отличался крайней обидчивостью.

— Эй, почему так сердито? Я помочь пытаюсь. Конечно, я его знаю. Иначе с чего бы я

вдруг сказал: «Эй, посмотрите! Шаттл вел старина Дубец. Наверное, ему вернули свидетельство».

Элфи сделала глубокий вдох и напомнила себе, как именно следует общаться с Мультчем.

— Ты, конечно, прав. Итак, как ты познакомился со «старинной Дубцом»?

— Честно говоря, смешная история.— Мультч облизнул губы и пожалел об отсутствии во рту куриной ножки.— Я сбежал от него несколько лет назад, когда тебя обвиняли в убийстве Джулиуса. Он так и не оправился. До сих пор ненавидит меня, ненавидит полицию Нижних Уровней за то, что его лишили штурманского свидетельства. Иногда посылает мне оскорбительные письма. Я посылаю в ответ короткие видеозаписи, на которых хохочу. Это сводит его с ума.

— Затаивший злобу неудачник,— сказал Артемис.— Интересно. Идеальный наводчик. Но кто его пас?

Элфи повернулась к списку.

— Этот спрайт, Юникс. Я арестовала его. Один из подручных Финта Крута. Хладнокровный убийца.— Эльфийка побледнела.— И Бобб Лохби здесь. И сам Финт. Все они — из банды

Финта. Каким образом, ради всего святого, он ухитрился собрать всю банду на борту одного шаттла? Компьютер дюжину раз должен был передать сигнал тревоги.

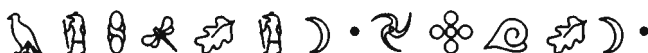
— Если, конечно...— Артемис просматривал список на экране телефона Жеребкинса. Он коснулся ссылки на досье Бобба Лохби. Фотография и файл открылись в отдельном окне, и Артемис быстро просмотрел данные.— Взгляните, Финт Крут нигде не упоминается. Согласно записям, Лохби арестовали за мошенничество с использованием почты, у него нет известных сообщников и он не является членом какой-либо банды.— Он коснулся другой ссылки и прочел вслух.— Файл загружен... Дубцом.

Элфи была потрясена.

— Финт Крут! Это все он.

Она лично принимала участие в аресте брата Джулиуса во время ее посвящения в разведчики. Она много раз пересказывала Жеребкинсу эту историю.

— Судя по всему, нашим противником является Финт Крут, а это очень плохие новости. Но, даже учитывая его интеллект и власть над этим Дубцом, мы не знаем, как ему удалось захватить космический зонд.

— Это просто невозможно,— заявил Жеребкинс, фыркнув по-лошадиному, дабы придать заявлению, в которое он сам не особенно верил, бо́льшую убедительность.

— Возможно или нет, потом обсудим,— сказала Элфи, выравнивая наклон шаттла.— Мы на месте крушения.

К всеобщему облегчению, угнанный транспорт закончил погружение, не развалившись. Наемники, скорее всего, выломали все, до чего дотянулись, лишь бы уменьшить вес, и наверняка работали ломami несколько безрассудно. Одна ослабшая заклепка, одна трещина в сварном шве — и давление внутри упало бы на несколько атмосфер, а сам аппарат раздавило бы, словно банку из-под лимонада в руке гиганта, отличающегося огромной силой и нелюбовью к банкам из-под лимонада.

Но посудина уцелела, несмотря на зловещие морщины, вдруг возникшие по всей длине фюзеляжа.

— Кому какое дело? — удивился Мульч, как всегда упустив общую картину.— Это ж даже не наш корабль. Что сделают те наемники? Подадут на нас в суд? — Но юмор Мульча был слегка подкрашен чувством утраты.

«Я никогда не смогу снова зайти в “Пьяный попугай”, — осознал он. — А там отлично готовили карри. И настоящее мясо».

А вокруг и под ними сновали спасательные корабли Атлантиды, буксируя потерпевшие аварию шаттлы и в авральном режиме возводя герметичный купол, где бригады медиков-кудесников могли бы исцелить раненых. Морские строители в экзодоспехах прорывались сквозь камни и обломки на морском дне, закладывая губчатый уплотнитель, на котором вырастет новый купол. Само место крушения никого особенно не интересовало. В первую очередь следовало позаботиться об уцелевших.

— Я должна сообщить о версии, что в этом замешан Финт Крут, — сказала Элфи. — Чтобы майор Келп мог учесть ее в работе.

— Надо действовать самим, — возразил Артемис. — Корабли Гавани придут сюда не раньше чем через час. Слишком поздно. Мы должны найти улики, тогда Труба сможет представить дело Совету.

Пальцы Элфи замерли над телефоном Жеребкинса. Препираться с майором по поводу стратегии некогда. Она отлично изучила характер Трубы — на это не потребовалось много вре-

мени. Если позвонить ему сейчас, он навяжет им свой план, согласно которому они должны будут расположиться биваком и ждать его прибытия.

Поэтому вместо видеозвонка она послала короткое текстовое сообщение, выделив имя Финта Крута в списке пассажиров, который им иметь не полагалось, и отключила телефон.

— Он непременно перезвонит,— объяснила она.— А я включу телефон, когда у нас появится, что ему сказать.

Жеребкинс смерил ее испепеляющим взглядом.

— Я пропущу свои обновления хрустьбольной лиги,— воскликнул он.— Понимаю, для вас это мелочь, но я оплатил подписку.

Артеми́с сосредоточился на решении проблемы, стремясь отвлечься от стены мерцающих четверок, следовавшей за ним из окна в мозг и теперь окружавшей его со всех сторон.

«Не смотри туда,— приказал он себе.— Сосредоточься на фокусе Гудини»*.

---

* Гарри Гудини (1874–1926) — знаменитый американский иллюзионист, гипнотизер, прославившийся разоблачением шарлатанов и сложными трюками с побегами и освобождениями. (Прим. ред.)

— Как Финту удалось выбраться из шаттла живым? — озвучил он свой вопрос. — Жеребкинс, у нас есть доступ к местной системе скрытого видеонаблюдения?

— Только не из этого корабля. Когда-то он был прекрасным спасательным аппаратом. Я помогал проектировать эту модель. Если говорить об уровне оснащения, в свое время наш красавец в одиночку мог выполнить полную очистку зоны катастрофы. А теперь у него едва хватает средств предотвратить наше столкновение со стеной.

— Значит, у нас нет возможности узнать, встречались ли какие-нибудь корабли с тюремным шаттлом?

— Только не отсюда.

— Я должен выяснить, каким образом сбежал Финт! — закричал Артемис, снова потеряв самообладание. — Иначе как я смогу его найти? Кто-нибудь еще это понимает? Или я остался один во Вселенной?

Дворецки придвинулся к нему, практически окутав своим огромным корпусом.

— Ты все понимаешь, Артемис. Это твой дар. А мы те, кто пользуется результатом.

— Говори за себя, — перебил его Мульч. — Лично я никогда не пользуюсь результатом.

А если пользуюсь, то без большого желания, особенно если в деле замешан Артемис.

В вертикальной складке между бровями у Артемиса выступила капля пота.

— Я знаю, старый друг. Мне необходимо работать — только это меня и спасает. — Он задумался на мгновение. — Мы можем произвести сканирование, вдруг обнаружится ионный след, оставленный другим кораблем?

— Конечно, — отозвался Жеребкинс, — даже это разгромленное корыто не в силах обойтись без омнидатчика.

Он открыл программу на экране, и на изображение опустился темно-синий фильтр. Ионные следы спасательных кораблей отображались как призрачные ленты, светлячками следовавшие за двигателями. Один такой след вел к месту столкновения со стороны Атлантиды, а другой, более плотный луч пронзал глубины от самой поверхности.

— Это след тюремного шаттла, а это след зонда. Больше ничего. Как он это сделал?

— Может, он ничего и не делал? — предположила Джульетта. — Вдруг его план не удался? В последнее время многие гении лажают почем зря, если ты понимаешь, о чем я, Артемис.

Тот криво улыбнулся.

— Я понимаю, что ты пытаешься сказать, Джульетта. В основном потому, что ты говоришь об этом прямо и открыто, не пытаешься щадить мои чувства.

— По совести говоря, Артемис,— сказала Джульетта,— толпа загипнотизированных фанатов реслинга нас едва не затоптала, поэтому я решила тебя немного проучить. Кроме того, я на тебя не работаю, поэтому ты не можешь приказать мне заткнуться. Полагаю, с тебя станется урезать зарплату Дворецки, но это я как-нибудь переживу.

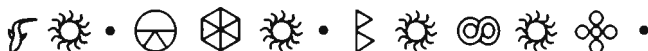
Артемис кивнул Элфи.

— Вы, часом, не родственницы? — Он вскочил на ноги, едва не ударившись головой о низкий потолок шаттла.— Жеребкинс, мне надо спуститься туда.

Элфи постучала пальцем по глубиномеру.

— Никаких проблем. Я обогну этот хребет и спрячусь за ним от спасательных кораблей. Даже если нас заметят, то сочтут посланцами Гавани. В худшем случае предложат убраться с места происхождения.

— В смысле, мне необходимо спуститься на дно,— пояснил Артемис.— В ящике есть ска-

фандр, придется взять у Жеребкинса телефон и поискать улики, как в старые добрые времена.

— Как в старые добрые времена,— повторил Мульч.— В футуристическом скафандре и с волшебным телефоном.

Последовал шквал громких возражений:

— Тебе нельзя, это слишком опасно!

— Я пойду вместо тебя!

— Зачем тебе мой телефон?!

Артемис дождался, пока крики стихнут, и, как всегда кратко и снисходительно, опроверг возражения по пунктам:

— Я должен спуститься на дно, потому что следующая фаза плана Финта неминуемо связана с дальнейшими жертвами, а лучше рискнуть несколькими жизнями, чем поставить под удар жизни многих.

— Знаю, это было в «Звездном пути»! — встрял Мульч.

— Спуститься должен именно я,— продолжал Артемис,— поскольку скафандр у нас только один, причем приблизительно моего размера. И если я не ошибаюсь (а вероятность того, что я ошибаюсь, очень мала), соответствие размера жизненно важно для применения скафандров, если, конечно, не хочешь, чтобы глаза из орбит вылезли.

Произнеси эти слова кто-нибудь другой, они прозвучали бы шуткой, призванной разрядить атмосферу, но в устах Артемиса Фаула это была простая констатация факта.

— И наконец, Жеребкинс, мне нужен именно твой телефон, потому что, насколько я знаю твои стандарты, он способен выдерживать крайне высокое давление. Я прав?

— Прав,— сказал Жеребкинс, ответив на комплимент кивком вытянутой головы.— Прав и касательно соответствия размера скафандра. Эти штуки даже не герметизируются, если их не устраивают твои габариты.

Дворецки все это не нравилось, но в конце концов он был лишь наемным работником, хоть Артемис и не стал напоминать ему об этом.

— Я должен идти, Дворецки,— сказал он твердым тоном.— Собственный мозг поедает меня живьем. Думаю, основная проблема — чувство вины. Надо сделать все возможное, лишь бы искупить вину.

— И? — спросил Дворецки, ничуть не убежденный его словами.

Артемис вытянул вперед руки, чтобы Жеребкинс надел на них рукава костюма.

— И я не позволю, чтобы какой-то осел взял надо мной верх.

— Осел? — обиженно переспросил Жеребкинс. — У меня, между прочим, любимый дядюшка — осел!

На самом деле скафандр состоял из двух костюмов. Внутренний слой представлял собой сплошную мембрану со встроенной сетью жизнеобеспечения, а наружной оболочкой являлись доспехи с изменчивой поверхностью, поглощавшей давление воды и использовавшей его для приведения в действие сервомеханизмов. Очень умная конструкция, как и все разработанные в лабораториях Кобой.

— Кобой... — пробормотал Артемис, когда ему на глаза попался логотип компании. Даже человек, не одержимый предзнаменованиями, немного расстроился бы, увидев имя своего заклятого врага на костюме, призванном спасти ему жизнь. — Не очень-то окрыляет.

— Ну, ты ведь не летать собрался, — сказал Жеребкинс, опуская прозрачный щиток шлема.

— Подозреваю, вы оба только что грандиозно пошутили, — заметил Мульч. Он опять что-то жевал — остальные предпочли не задумываться о том, что именно и где он это взял. — Но только подозреваю, потому что у меня от ваших шуточек уже распрямилась та извилина, что отвечает за чувство юмора.

Поскольку Мульч вставлял подобные замечания практически постоянно, остальные к этому времени уже стали относиться к ним как к бессмысленному звуковому фону.

Жеребкинс закрепил свой телефон на омни-датчике в передней части шлема.

— Вот теперь, чтобы сорвать его с места, понадобится, чтобы тебя кит хвостом ударил. Телефон выдержит любую глубину или любое давление, кроме того, способен воспринимать речевые колебания и преобразовывать их в звуковые волны. Только постарайся правильно произносить слова.

— Держись ближе к скале. — Дворецки даже сжал ладонями шлем, чтобы убедиться, что Артемис его слушает. — И при первых же признаках опасности приказ тащить тебя обратно отдаю я, а не ты. Ты понимаешь меня, Артемис?

Юноша кивнул. Скафандр соединялся с площадкой на корпусе корабля электромагнитным лучом высокой интенсивности, призванным в случае опасности обеспечить мгновенную эвакуацию.

— Просто быстро сними на телефон Жеребкинса место крушения и сразу же возвращайся. У тебя всего десять минут, затем придется изобретать что-нибудь другое. Понятно?

Артеми́с еще раз кивнул, хотя, похоже, совсем не слушал Дворецки, думая о чем-то своем.

Гигант щелкнул пальцами.

— Артеми́с, сосредоточься! Еще будет достаточно времени заняться твоим атлантическим синдромом. А сейчас за этой дверью находится одна из Атлантических впадин, и над нами шесть миль воды. Нужно постоянно быть начеку, если хочешь остаться в живых. — Он повернулся к Элфи: — Все бесполезно. Я отменяю операцию.

Элфи, крепко сжав губы, покачала головой.

— Военно-морской устав, Дворецки. Ты на борту моего корабля, а значит, выполняешь мои приказы.

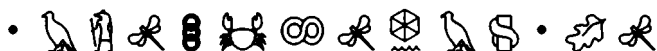
— Насколько помнится, привел корабль я.

— Да, спасибо, что привел мой корабль.

Артеми́с воспользовался их перепалкой и подобрался ближе к кормовому воздушному шлюзу, куда Дворецки за ним последовать не мог.

— Десять минут, старый друг, — произнес он механическим из-за динамиков шлема голосом. — Потом тащи меня обратно.

Дворецки вдруг подумал о том, что бы сказала Ангелина Фаул, если бы узнала об этой выходке сына.

— Артемис, подожди. Должен быть другой способ...

Но его возражения отскочили от плекси-гласа, когда отделяющая воздушный шлюз переборка опустилась вниз со звуком перекаты-вающихся по дну банки шариков от подшипника.

— Не нравится мне этот подшипниковый звук,— сказал Мульч.— Не очень-то он водонепроницаемый.

Никто не стал спорить. Все поняли, что он имел в виду.

У Артемиса, стоило ему оказаться за переборкой, возникли собственные дурные предчувствия. Только теперь он заметил название, данное кораблю наемниками и написанное на наружной двери якобы кровью, чего быть никак не могло, иначе ее давно смыло бы.

«Вероятно, какой-то раствор на латексной основе»,— подумал Артемис, но не основа использованной наемниками краски беспокоила его, а само название «Грабитель», написанное, разумеется, на гномьем языке. Глагол «грабить» звучал как «ччутеречот», а суффикс «ель», превращающий глагол в существительное, звучал как «ире», подразумевая происхождение

одного слова от другого. Если отбросить грамматику, слово «грабитель» произносилось на гномьем примерно как «четыречетыре».

«Четыре, четыре,— подумал Артемис, и лицо его под шлемом побледнело.— Смерть, смерть».

Едва он успел это подумать, как дверь шлюза поднялась, издав еще более громкий подшипниковый звук, и океан втянул его в свои темно-синие глубины.

«Не торопись,— приказал себе Артемис, когда наружная оболочка скафандра завибрировала и включила светящиеся диски на висках, кончиках пальцев и коленях.— Не считай, не систематизируй, делай все, как советовал Дворецки, и сосредоточься».

Ощущения от окружающей среды не изменились, хотя он знал, что находится под водой. Тело не испытывало ожидаемого сопротивления со стороны океана, моторные навыки не притупились, Артемис сохранил способность двигаться с привычной плавностью, хотя Дворецки его движения никогда бы плавными не назвал.

Все бы ничего, но гигантский кальмар, на чью территорию вторгся Фаул-младший, схватил незваного светящегося гостя толстыми щупальцами и потащил в свое логово.

«А, мифический гигантский спрут, Genus Architeuthis,— подумал Артемис со странной невозмутимостью перед лицом катастрофы, заслуживающей самого серьезного беспокойства.— Не такой уж он и мифический, как видно».

ГЛАВА 9

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Финт Крут познакомился с Леонорой Карсби на далеком гавайском островке Лехуа летом одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Леонора оказалась там в результате аварийной посадки — на своем «локхид-электра» она приземлилась на северном склоне образующего островок вулканического хребта и скатилась в естественный канал странной формы, который был известен под названием Замочная Скважина и пересекал этот клочок суши от края и до края. Финт же оказался там потому, что на этом необитаемом островке располагалась его зимняя резиденция, где он любил пить вино и слушать джаз, планируя очередной разбой.

Они были очень разными, но знакомство в экстремальной ситуации нередко заставляет сердца биться чаще и создает правдоподобную иллюзию любви с первого взгляда.

Леонора Карсби являлась не только богатой наследницей с Манхеттена, но и членом-учредителем организации женщин-пилотов «Девяносто девять», первым президентом которой была Амелия Эрхарт*. Когда Эрхарт пропала без вести в Тихом океане, Леонора Карсби дала клятву завершить полет, начатый ее героической подругой.

В апреле одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года она вылетела из Калифорнии со штурманом и увеличенными топливными баками. Шесть недель спустя Леонора Карсби прибыла в Замочную Скважину без того и другого, потеряв их на безжалостном серповидном хребте Лехуа. Сама она выжила чудом, защищенная только каплевидным фонарем кабины «локхида».

Юникс во время ежедневного обхода острова обнаружил богатую наследницу распро-

---

* Амелия Эрхарт (1897–1937) — американский авиатор, одна из первых женщин-пилотов, первая женщина-пилот, которой удалось пересечь Атлантический океан.

стертой на плоском камне у самой кромки воды. Состояние ее оставляло желать лучшего: обезвоживание, сложный перелом ноги, горячка... Словом, девушка была при смерти.

Спрайт сообщил о находке, ожидая получить приказ на уничтожение, но что-то в женском лице на экране заинтересовало Финта. Он велел Юниксу ничего не предпринимать и дожидаться его самого.

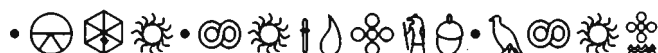
Крут взял на себя труд побриться, завязать волосы хвостиком на затылке и надеть свежую кружевную рубашку, прежде чем подняться на лифте из пещеры на поверхность. Юникса он нашел сидящим на корточках рядом с самым прекрасным существом на свете. Даже с неестественно вывернутой ногой, покрытая кровью и ссадинами, она показалась Финту сногшибательной красавицей.

Он стоял над Леонорой, солнце било ему в спину, отбрасывая густые тени на его лицо, и тут летчица открыла глаза, взглянула на Финта и произнесла всего два слова:

— Боже мой...

После этого она снова впала в беспамятство.

Незнакомка заинтриговала Финта. Он почувствовал, как сердце, долгие столетия покры-

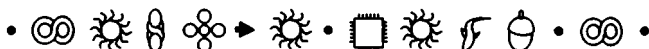
тое коркой льда, начинает оттаивать. Кто эта женщина, свалившаяся с небес?

— Неси ее к нам,— приказал он спрайту.— Используй всю наличную магию, только бы исцелить ее.

Юникс, как всегда, выполнил приказ без возражений. Многие другие заместители засомневались бы, так ли уж благоразумно тратить остатки тающих магических активов банды на исцеление человека. Имелся у них один новичок, сохранивший примерно половину своей магии. Когда иссякнет и она, кто знает, когда им удастся пополнить запасы?

Но К'лякс не стал возражать или жаловаться, равно как и остальные, поскольку все знали, что Финт нытья не выносит и что нытики обычно оказываются в каком-нибудь крайне неуютном месте в ожидании будущего, наполненного жуткими мучениями.

Итак, Леонору Карсби перенесли в пещеру и принялись выхаживать. На ранних стадиях исцеления Финт не принимал в процессе активного участия, предпочитая появляться за мгновения до того, как Леонора очнется, дабы у нее создавалось впечатление, будто он постоянно находится рядом. Первое время девушка только спала, но через несколько недель ей

стало намного лучше и она начала разговаривать, сначала неуверенно, но потом вопросы посыпались из нее так быстро, что Финт едва успевал на них отвечать.

- Кто ты?
- Чем занимаешься?
- Как ты меня нашел?
- Жив ли мой штурман Пьер?
- Когда я смогу продолжить путь?

Обычно Финт относился к вопросам так же, как к нытью, но на каждый вопрос Леоноры Карсби снисходительно улыбался и отвечал самым подробным образом.

«Почему? — недоумевал он. — Почему я терплю эту женщину, вместо того чтобы, как принято, бросить ее на съедение акулам? Я трачу на нее время и магию в непомерных количествах!»

Финт начал думать о лице Леоноры, когда не смотрел на нее. Плеск волн напоминал ему ее смех. Порой он был уверен, что слышит, как она зовет его, хотя находился на другом конце острова.

«Взрослей, дурак! — убеждал он себя. — Какой из тебя романтик?»

Но сердце не обманешь, и скоро Финт Крут понял, что любит Леонору Карсби. Он отменил

два набега на федеральные хранилища золотых слитков, лишь бы остаться рядом с ней, устроил свой кабинет в ее комнате и работал, пока она спала.

Леонора Карсби тоже полюбила его. Знала, что он не человек, но все равно полюбила. Он рассказал ей обо всем, кроме насилия. Финт выдавал себя за революционера, скрывающегося от несправедливых властей, и она верила ему. А как же иначе? Для нее он был лихой герой, спасший ей жизнь, а Финт позаботился, чтобы его дружки не рассеяли эти иллюзии.

Когда Леонора достаточно окрепла, Финт на своем шаттле поднял ее на вершину Эвереста, и она расплакалась от восхищения. Они парили над вершиной в белоснежной дымке, и Финт задал вопрос, мучивший его уже два месяца.

— Дорогая, впервые посмотрев мне в глаза, ты сказала: «Боже мой...» Почему?

Леонора вытерла слезы.

— Финт, я умирала. Ты будешь смеяться... наверное, подумаешь, что я дурочка.

Крут взял ее за руку.

— Никогда так не подумаю. Никогда.

— Хорошо. Я скажу. Финт, я тогда решила, будто уже умерла, а ты — неистовый и прекрас-

ный ангел, явившийся унести меня на небеса. Вот почему я произнесла эти слова.

Финт не стал смеяться и не счел ее глупой. В тот миг он понял, что эта прекрасная миниатюрная женщина — его любовь на всю жизнь и должна принадлежать только ему.

Поэтому когда Леонора заговорила о возвращении в Нью-Йорк, где, по ее словам, Финт станет настоящей сенсацией, он проколол большой палец иглой, написал кровью руну рабства и приготовил себе ужин из корня мандрагоры с рисовым вином.

Венеция, Италия, настоящее время

Гигантский аморфобот нес Финта Крута к любимой, ожидавшей беглеца у подвального причала в их собственном доме в Венеции. Этот четырехэтажный палаццо возвели под руководством самого Финта в одна тысяча семьсот девяносто восьмом году из имитации самого высококачественного итальянского мрамора с добавлением разработанных волшебным народцем полимеров. Полученный материал поглощал напряжение, вызванное постепенным погружением города, без образования трещин. Путешествие заняло несколько часов. Все это

время аморфобот поддерживал жизнь Финта и его товарищей, периодически всплывая на поверхность для пополнения запасов кислорода в клетках и делая капельные внутривенные вливания соляных растворов в качестве питания. Финт не терял времени даром и, подключившись к компьютеру в чреве аморфобота, проверял, все ли готово к осуществлению следующей фазы его плана.

Финту очень понравилось работать в такой защищенной среде, глядя на проносящийся мимо мир. Он ничем не рисковал и при этом контролировал ситуацию.

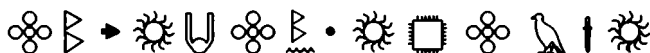
Безопасность...

Краем глаза сквозь мутный слой геля Финт заметил на физиономиях Бобба Лохби и Кола Чутти выражение, близкое к благоговению, очевидно вызванное эффектным способом их побега. Благоговение. Приятная штука.

По мере приближения к берегам Италии Финт почувствовал, как спокойное самодовольство оставляет его и под ложечку вползает змея тревоги.

«Леонора, как я скучал по тебе!..»

С тех пор как Финт получил доступ к компьютеру, они писали друг другу, не пропустив ни дня, но Леонора наотрез отказалась участво-

ку. Капитан поправил одежду, потуже завязал хвостик на затылке и медленно направился по пандусу к хрупкой фигурке, ожидавшей его.

— Усыпи остальных,— приказал он боту.— Мне нужно поговорить с женой.

Плазменный заряд распространился по боту, лишив пассажиров сознания. Юникс едва успел закатить глаза, прежде чем отключиться.

Финт неуверенно шагнул вперед, словно юный эльф перед первым свиданием.

— Леонора? Любимая, я вернулся к тебе, домой. Подойди и поцелуй меня.

Его жена, прихрамывая, выступила из полумрака, тяжело опираясь на трость с ручкой слоновой кости. Ревматизм скрючил ее пальцы, воспаленные суставы распухли, пышные кружева юбки не могли скрыть неестественный изгиб тела и истончившиеся до остроты конечности. Один глаз смотрел в пол, второй вовсе не открывался, потемневшее лицо изобразили глубокие старческие морщины.

— Финт. Красив, как всегда. До чего же чудесно видеть тебя на свободе.— Голос Леоноры вымученно скрипел, словно произносить слова для нее было болезненно.

— Теперь, когда ты дома,— произнесла она после паузы, длившейся, как показалось ему,

целую вечность,— я могу позволить себе умереть.

У Финта замерло сердце. Потом забилося бешено, лоб будто сковало раскаленным докрасна обручем. Все подвиги, все свершения вдруг оказались напрасны.

— Ты не можешь умереть! — выдохнул он, яростно натирая большой палец, дабы разогреть руну.— Я люблю тебя. Ты нужна мне!

У Леоноры затрепетали веки.

— Я не могу умереть? — сказала она.— Но почему, Финт? Я слишком стара. Только надежда увидеть тебя поддерживала во мне жизнь, но мое время ушло безвозвратно. Я ни о чем не жалею, только о том, что никогда не поднимусь в небо. Я так хотела, но не могла... Почему?

«Моя власть над ней ослабевает. Старое заклинание выдохлось».

— Ты выбрала жизнь со мной, любимая.— Он бегом преодолел последние разделявшие их ступени.— Но я нашел секрет вечной молодости, скоро ты снова обретишь юность и сможешь летать, куда захочешь.

Финт почувствовал едва ощутимое давление, когда ее хрупкие пальцы сжали его руку.

— Ах, если бы это было так, любимый...

— Так и будет,— ответил Финт и повел жену к лифту.— А теперь ты должна отдохнуть. Мне предстоит многое сделать перед нашим отъездом.

Леонора послушно шла рядом, как всегда не в силах сопротивляться обаянию мужа.

— Узнаю своего Финта. Ты всегда меня спасаешь. Когда-нибудь и я спасу тебя.

— Ты и так спасаешь меня,— искренне произнес Финт.— Каждый день.

Сердце кольнуло чувство вины, ведь он знал, что никогда не позволит Леоноре снова подняться в воздух. Если она взлетит, то может улететь навсегда.

Немощность Леоноры потрясла и напугала Финта. Каким-то образом сам брак с эльфом замедлил процесс старения, но теперь она, похоже, не могла больше задерживать свой закат. И тогда Финт взял свой страх за жену, обернул его в ярость и обрушил на свою команду.

— Нам представилась историческая возможность,— кричал он собравшейся в библиотеке на втором этаже банде,— нанести удар в самое сердце нашего злейшего врага и обрести неиссякаемый источник магии! Если кто-нибудь из вас, тюремных крыс, сорвет осуще-

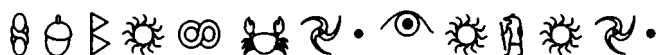

ствление этого плана, над разработкой которого я трудился долгие месяцы в одиночестве, на этой планете не найдется места, где вы сможете спрятаться от меня. Я найду вас и сдеру кожу с ваших голов. Всем ясно?

Куда уж яснее. Традиционно угрозы Финта отличались расплывчатостью и витиеватостью, но если он переходил к конкретике, все понимали: капитан действительно на грани.

— Отлично, отлично... — Крут перевел дух. — Квартирмейстер, все готово?

Квартирмейстер Рыдван Подметка сделал шаг вперед. Необычно высокий для гнома, он до недавнего времени служил офицером в отделе внутренних расследований ЛеППРКОНа. Будучи разжалован в рядовые по результатам проверки этичности методов его работы, Подметка оценил годы службы и решил превратить накопленные за десятилетия знания и опыт расследования уголовных преступлений в золото, к которому гномы испытывали непреодолимое, почти гипнотическое влечение. Он разместил объявление с предложением своих услуг в «Пьяном попугае», вскоре с ним связался Финт (естественно, анонимно), и только сейчас они встретились лицом к лицу.

— Все готово, капитан,— доложил Подметка четко, вытянувшись по стойке «смирно». — Шаттл, угнанный из парка полиции Нижних Уровней, переоборудован в санитарный транспорт Атлантиды. Мне удалось изрядно сократить бюджет, и я позволил себе заказать для вас несколько новых комплектов парадной формы.

— Превосходная работа, квартирмейстер, — сказал Финт. — Твоя доля увеличилась на три процента. Инициатива окупается. Никогда не забывай об этом.

Он потер руки.

— Когда мы можем начать операцию?

— Когда прикажете, капитан. Санитарный транспорт стоит у причала и готов отчалить.

— Лазер?

— Модифицирован согласно требованиям.
Помещается в кармане.

— Ты начинаешь мне нравиться, Подметка. Продолжай в том же духе, и скоро станешь равноправным партнером.

Рыдван едва заметно поклонился.

— Благодарю вас, сэр.

— Потери в процессе закупок?

— Не с нашей стороны, сэр.

— А другая сторона никого не волнует.

Финту нравилось, когда не обходилось без крови. Это придавало предприятию дополнительный вес.

— Итак, все мы знаем, что я — себялюбивый эльф, и это позволяло нам жить и процветать, за исключением нашего недавнего заключения на радость Совету. Если я получу желаемое, мы все станем несметно богаты. А хочу я получить источник магии, достаточно сильный, чтобы вернуть моей жене молодость. Если же означенный источник попутно и ваши мечты осуществит, я только порадуюсь. До недавнего времени бесконечных источников не существовало, но теперь из Чистилища вернулись демоны вместе с могущественным колдуном. Это молодой демон со странным именем Номер Первый.

— Мелкий льстивый выскочка, — заметил Подметка. — Отказывался отдавать честь и носить униформу.

— Снимаю один процент доли за то, что перебил, — спокойным тоном произнес Финт. — Если повторится, отрублю руку.

Рыдван открыл было рот, чтобы извиниться, но, подумав, предпочел ограничиться еще одним кивком.

— Ты новичок. Скоро все поймешь. А если не поймешь, мастер Лохби, по крайней мере, поест досыта. Он обожает конечности.

Гном подтвердил это, щелкнув огромными зубами.

— Итак, продолжаем, без перерывов: теперь в Гавани имеется демон-чародей. Если мы захватим его, он обеспечит нам вечную защиту и вернет мне Леонору. Вопросы есть?

Бобб Лохби поднял палец.

— Да, мастер Лохби?

— А до этого Номера Первого трудно добраться?

— Прекрасный вопрос, мастер Лохби. Судя по всему, ты не так глуп, как кажешься. И ты прав. Обычно такую важную персону прячут, как последнего червя-вонючку на вечеринке гномов у илистого пруда, но в случае бедствия в море, когда медицинский персонал работает с предельным напряжением, столь могущественного колдуна направят в распоряжение медиков. Таким образом, наш демон окажется на борту подводной лодки «Ностремиус», представляющей собой плавучий госпиталь.

Лицо гнома расплылось в улыбке.

— А у нас есть поддельный санитарный транспорт.

— Вот именно, Бобб. Ты быстро схватываешь.

У Кола тоже возник вопрос.

— Если он и правда такой могучий... небось, лепы сразу кинутся за нами, чтобы его вернуть?

Именно этот вопрос и хотел услышать Финт. Он был в восторге от хода презентации.

— Позволь ответить тебе вопросом на вопрос, дабы заставить твой мозг работать, ибо я верю, что ты не просто тупой гоблин. Ты понимаешь, зачем я устроил столкновение космического зонда с тюремным шаттлом?

Кол, сосредоточившись, сморщил змеиную морду и рассеянно облизал глазные яблоки.

— Я думаю, ты устроил это, чтобы лепы решились, будто мы погибли.

— Правильно, мастер Чугта. Я организовал эту страшную катастрофу для того, чтобы все поверили в нашу гибель. — Финт пожал плечами. — Нисколько не жалею об этом. Мы находимся в состоянии войны с лепами, как ты их назвал. Следующая катастрофа, может, и вызовет у меня толику сожалений. Питаю, знаете ли, несколько трепетных чувства к больницам: ведь в одной из них я родился.

Гном поднял тот же самый палец.

— Э... капитан, ты пошутил?

Крут обаятельно улыбнулся.

— Конечно пошутил, мастер Лохби.

Бобб Лохби начал гоготать.

Атлантическая впадина, настоящее время

Артемис Фаул почувствовал, как щупальца гигантского кальмара стискивают его. Сферические присоски размером с блюдце, покрывая слизью поверхность, облепили скафандр. Расположенные кольцами внутри каждой присоски бритвенно острые хитиновые зубы отчаянно пытались вгрызться в защищенные скафандром конечности и туловище Артемиса.

«Два щупальца и восемь рук, насколько я помню,— подумал Артемис.— То есть две четверки. Умри! Умри!»

Артемис едва не захихикал — даже находясь в смертельных объятиях самого большого кальмара из всех когда-либо виденных людьми, он не мог избавиться от импульсивного поведения.

«Очень скоро я снова начну считать слова».

Когда острые присоски не смогли добрать-ся до нежной плоти внутри скафандра, кальмар убрал от Артемиса огромную мантию.

Затем чудище принялось бить добычу одним из двух щупалец подлиннее, размахивая

им, как булавой. На Артемиса обрушился сокрушительный удар, но скафандр выдержал.

— Раз, два, три, четыре, пять! — вызывающе закричал Артемис. — Надевай скафандр, будешь жив опять!

«Стихи с числительными. Возвращаемся на исходную позицию».

Щупальце еще три раза хлестнуло по скафандру, потом обвило корпус Артемиса толстыми кольцами и засунуло его шлем глубоко в лязгающий клюв кальмара. Фаулу всегда представлялось, что именно такой звук возникнет, если гигантский кальмар попытается раскусить шлем скафандра.

«Если выберусь отсюда, начну думать о девушках — как нормальный пятнадцатилетний подросток».

Через несколько минут, в течение которых у Артемиса несколько раз замирало сердце, кальмару, очевидно, надоело это занятие, и он отшвырнул Артемиса на кучу костей и прочего мусора, скопившегося на выступе подводной скалы.

Артемис, лежа на спине, наблюдал, как чудовище расправило мантийную полость, вобрав в себя сотни галлонов морской воды, за-

тем сократило мантию и мгновенно скрылось в черной как смоль бездне поблизости.

Юноша почувствовал, что в сложившихся обстоятельствах вполне оправданно прибегнуть к вульгаризму.

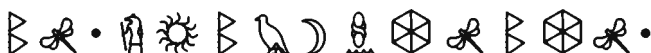
— Вау! — выдохнул он. — Эта тварь, пожалуй, самая страшная из всего того, что когда-либо пыталось меня убить.

Немного погодя частота пульса у Артемиса упала почти до нормы, мигающий индикатор датчика работы сердца на скафандре погас, и Фаул вновь обрел способность передвигаться, не рискуя подвергнуться приступу тошноты.

— Я сменил дислокацию, — произнес он на случай, если телефон Жеребкинса, прикрепленный к шлему над щитком, пережил объятия кальмара. — Попробую взять какие-нибудь ориентиры, чтобы вы получили возможность спасти меня.

— Сменил дислокацию? — переспросил Жеребкинс, чей голос передавался еле заметной вибрацией шлема и поэтому, казалось, звучал со всех сторон. — Мягко сказано. Попробуем тебя догнать.

— Постарайся найти какие-нибудь ориентиры, — раздался другой голос, принадлежав-

родцем, хотя Атлантида находилась буквально за перевалом. Но чуть погодя он убедился в обратном. Буквально в десяти метрах от него над поверхностью выступа плавал небольшой зализанный кубик компьютера с легко узнаваемой маркировкой.

«Нет, погоди, не плавает. Висит внутри геля».

Артемис осторожно дотронулся до вещества, никакой реакции не последовало, только искорка проскочила с легким шипением. Тогда он смело сунул руку до плеча внутрь и схватил кубик за угол. Благодаря мощи сервомоторов он легко извлек компьютер из геля.

«Наверное, обломки зонда», — подумал он и громко произнес:

— Кое-что нашел. Возможно, относится к делу. Жеребкинс, ты видишь?

Ответа не последовало.

«Надо вернуться на корабль или спуститься в воронку, оставшуюся после столкновения. Все равно куда, лишь бы подальше от гигантского кальмара, жаждущего содрать с меня мясо и высосать костный мозг».

Артемис тут же пожалел о словах «высосать костный мозг» — воображение нарисовало слишком натуралистичную картинку, и его едва не вырвало.

«Я даже не знаю, куда идти,— подумал юноша.— Вся эта операция противоречит здравому смыслу. Велик ли шанс отыскать улику на дне океана?»

Как впоследствии оказалось, ключевую улику он по иронии судьбы в этот момент держал в руках.

Фаул повертел головой в надежде выхватить из темноты лучом встроенного в шлем прожектора нечто способное навести на нужную мысль. Однако кроме почти прозрачной рыбы, толкавшей вперед свое раздутое тело кургузыми плавниками и фильтрующей планктон через круглые ноздри, ничего не попадалось.

«Хоть бы что-нибудь произошло!» — подумал Артемис с легким привкусом отчаяния. Он вдруг осознал, что стоит на дне океана на глубине шесть миль и не представляет дальнейшего порядка действий, и это его отнюдь не обнадежило. Фаул-младший всегда прекрасно справлялся с давлением, но давление это обычно имело интеллектуальную природу (такое, например, испытывает шахматист в конце утомительного матча), а не физическую и не грозило раздробить кости и выдавить из легких весь воздух, до последнего пузырька. Реальное давление воды.

Однако кое-что уже происходило: кальмар вернулся и тащил в своих щупальцах нечто похожее на носовой конус космического зонда.

«Интересно, зачем он ему понадобился? — подумал Артемис. — Работает почти как инструментом».

Но для чего? Какой орех решил расколоть морской гигант?

— Меня! — выпалил Артемис вслух. — Орех — это я!

Юноша мог поклясться, что кальмар подмигнул ему, прежде чем опустить пятитонный обломок космического корабля на кусочек мяса в голубой скорлупе.

— Я — орех! — снова крикнул Артемис, надо сказать, с оттенком истерики в голосе.

Он попятился по выступу. Двигатели скафандра лишь самую малость добавляли ему скорости. Но этих метров в секунду оказалось достаточно, чтобы почувствовать ударную волну, но не сам удар. Нос зонда вонзился в скалу, как тесак в мягкое мясо, выбив клинообразный провал, трещина от которого побежала у Артемиса прямо между подошвами.

«Вот и проку от той гениальности, — с горечью подумал Артемис. — Один широкий жест, и ты превращаешься в корм для рыб».

Кальмар выдернул оружие из скалы и высоко поднял его, накачивая мантийную полость водой для следующего удара. Юноша оказался в буквальном смысле приперт к стене. Деваться было некуда, и он представлял собой легкую мишень.

— Дворецки! — крикнул Артемис чисто по привычке.

Он, конечно, не рассчитывал, что его телохранитель вдруг материализуется рядом с ним, но даже сумей гигант добраться сюда, его ждала бы только гибель.

Кальмар прикрыл один огромный глаз, тщательно прицеливаясь.

«А эти твари куда разумнее, чем полагают ученые,— подумал Артемис.— Жаль, не удастся написать об этом статью».

Носовой конус начал опускаться, сжимая воду и расталкивая ее в стороны. Металл закрыл поле зрения Артемиса, и юноша вдруг осознал, что именно этот нос уже два раза едва не раздавил его: сначала на льду, теперь под водой.

«А на третий раз он меня все-таки раздавит».

Но вышло снова «почти». На внутреннем экране шлема запульсировал оранжевый круг, означавший, как надеялся Артемис, восстановление электромагнитной связи между ним и кораблем.

Так и оказалось. Фаул почувствовал легкое подергивание, а затем мощный рывок оторвал его от выступа и поволок вверх к нависшему над скалой кораблю наемников. Луч фонаря его шлема высветил магнитную пластину на брюхе корабля. Внизу гигантский кальмар отшвырнул импровизированный молоток и бросился в погоню.

«Вероятно, ближе к пластине моя скорость снизится», — с надеждой подумал Артемис.

Скорость не снизилась, но столкновение с кораблем всяко вышло менее болезненным, чем потенциальный удар вооруженного гигантского кальмара.

Обычно водолаза мгновенно втягивали внутрь, но на сей раз Элфи сочла более рациональным оставить Артемиса снаружи и попытаться увеличить расстояние между ними и гигантским спрутом. Впоследствии Артемис признал правильность данного решения, но в тот момент не удержался от крика.

Он обернулся и увидел массивную голову устремившегося в погоню кальмара с вращающимися, будто скакалки, щупальцами, только эти скакалки, усеянные присосками с острыми как бритва зубами, вполне могли раздавить бронетранспортер, не говоря уже об их способности манипулировать инструментами.

— Элфи! — закричал Артемис. — Если ты слышишь меня... Быстрее!

Она явно его услышала.

Элфи опустила корабль почти на самое дно оставшейся после крушения воронки и, только убедившись по приборам в отсутствии кальмара, перевернула магнитную пластину, переместив Артемиса, все еще прижимавшего к груди волшебную коробочку, в воздушный шлюз.

— Эй, посмотрите! — воскликнул Мультч, когда из переходной камеры слилась вода. — Это орех! — Он, завывая, забегал кругами по отсеку. — Я орех, я орех! — Гном остановился и хохотнул. — Я чуть не лопнул от смеха.

Дворецки поспешил к Артемису.

— Рытвинг, не приставай. Он только что сражался с гигантским кальмаром.

Но это не произвело на Мультча ни малейшего впечатления.

— Помню, как-то раз я закусил одним из них. Причем крупным, а не мелочью вроде нашего.

Дворецки помог Артемису снять шлем.

— Переломы есть? Можешь пошевелить пальцами на руках и ногах? Назови столицу Пакистана.

Артемис откашлялся и вытянул шею.

— Переломов нет. Пальцы шевелятся, а столица Пакистана — Исламабад, примечательный самым фактом строительства именно в качестве столицы.

— Хорошо, Артемис, — сказал Дворецки. — С тобой все в порядке. Не стану просить сосчитать до пяти.

— Я предпочел бы считать пятерками, если ты не против. Жеребкинс, поздравляю. Ты создал чрезвычайно прочный телефон с превосходной программой слежения.

Элфи выдвинула водяные закрылки, дабы понизить скорость корабля.

— Что-нибудь нашел?

Артемис протянул ей системный блок.

— Обломки после крушения зонда. Эту штуку покрывал какой-то гель. Интересная структура, напичканная кристаллами. Твоя работа, Жеребкинс?

Кентавр, цокая копытами, подошел к нему и взял металлическую коробку.

— Перед вами сердце аморфобота, — с гордостью сказал он. — Эти малыши идеальные фуражиры. Способны поглощать все, что угодно, включая друг друга.

— Может, они и Финта с его ребятами проглотили? — наполовину в шутку предположила Джульетта.

Артемис уже собирался объяснить привычным снисходительным тоном невозможность подобного исхода, когда вдруг до него дошла не только возможность, но и вероятность данного развития событий.

— Они не запрограммированы на спасательные операции, — заявил Жеребкинс.

Элфи нахмурилась.

— Если ты еще раз скажешь, мол, эти аморфоботы не запрограммированы на то-то и то-то, я лично побрею тебе круп, пока ты спишь.

Артемис подполз к стальной скамейке.

— То есть вы, господа, всю дорогу знали о существовании этих аморфоботов?

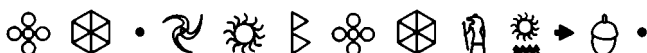
— Конечно знали. Они напали на нас в Исландии. Помнишь?

— Нет, я лежал без сознания.

— Верно. Кажется, лет сто прошло с тех пор.

— Значит, я зря сражался с кальмаром?

— Вовсе не зря. Я бы установил соединение только через несколько минут, и то не факт. — Жеребкинс набрал на телефоне код для отключения от скафандра. — А теперь проверим его мозги.

Кентавр подключил телефон к мозгу аморфобота и при виде засветившегося экрана пришел в восторг. Выполнив несколько тестов, он без труда обнаружил скрытую программу.

— Есть над чем подумать. Боту задали новые параметры миссии, причем через блок управления орбитой. И в данный момент он довольно трогательно приказывает гелю убить нас. Вот почему мы не обнаружили никакого внешнего вмешательства. Его просто не было. Имелась простая шпионская программа — несколько строк кода. Ее легко уничтожить.

Что он и проделал нажатием нескольких клавиш.

— А где находится этот блок управления? — поинтересовался Артемис.

— В моей лаборатории, в Гавани.

— В нем могли покопаться?

Жеребкинсу не пришлось долго думать, прежде чем ответить.

— Это невозможно, и, поверьте, я не пытаюсь, как обычно, снять ответственность с моего оборудования. Я проверяю его почти каждый день. Буквально вчера выполнил системную проверку и не увидел ничего необычного в статистических данных управления орбитой. Тому, кто это устроил, пришлось загружать ин-

струкции в зонд несколько недель, если не месяцев.

Артемис закрыл глаза, лишь бы не видеть призрачные сверкающие четверки, которые вернулись и принялись со злобным шипением кружить по салону шаттла.

«Я ухитрился пережить нападение гигантского кальмара, а теперь боюсь шипящих четверок. Грандиозно».

— Мне нужно, чтобы все сели на противоположную скамейку в ряд по росту.

— Это говорит синдром Атлантиды, вершок,— заметила Элфи.— Сопровивляйся.

Артемис закрыл ладонями глаза.

— Прошу тебя, Элфи. Ради меня.

Мульча явно забавляла новая игра.

— Мы должны взяться за руки? Или петь хором? Как насчет: «Пять — я жив опять, четыре — я в сортире»?

— Стихи с числительными? — скептически уточнил Артемис.— Смешно. Прошу вас, сядьте так, как я попросил.

Неохотно и с ворчанием друзья подчинились. Жеребкинс и Мульча затеяли препираться, кто из них двоих меньше. В том же, кто самый высокий, никаких сомнений не возникло.

Дворецки сгорбился на краю скамейки, едва не касаясь подбородком коленей. Рядом с ним села Джульетта, за ней — Жеребкинс, потом — Мульч и, наконец, Элфи, успевшая поставить передачу на нейтраль.

«Пятеро,— подумал Артемис.— Пятеро друзей, которые сохраняют мне жизнь».

Не снимая скафандра, он уселся напротив, собираясь с силами и с мыслями.

— Жеребкинс,— сказал он наконец.— Должен существовать второй блок управления.

Жеребкинс кивнул.

— Так и есть. Мы всегда изготавливаем резервный. В данном случае использовали клон, поскольку оригинал вышел из строя. Незначительный, честно говоря, сбой, но рисковать, когда дело касается полета в космосе, не стоило. Первый блок отправили на сожжение.

— Куда?

— В Атлантиду. Контракт принадлежал «Лабораториям Кобой». Естественно, это произошло прежде, чем мы поняли, насколько Опал ненормальная.

— Таким образом, если допустить, что Финт Крут получил второй блок управления зондом, отремонтированный Дубцом или кем-нибудь

иным из его сообщников, корабль подчинился бы командам, передаваемым этим вторым блоком?

— Конечно. Без вопросов. Их можно было посылать с любого компьютера, оборудованного спутниковой связью.

Дворецки поднял палец.

— Можно, я скажу?

— Конечно, старый друг.

— Жеребкинс. Твоя система безопасности никуда не годится. Когда вы хоть чему-нибудь научитесь? Несколько лет назад гоблины сами построили шаттл, а теперь заключенные умудрились получить доступ к управлению твоей космической программой.

Жеребкинс топнул копытом.

— Эй, дружище, воздержись от субъективных оценок. О нашем существовании много тысяч лет никто не подозревал. Вот насколько надежна наша система безопасности.

— Пять, десять, пятнадцать, двадцать! — закричал Артемис. — Прошу вас. Надо действовать быстро.

— А можно, я тебя потом подразню? — спросил Мульч. — У меня накопилось столько материала.

— После,— отрезал Артемис.— Сейчас нужно понять, куда направляется Финт и с какой целью.

Возражений не последовало, и он продолжил:

— Допустим, Финт использовал исходный блок для управления зондом и задействовал аморфоботов в организации побега. Мы можем отслеживать перемещение этих аморфоботов?

Жеребкинс то ли кивнул, то ли мотнул головой.

— Возможно. Но не слишком долго.

Артемис все понял.

— Гель растворяется в морской воде.

— Именно. Трение между водой и ботами вызывает износ геля, но как только он отделяется от мозга, так сразу начинает растворяться. Никаких зарядов, никаких молекулярных связей. При пузыре размером с дыню процесс занимает несколько часов.

— Несколько часов мы уже потеряли. У нас еще есть время?

— Может оказаться уже слишком поздно. Более точный ответ смогу дать, если мне разрешат выйти из-за парты.

— Конечно, пожалуйста.

Жеребкинс, вытянув вперед руки, встал из неудобного для него сидячего положения и, цокая копытами, прошел в кабину, где быстро ввел химический состав геля в примитивный компьютер автожира и опустил фильтры перед каждым иллюминатором.

— Нам повезло, наемники не тронули сканеры. Пусть каждый выберет себе иллюминатор. Я запустил программу сканирования для обнаружения особого излучения, и след геля должен отображаться зеленым свечением. Кричите, если заметите что-нибудь необычное.

Все расположились рядом с иллюминаторами, за исключением Элфи, занявшей кресло пилота, чтобы немедленно сорваться с места в направлении следа.

— Вижу! — заорал Мульч. — Нет, погодите... Это разъяренный кальмар в поисках своего орешка. Прошу прощения. Понимаю, момент не самый удачный, но я проголодался.

— Есть! — крикнула Джульетта. — Что-то вижу по левому борту.

Артемис бросился к ее иллюминатору. Из глубины воронки поднималась извилистая струйка пузырьков, таявшая прямо на глазах, пузырьки в нижней ее части разделялись на более мелкие, а дальше след и вовсе исчезал.

— Быстро, Элфи! — воскликнул Артемис. — За этими пузырьками!

Элфи врубила двигатели на полную мощность.

— Кто бы мне сказал, что мне придется услышать от тебя такое...

Автожир наемников шел по следу пузырьков, хотя Жеребкинс настаивал на том, что, строго говоря, это были не пузырьки, а капли, и в результате получил удар в плечо от Джульетты.

— Эй, не надо меня бить! — взвизгнул кентавр.

— Строго говоря, это был не удар, а так, похлопывание, — поправила его Джульетта. — А вот это — удар...

След таял прямо на глазах, и Элфи быстро ввела программу отслеживания курса на случай, если «капли» изменят направление или просто исчезнут с экрана.

Артемис сидел в кресле второго пилота, закрыв глаз одной ладонью, а вторую держа перед лицом.

— Большой палец обычно тоже считается пальцем, — сообщил он Элфи. — В этом случае нам ничего не грозит, поскольку всего получается пять пальцев. Но некоторые специалисты утверждают, будто большой палец пред-

ставляет собой нечто иное, отличающее нас от животных, и в этом случае у нас на каждой руке всего по четыре пальца. Это очень плохо.

«Болезнь прогрессирует», — с беспокойством подумала Элфи.

Дворецки оказался в тупике. Если Артемису кто-то угрожает, порядок действий очевиден: «Поразить противника и отобрать оружие». Но в данном случае Артемиса атаковал его же собственный разум, настраивавший юношу против всех, включая Дворецки.

«Разве я могу доверять любому отданному Артемисом приказу? — маялся телохранитель. — Он может являться обычной уловкой с целью убрать меня с дороги. Как тогда, когда он отослал меня в Мексику».

Он присел рядом с подопечным.

— Артемис, сейчас ты мне доверяешь?

Фаул-младший попытался взглянуть ему прямо в глаза, но не смог.

— Стараюсь, старый друг. Очень хочу, но силы вот-вот оставят меня. Мне понадобится помощь, причем очень скоро.

Они оба знали то, чего Артемис недоговорил: «Мне нужна помощь, пока я окончательно не сошел с ума».

Они проплыли за пузырьками на восток через Атлантику, миновали Гибралтар и вошли в Средиземное море. Незадолго до полудня след внезапно исчез. Последний зеленый пузырек лопнул, когда они находились на глубине пятнадцати метров в двух милях от Венецианского залива, и приборы отображали на экране только яхты и гондолы.

— Это, надо понимать, Венеция.— Элфи всплыла на перископную глубину, пользуясь возможностью пополнить резервуары воздуха и выровнять корабль.— Она прямо перед нами.

— Венеция — большой город, — заметил Дворецки. — И не самое удобное место для поисков. Как мы найдем здесь этих ребят?

Мозг аморфобота в руках Жеребкинса вдруг запищал, установив связь с аналогичным прибором.

— Похоже, это проблемой не станет. Они близко. Очень близко. Очень, очень близко.

Артемису явно не понравилось это эмоциональное заявление.

— Очень, очень близко? Серьезно, Жереб-кинс? Ты же ученый. Насколько именно близко?

Жеребкинс показал на люк автожира.

— Настолько.

Следующая пара минут отличалась бешеной активностью, будто все события дня спрессовались в несколько секунд. Для Артемиса и Жеребкинса все вокруг превратилось во вспышки цвета и смазанные движения. Дворецки, Элфи и Джульетта, будучи опытными солдатами, увидели больше. Великан даже успел подняться со скамейки, но это никак не облегчило его участь.

Люк суденышка крикнул, словно гигантская пластиковая бутылка, раздавленная гигантской же ногой, после чего просто исчез. Вернее, создалось впечатление, будто он исчез. На самом деле его сорвали и с невероятной силой запустили в небо. В итоге крышка люка воткнулась в колонну колокольни на площади Святого Марка, едва не вызвав панику в городе. Особенно испугался маляр, чей трос от люльки перерезал вращавшийся с дикой скоростью металлический диск. Пролетев тридцать метров, рабочий упал на спину родному брату. Братья и без того часто ссорились, и этот инцидент отнюдь не улучшил их отношения.

Вода немедленно хлынула в салон автожира, но большую часть свободного пространства заполнили шесть вращающихся аморфоботов, с чириканьем выбирающих себе цели. Все кон-

чилось меньше чем за секунду. Боты бросились на свои жертвы, обволокли их душным гелем и унесли в лазурные глубины Средиземного моря.

Каждый пленник, несомый к мрачному силуэту подводного корабля, думал о своем и по своему оценивал случившееся.

Артемис поражался, насколько это его нынешнее положение напоминает то время, когда он был пленником собственного разума.

Элфи прикидывала, работает ли ее оружие в этом липком дерьме или снова превратилось в бесполезный хлам.

Жеребкинс не мог удержаться от некоторых теплых чувств к пленившему его аморфоботу — в конце концов, кентавр лично вырастил его в лабораторной пробирке.

Джульетта старалась не выпускать из виду Дворецки. Она чувствовала себя в относительно безопасной обстановке, пока видела брата.

Дворецки поначалу сопротивлялся, но быстро осознал тщетность своих попыток и принял позу эмбриона, сберегая силы для одного взрывного движения.

Мульч тоже подумал о взрывном движении. Сбежать не сбежать, но заставить бесформенную тварь пожалеть о выборе пленника он впол-

не мог. Гном медленно подтянул колени к груди, чтобы газ в кишечнике собрался в удлиненные пузыри. Скоро он накопит достаточно энергии и вырвется на волю — или он останется плавать внутри самой большой в мире гелевой лампы.

Финт Крут недурно проводил время. Он проводил бы время совсем чудесно, если бы его возлюбленная Леонора не пребывала в таком ужасном состоянии и если бы его не мучил страх потерять ее. Ведь после телесного воскрешения супруга быстро разберется, что он вовсе не принципиальный революционер, каким всегда притворялся, и разлюбит его. Леонору отличало сильное чувство справедливости, и ее, несомненно, возмутила бы самая мысль о том, что ценой ее вечной молодости стало пленение демона-колдуна. Финт посмотрел на начертанную кровью руну на большом пальце. Замысловатая вязь спиралей и символов удерживала Леонору на крючке, но власть руны ослабевала с каждой минутой. Покинула бы его жена, если бы чары перестали действовать? Возможно. Вероятно.

Финт мог считаться главным специалистом по рунам в мире. Они вполне удовлетворяли его потребности, поскольку для их активации

требовалась лишь крохотная искорка магии, после чего они работали исключительно на собственной энергии символов. Люди реагировали на влияние рун по-разному. Некоторые подчинялись десятилетиями, другие мгновенно отторгали черную магию и лишались рассудка. Леонора оказалась идеальным рабом, поскольку большая часть ее существа сама хотела верить рассказам Финта.

А модифицированный лазер позволит Финту поработить кого угодно и на сколь угодно долгое время, вне зависимости от отношения, причем для этого даже волшебную искорку тратить не потребуется.

Взять, например, этих новых пленников — настоящий сундук с сокровищами. Кто знает, когда пригодится гениальный юноша или подкованный в техническом плане кентавр, особенно учитывая доверие к ним обоим со стороны маленького демона. Получив власть над этими двоими и колдуном, Финт мог при желании основать собственное княжество.

«Да, я недурно провожу время,— подумал Финт.— Но скоро стану проводить его просто превосходно. Осталось убить еще одну группу знакомых. Или две».

Аморфоботы вошли в санитарный транспорт через воздушный шлюз и слились в единственной камере. Правда, бот с Мульчем внутри отделился, поскольку другие боты не смогли определить химический состав находившихся в теле гнома газов, кроме того, им не понравилась внешность Рывтинга. Таким образом, бот, несмотря на отчаянные попытки слиться с товарищами, подвергся остракизму и уныло застыл в углу.

Финт Крут, буквально лучась самодовольством, спустился по винтовой лестнице с мостика и зашел в камеру, чтобы поглумиться над пленниками.

— Глянь,— обратился он к мрачному, как всегда, Юниксу, вставшему рядом.— Лучшие умы волшебного народца и человечества собраны в одной камере.

Они висели перед ним в плену разумного геля и могли только неглубоко дышать и шевелить конечностями, будто сонные пловцы.

— Даже не пытайтесь вызвать помощь или вырваться с боем,— продолжил Финт.— Я заблокировал ваши телефоны и оружие.— Он наклонился ближе к мерцающей поверхности бота.— А это одна из любимых учениц Джулиуса. Юникс, разве мы ее не пристрелили?

Хитрая улыбка появилась на лице спрайта, но добрее он от этого выглядеть не стал.

— И великий Жеребкинс. Спаситель народа. Впрочем, уже нет, мой маленький конек. Скоро ты станешь моим рабом и будешь испытывать от этого удовольствие. — Финт показал пленникам большие пальцы, дабы все разглядели красные руны.

— А здесь у нас кто? — спросил он, остановившись перед Дворецки. — Нефритовая Принцесса и Бешеный Медведь. В прошлый раз вам удалось ускользнуть от меня, но этого не повторится.

— А как насчет меня? — поинтересовался Мульч, и бот преобразовал вибрации его голосовых связок в звук.

— Что насчет тебя?

— Я недостойн описания? Я тоже опасен.

Финт засмеялся, но тихо, боясь разбудить спящую в каюте на верхней палубе Леонору.

— Гном, ты мне нравишься. У тебя есть характер, но я все равно убью тебя, ведь ты мне не нужен, если, конечно, не захочешь занять должность придворного шута. Полагаю, от тебя дурно пахнет. Даже не сомневаюсь в этом, судя по твоему виду.

Крут повернулся к Артемису.

— И конечно, Артемис Фаул, бывший выдающийся преступник, а ныне психопат. Как развивается болезнь, Артемис? Уверен, у тебя есть несчастливое число. Какое? Пять? Четыре? — Вероятно, юноша вздрогнул, и Финт понял, что угадал. — Значит, четыре. Хочешь узнать, откуда мне известно про твой синдром Атлантиды? От твоего друга Жеребкинса. Именно он снабжает меня картинками.

Артемис ничуть не удивился, что его параноидальные идеи пусть отчасти, но подтвердились.

Финт принялся расхаживать перед пленниками, будто генерал, отдающий последние приказы перед битвой.

— Я очень рад видеть всех вас здесь. Действительно рад. Ибо все вы можете мне пригодиться. Понимаете, моя жена очень стара, и, чтобы сохранить ей жизнь и вернуть молодость, мне нужен очень могущественный волшебник.

У Артемиса округлились глаза. Он сразу же все понял. Все было затеяно с целью выманить Номера Первого из Гавани.

— Ваш друг, Номер Первый, будет помогать раненым на борту «Ностремиуса». Мы проникнем туда, притворившись пациентами, и заставим его покинуть лодку при помощи моих по-

трясающих лазеров. Но до сих пор оставался небольшой риск, что малыш попытается улизнуть, используя свои магические силы, прежде чем я успею подчинить его себе. А теперь Элфи Малой, его лучший друг во всем мире, сама приведет его ко мне.

Финт повернулся к Юниксу.

— Прикажи боту выплюнуть капитана Малой.

Юникс взглянул на компьютерное отображение бота и его содержимого на стене и одним касанием пальца вытащил Элфи из геля. Бот повторил его действие почти мгновенно. Элфи чувствовала себя так, словно некое чудовище стошнило ею на холодный металлический пол. Она полежала, тяжело дыша, пока легкие не привыкли заново вдыхать чистый воздух. Открыв глаза, она увидела Финта. Эльф ухмылялся, склонившись над ней.

— Со временем я стал все чаще вспоминать о тебе, — сказал он и ударил ее ногой в черном ботике по ребрам. — Я не забыл, как ты посадила меня в тюрьму. Впрочем, неважно. У тебя появился шанс искупить свою вину, оказав мне услугу.

Элфи выплюнула на палубу сгусток геля.

— Это вряд ли, Финт.

Тот ударил ее еще раз.

— Всегда будешь обращаться ко мне по званию.

— Сомневаюсь,— процедила Элфи.

— А я не сомневаюсь,— сказал Финт, наступив ей на горло, и достал из кармана предмет, напоминающий фонарик в виде авторучки.

— Похоже на фонарик.

Элфи не ответила, но начала подозревать в тоненьком цилиндрике большую опасность, чем просто яркий лучик.

— Все верно, он способен не только освещать. Как ты наверняка догадалась, я давно увлекаюсь рунами черной магии. Незаконно? Да. Но почти все мои дела незаконны, так стоит ли волноваться? Этот маленький лазер выжигает руну прямо на коже существа, которое я желаю поработить. Никакой магии. Поскольку у меня на теле имеется соответствующая руна, ты станешь моей рабыней навеки.

Финт показал Элфи большой палец, на подушечке которого краснела поработившая Дубца руна. Теперь, когда водяного не стало, магия символа обратится на нового пленника.

— Кстати, знаешь что, дорогая? В моей организации как раз образовалась вакансия.

Крут включил лазер, подождал, напевая, пока кончик не накалится докрасна, а затем при-

жал его к шее Элфи, заклеив ее порабощающей руной.

Эльфийка вскрикнула и забилась в вызванном черной магией припадке.

— Менее приятно, чем простое прикосновение, — заметил Финт, отступая на несколько шагов на случай, если жертву стошнит.

Приступ длился менее минуты, Элфи вытянулась на полу, дыша неестественно часто, ее веки затрепетали.

Финт облизнул начертанную кровью руну на своем большом пальце.

— А теперь, мисс Малой, как вы смотрите на идею похитить колдуна?

Элфи поднялась на ноги, руки у нее безвольно висели вдоль тела, взгляд блуждал.

— Будет сделано, капитан.

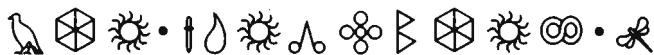
Финт похлопал ее по спине.

— Так-то лучше, Малой. Разве ты не чувствуешь себя более свободной, лишившись выбора? Просто выполняешь приказы и ни за что не отвечаешь.

— Да, капитан. Чувствую себя более свободной.

Финт передал ей «нейтрино».

— Можешь убить любого, кто встанет на твоём пути.

Элфи, как опытный солдат, проверила уровень зарядки батареей.

— Убью любого, кто встанет на моем пути.

— Что за прелесть эти лазеры,— сказал Финт, вертя в пальцах устройство для нанесения рун.— Нужно обработать еще кого-нибудь. Юникс, прикажи ботам выплюнуть этого сопляка Фаула. Приятно обзавестись ручным гением.

Юникс провел пальцем по сенсорному экрану, и Артемис, задыхаясь, как выброшенная на берег рыба, рухнул на пол.

Подводная лодка «Ностремиус», впадина Атлантиды

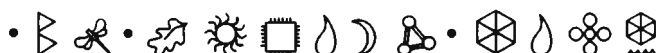
Юный демон-колдун, взявший себе имя Номер Первый, пребывал в крайнем расстройстве. Он отличался большой чувствительностью, которую трудно было заподозрить в обладателе серой бронированной шкуры и головы с низким лбом, выраставшей, казалось, прямо из грузных плеч. Но он действительно ощущал чужую боль как свою, и именно эта особенность, по словам учителя, сделала его таким превосходным магом.

Много было боли в волшебном мире сегодня. Учиненные марсианским зондом разру-

шения в Исландии и в Атлантиде стали самыми страшными за последнее время бедами волшебного народа. Случись такое в мире людей, наверное, не все крупные станции потрудились бы сообщить об этом в новостях, но малочисленные и осторожные по природе подземные жители воспринимали последствия двух связанных с зондом бедствий, да еще обрушившихся в один день, как катастрофические. Правда, еще более масштабной трагедии удалось избежать благодаря своевременной эвакуации населения Атлантиды.

Номер Первый не успел начать скорбеть по погибшим друзьям, когда полиция Нижних Уровней сообщила, что Элфи, Жеребкин и Артемис живы. Майор Труба Келп попросил его отправиться на борту «Ностремиуса» в Атлантиду и помочь исцелить пострадавших от вызванной падением зонда ударной волны. Молодой демон немедленно согласился, понадеявшись хоть немного отвлечься от грустных мыслей, помогая кому-то. А потом просочились слухи, будто спасательная капсула Элфи утонула и все находившиеся на борту погибли. Это было уже слишком трудно вынести: сначала мертвые, потом живые и снова мертвые. Если бы у Элфи осталось хоть немного магии, Но-

мер Первый почувствовал бы ее, но сейчас его чутье молчало.

Вот уже несколько часов Номер Первый, не щадя себя, исцелял страждущих. Он сращивал кости, закрывал глубокие раны, восстанавливал поврежденные органы, извлекал морскую воду из легких, успокаивал впавших в истерику и в самых сложных случаях удалял все тяжелые воспоминания. Впервые с тех пор как стал колдуном, Номер Первый несколько приотмился. Но уйти он не мог, поскольку динамики подводной лодки сообщили о швартовке очередного санитарного судна.

«Нужно поспать,— подумал демон устало.— Но без сновидений. Мне может сниться только Элфи. Просто не верится, что ее больше нет».

Что-то заставило его поднять взгляд, и он увидел Элфи Малой, идущую по коридору к двери изолятора. От неожиданности Номер Первый даже не удивился.

«Это Элфи, но идет она как-то странно. Словно находится под водой».

Номер Первый закончил сращивать кость и предоставил медсестре завершить работу. Он прошаркал к защитной двери, где Элфи проходила проверку сетчатки глаза. Компьютер под-

твердил подлинность ее удостоверения офицера полиции Нижних Уровней, и пневматическая дверь с шипением открылась.

Номер Первый выскочил в коридор, не дав Элфи войти.

— Эта зона должна оставаться стерильной,— объяснил он. Не самые удачные слова для друга, который только что воскрес из мертвых.— А у тебя такой вид, словно ты выбралась из свалки ядовитых отходов.— Он крепко обнял ее.— И пахнет от тебя, как от свалки ядовитых отходов. Но ты жива. Хвала богам. А Жеребкинс? Скажи, что он жив. А Артемис? Было невыносимо услышать, что вы все погибли.

Элфи отвела взгляд.

— Артемис болен. Пойдем со мной.

Номер Первый мгновенно пришел в отчаяние — настроение у него менялось быстро, как у маленького ребенка.

— Артемис болен? О нет! Привези его сюда, и мы его вылечим.

Элфи повернулась и направилась к выходу.

— Нет, его нельзя перевозить. Ты должен сам пойти к нему.

Номер Первый не задумываясь двинулся за другом.

— Какой-нибудь перелом? Артемиса нельзя перевозить? А Жеребкин в порядке? Куда вы попали?

Но ответов маленький демон не получил и просто следовал за по-военному прямой фигуркой Элфи сквозь толпу ходячих раненых мимо наспех установленных коек в коридоре. Запах дезинфицирующих средств обжигал его ноздри, а от криков раненых сжималось сердце.

«Я просто быстро исцелю Артемиса. Может, полежу минутку и сразу вернусь к работе».

Номер Первый отличался добротой и доверчивостью, ему и в голову не пришло проверить состояние самой Элфи. Он и предположить не мог, что лучший друг ведет его в рабство.

Финт сидел у койки спящей Леоноры на борту угнанного санитарного транспорта и держал ее за руку. У него немного кружилась голова из-за того, что в самый последний момент он изменил свой план. Поступок вышел самый благородный, и прилив адреналина напомнил ему дни юности.

— Пока не попал в тюрьму, я действовал чисто по наитию,— признавался он спящей Леоноре.— Служил капитаном в полиции Нижних Уровней и одновременно руководил преступ-

ным миром. Честно говоря, до моего появления преступного мира как такового не существовало. Утром я вел совещание, где обсуждалось, как бы меня арестовать, а вечером заключал сделки на черном рынке с бандами гоблинов.— Финт улыбнулся и покачал головой.— Славные деньки...

Леонора никак не реагировала на его слова, поскольку Финт счел за лучшее капнуть ей успокоительного, пока колдун не возвратит ей молодость. По разговорам о смерти он понял, что теряет власть над женой и что у нее не хватит сил пережить воздействие обновленной руны порабощения.

«Спи, любимая. Спи. Скоро все станет как прежде».

Как только капитан Малой вернется с демоном... А если нет? Тогда Финт поднимется на борт «Ностремиуса» и захватит демона силой. Возможно, он потеряет пару членов банды, но все они должны быть счастливы отдать жизнь ради жены своего предводителя.

Палубой ниже в помещении гауптвахты караулил пленных Бобб Лохби, и выполнение этой обязанности доставляло ему ни с чем не

Мульч решил не тратить силы на разговоры, просто оскалился, показав огромные зубы.

— Дану? — не унимался Лохби. — Не так уж они и большие. Чем больше я на тебя смотрю, Рытвинг, тем меньше верю в сказки, распускаемые твоими дружками в «Пьяном попугае». По мне, никакой ты не грабитель, Рытвинг. Скорее шарлатан. Обманщик, хвостун и врунишка!

Мульч поднял ладонь к лицу. Зевнул.

Артемису, после клеймения вернувшимся в липкие объятия аморфбота, оставалось только пытаться размышлять, ощущая, как исчезают остатки его и без того потрепанной личности. Отпечатавшаяся на шее руна тисками сжимала его волю. Он по-прежнему мог мыслить и разговаривать по собственному желанию, но это стоило ему огромных усилий. На этом основании Артемис вполне справедливо заподозрил, что при первом же указании от Флинта он лишится и этой остаточной способности. Стоит получить команду, и сопротивление станет невозможным.

«И Финт сможет приказать мне все, что угодно», — понял он.

Понаблюдав сквозь искажающий слой геля, как Лохби издевается над Мульчем, Фаул ре-

шил принять участие в споре, в надежде извлечь из этого какую-нибудь пользу.

Разговаривать сквозь гель получалось с трудом, так как формировать слова следовало, сжав зубы, чтобы гель не проникал в рот, но улавливал вибрацию голосовых связок.

— Привет, Лохби,— произнес Артемис.

Аморфобот, выдвинув гелевый динамик, преобразовывал колебания в слова.

— Вы только посмотрите! — обрадовался Лохби.— Раб заговорил. Чего хочешь, вершок? Может, тебя током треснуть?

Артемис оценил невозможность интеллектуального спора с таким существом и предпочел перейти напрямую к личным оскорблениям.

— Хочу принять ванну, гном. От тебя воняет.

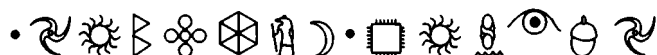
Лохби с готовностью отвлекся от Мульча.

— Круто! Я слышу речь не мальчика, но мужа. Ты в курсе, что телохранитель тебе не поможет?

Имей Дворецки лазерные глаза, в черепе у Бобба Лохби уже давно появились бы две дыры.

«Что ты задумал, Артемис? — недоумевал он.— Такие оскорбления не в твоём стиле».

— Я с тобой и без телохранителя разберусь,— продолжил юноша.— Хватит ведра воды и проволоочной щетки.

— Смешно,— сказал Лохби, однако веселья в его голосе поубавилось.

— Еще, наверное, какое-нибудь дезинфицирующее средство — чтобы твои микробы не расползлись.

— У меня грибок,— насупился охранник.— Это чисто медицинское состояние, и мне неприятно слышать, как ты говоришь об этом.

— О,— сказал Артемис.— Большой сильный гном обиделся?

Лохби решил, что с него хватит.

— Сейчас ты тоже обидишься,— рявкнул он и приказал боту пропустить через гель электрический разряд.

Артемиса пронзили белые молнии. Он несколько раз дернулся, словно марионетка в руках ребенка, и замер, потеряв сознание.

Гном расхохотался.

— Теперь не так смешно?

Дворецки зарычал — это прозвучало бы грозно, не преобразуй динамики бота рокот гнева в невнятное механическое урчание,— а потом рванулся наружу. Настоящий удар без надлежащей опоры он нанести, конечно, не мог, но каким-то образом ему удалось растянуть гель, и бот завершал, как от щекотки.

— Какие вы смешные, ребята.

Лохби позволил Дворецки выбиться из сил, а затем, когда зрелище ему наскучило, пропустил электрический заряд через гель, чтобы унять телохранителя. Заряд не обладал достаточной силой, и сознания гигант не лишился, но удар током его несколько успокоил.

— Двое — вне игры, — веселым тоном объявил гном. — Кто следующий?

— Я, — буркнул Мульч. — Я следующий.

Бобб Лохби обернулся и увидел тыльную часть Мульча Рытвинга, направленную в его, Бобба, сторону. Никакая ткань означенную часть не покрывала — другими словами, оружие замерло расчехленное и готовое к бою.

Лохби, сам гном и подписчик ежемесячника «Куда дуют ветры», понимал, чем это может обернуться.

— Не получится, — выдохнул он.

Лохби мог поразить Рытвинга электрошоком, но в этом случае лишился бы увлекательного зрелища. Если ситуация выйдет из-под контроля, нажать кнопку всегда успеется, а пока можно просто наблюдать. Он вовремя переключил камеры наблюдения на запись — вдруг капитану захочется посмотреть.

— Давай, Рытвинг! Если сумеешь вырваться, я сам подставлю свою задницу для пинка.

Мульч ничего не ответил. Он и так с трудом дышал внутри геля и не желал тратить энергию на подначки Бобба Лохби. Вместо этого он обхватил руками лодыжки и сосредоточил внимание на толстой кишке, разбухшей, словно очень длинная надувная змея.

— Давай, Мульч! — завопил Лохби. — Пусть народ гордится тобой! Сам знаешь, запись появится в сети буквально через пять минут.

Сначала появился пузырь размером с мускусную дыню. Эти большие пузыри назывались у тоннельных гномов пробками еще с тех времен, когда пробками закупоривали бутылки. Очень часто такие пузыри удалялись, дабы освободить проход для основного потока.

— Убедительная пробка, — признал Лохби.

Удалив пробку из системы, Мульч выделил ряд более мелких петард, чью начальную скорость гель быстро погасил.

— И это все, на что ты способен? — с искренним разочарованием спросил Бобб. — Я ожидал большего.

Но Мульч отнюдь не исчерпал своих запасов. Он выпустил более сотни других пузырей

разной формы — шаровидной, овальной. Лохби мог поклясться, что он увидел даже куб.

— Да ты просто выпендриваешься!

Пузыри разных форм и размеров появлялись непрерывно. Одни получались прозрачными, другие подозрительно мутными, в некоторых содержались клубы газа, потрескивавшего при контакте с гелем.

Бот обеспокоенно зачирикал, металлическое сердце замигало оранжевым, когда спектрометр попытался определить химический состав газа.

— А вот такого я еще не видел,— сказал Лохби, и его пальцы нависли над кнопкой шокера.

А пузыри шли и шли, и скоро аморфобот раздулся до размеров, вдвое больше исходных. Чириканье становилось все пронзительнее, пока от него не начали лопаться стоявшие рядом лабораторные колбы, потом перешло в ультразвуковой диапазон, равно недоступный слуху людей и представителей волшебного народа.

«Визг прекратился,— подумал Бобб.— Стало быть, опасность миновала».

Как выяснилось, он сильно ошибался.

Мульч практически исчез в облаке пузырей, его изображение многократно искажалось и отражалось их поверхностями. Пузырей ста-

новилося все больше и больше. Рывтинг показал себя убедительным подобием клоунской машины, вмещающей больше пассажиров, чем то дозволяется законами физики. Аморфобот раздулся до предела, от непомерного давления его поверхность пошла пятнами. Он запрыгал на месте, испуская струи таинственного мутного газа.

— Ладно, Мульч, я хорошо повеселился.— И Лохби, даже с некоторой неохотой, нажал кнопку шокера, чего, как оказалось, делать не следовало.

Даже аморфобот попытался не выполнить приказ, но гном настаивал, тыкал в кнопку пальцем, пока от двух узлов на металлическом сердце с треском не побежали уже знакомые искры.

Любой первокурсник химфака объяснил бы Лохби, насколько опасно возникновение искр рядом с неизвестным газом.

К сожалению, Лохби не водил знакомств с первокурсниками и очень удивился, когда выпущенный Мульчем газ начал воспламеняться, пузырь за пузырем, в цепной реакции мини-взрывов. Бот раздулся еще сильнее, его оболочка лопнула, и на пол струями хлынул гель. Он запрыгал от пола до потолка, потом прока-

тился по камере, подмяв под себя Лохби, будто гигантская шина. Тем самым аморфобот подтвердил надежность придуманной Жеребкинсом конструкции и стандартов, в соответствии с которыми сохранял целостность даже в самых опасных ситуациях. Он переносил гель из поврежденных областей в неповрежденные и пытался устранить течи.

Оглушенный охранник валялся на палубе, а бот, дрожа и то раздуваясь, то опадая, прилип к люку. И, как предписывалось для подобных случаев, приступил к выполнению глубоко скрытой команды самосохранения, которую Финт не удосужился блокировать. Если пробный образец, отобранный аморфоботом, представлял угрозу для его существования, объект немедленно отторгался. А этот зловонный гном представлял явную угрозу, поэтому аморфобот выбросил его на закопченную палубу, где Мульч и замер, окутанный клубами дыма.

— Зря я доел эту полевку под соусом карри,— пробормотал он и отключился.

Первым очнулся Бобб Лохби.

— Ну ты даешь! — сказал он, выплюнув комок обгорелого геля. — Ты выбрался, будь я проклят, поэтому я чувствую себя обязанным подставить задницу для пинка.

Лохби встал, поместив корму над лицом бесчувственного Мульча, но никакой реакции не дождался.

— Нет желающих? — спросил он. — Тогда не говорите потом, будто я не предлагал.

— Есть, — услышал он голос за спиной. — Не возражаешь, если я тебя пну?

Бобб обернулся и успел увидеть огромный ботинок, устремившийся к его задку, а за ботинком рассерженное лицо, несмотря на некоторую расплывчатость картинки в глазах гнома, несомненно принадлежавшее человеку по имени Дворецки.

Честно говоря, Мульч не рассчитывал вырваться из чрева аморфобота, он просто надеялся на несколько секунд отвлечь внимание Бобба Лохби, пока Жеребкинс осуществит одну из своих гениальных технических идей.

Это ему удалось. Пока Лохби наблюдал за пищеварительными упражнениями гнома, Жеребкинс синхронизировал компьютер, подобранный Артемисом на месте крушения, со своим аморфоботом. В лабораторных условиях на подключение и отправку одной строки кода, отключающей подаваемые украденным бло-

ком управления команды, ушло бы секунд десять, но подвешенный в аморфоботе кентавр потратил на это более половины минуты. Когда дисплей засветился зеленым, Жеребкинс связался по сети с другими ботами и передал им команду раствориться.

Буквально через полсекунды Джульетта и Дворецки вывалились на палубу, глаза у них слезились, а в горле першило от геля. Артемис по-прежнему находился без сознания в результате поражения электрическим разрядом.

Дворецки приземлился на ноги, выплюнул дрянь и бросился в атаку.

Бедняга Лохби не имел ни малейших шансов, Дворецки даже почти ничего не пришлось делать. С одного пинка гном впал в панику, заметался и врезался в металлическую скамью. Там он и обмяк, заскулив на удивление по-детски.

Дворецки мгновенно подскочил к Артемису и проверил пульс.

— Сердце в порядке? — спросила Джульетта, склонившись над Мульчем.

— Бьется, — ответил брат. — Больше ничего не могу сказать. Нужно переправить его в плавающий госпиталь. И Мульча тоже.

Гном закашлялся и пробормотал что-то о пиве и ватрушках.

— Что? Ватрушки под пиво? Или пивные ватрушки? — Джульетта бросила взгляд на брата. — По-моему, Мульч бредит, не разберу толком.

Дворецки снял с ремня у Бобба Лохби пистолет, потом бесцеремонно взвалил гнома на широкую спину Жеребкинса.

— Значит, так. Поступим следующим образом. Переправим Артемиса и Мульча на борт «Ностремиуса», а потом, если понадобится, я спасу Элфи.

Джульетта откинула назад голову.

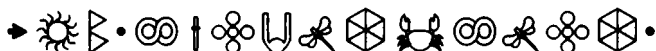
— Но Жеребкинс может...

— Шевелись, — прогремел Дворецки. — Уходим немедленно. Это не обсуждается.

— Ладно. Но если ты не вернешься к нам через пять минут, я приду за тобой.

— Буду весьма признателен, — отозвался Дворецки, закидывая на спину Жеребкинсу Мульча, а следом — бесчувственного Артемиса. — А если приведешь с собой попавшиеся на пути войска, так вообще здорово.

— Войска на борту плавучего госпиталя? — переспросил Жеребкинс, стараясь не принять

ваться к тому, чем его навьючили.— Это должно очень сильно повезти.

У Мульча вывалился изо рта язык и коснулся шеи кентавра.

— Ммм...— пробормотал гном.— Лошадь...
Ням-ням...

— Уходим,— с тревогой в голосе произнес Жеребкинс.— Уходим немедленно.

Санитарный транспорт выглядел крошечным по сравнению с нависшим над ним подводным кораблем. Транспорт имел всего две палубы: внизу помещались лазарет и карцер, где держали пленников, наверх уходил винтовой трап к мостику и небольшой каюте капитана — и больше ничего, кроме пары ниш, используемых под кладовки и для переработки отходов. К счастью для Дворецки и остальных, гибкий переход, соединяющий судно с «Ностремиусом», подвели к нижней палубе.

Кол Чугга наблюдал за коридором, ожидая возвращения Элфи с демоном-колдуном.

— Пожалуйста,— прошептала Джульетта, указав взглядом на гоблина.— Можно, я?

Дворецки придерживал Артемиса и Мульча на спине у Жеребкинса. Бобб Лохби его мало беспокоил.

— Развлекись, вернее, доставь этому парню удовольствие.

Джульетта, как настоящая артистка, не могла просто подскочить к Колу Чугге и вырубить его — все должно быть сделано красиво.

И она побежала по коридору, истерически крича:

— Помоги мне, мистер Гоблин! Спаси меня!

Кол убрал пальцы от шрамов на черепе, плохо заживших и потому непрерывно зудевших.

— Гм... спасти от чего?

Джульетта всхлипнула.

— Какой-то огромный безобразный гоблин пытается помешать нам покинуть судно.

Чугга потянулся за оружием.

— Кто пытается помешать?

— Огромный гнусный парень с воспаленными дырками в черепе.

Кол облизнул глазные яблоки.

— Воспаленными дырками? Эй, погоди-ка...

— Наконец-то, — сказала Джульетта и, сделав достойный фигуристски пируэт, нанесла удар своим фирменным нефритовым кольцом. Кол упал на пол гибкого коридора и сполз в нижнюю точку. Джульетта успела поймать его оружие на лету.

— Еще один готов,— сказала она.

— Могла просто треснуть его по башке,— проворчал Дворецки, проводя мимо нее Жеребкинса.— А то: «Помогите-спасите». Что за балаган... Разве современная женщина так себя ведет?

— Ведет, если не дура,— отрезала Джульетта.— Он даже выстрелить не успел.

Это не произвело на Дворецки ни малейшего впечатления.

— Он не должен был успеть даже вспомнить про оружие. В следующий раз просто бей гоблина. Хорошо еще, он не поразил тебя шаровой молнией.

— О нет,— вмешался Жеребкинс, заглядывая в переход сквозь веревочную занавеску, судя по всему пропитанную дезинфицирующим средством.— Никакого открытого огня рядом с переходом. В него накачана гелиево-кислородная смесь с высоким содержанием кислорода для поддержания давления. Одна искра — и мы взорвемся, а потом труба лопнет, и нас раздавит толща океанской воды.

Они гуськом вошли в гибкий подводный коридор. Конструкция поражала воображение. Труба представляла собой оболочку с двой-

ными стенками из сверхпрочного пластика, усиленную восьмигранными ячейками проволоочной арматуры. По всей длине тихо гудели воздушные насосы, и осветительные лампы привлекали к переходу внимание морских существ, включая любимого Артемисом гигантского кальмара. Тот обвил трубу щупальцами и пытался перекусить проволоочный каркас клювом. Его усеянные хитиновыми зубами присоски скользили по поверхности пластика, оставляя глубокие следы.

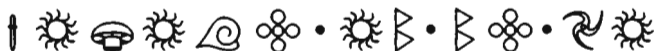
— Не волнуйтесь,— уверенно произнес Жеребкинс.— Эта тварь не сможет проникнуть сюда. Мы произвели тысячи стендовых испытаний.

— С настоящим гигантским кальмаром? — поинтересовалась Джульетта, почувствовав вполне оправданное беспокойство.

— Нет,— признался кентавр.

— Значит, только компьютерные имитации?

— Конечно нет,— возразил оскорбленный Жеребкинс.— Мы использовали маленького кальмара и уменьшенную модель подводного тоннеля. Все шло нормально, пока одному из моих лаборантов-гномов не приспичило полакомиться головоногим.

Джульетта поежилась.

— Просто мне не сильно нравятся гигантские кальмары.

— А кому нравятся? — фыркнул Жеребкинс и процокал копытами мимо нее в коридор.

Переход представлял собой пятидесятиметровую трубу с небольшим уклоном на обоих концах. Пол под ногами покрывало липкое вещество, призванное предотвратить случайное возникновение искр, и по всей длине тоннеля через равные интервалы располагались противопожарные бомбы с большой площадью действия, автоматически заполнявшие тоннель порошком в случае возгорания.

Жеребкинс показал на одну такую бомбу.

— Честно говоря, простая показуха. Если здесь возникнет хоть одна искра, даже гигантскому кальмару несдобровать.

Они шли по тоннелю, чувствуя холодное присутствие океана, вдыхая насыщенный кислородом воздух. Четырехпалубный подводный лайнер «Ностремиус» угрожающе нависал над ними, его выпуклые борта пестрели тысячами светящихся иллюминаторов, а сам он удерживался на месте дюжинами якорей размером с автобус. Гибкие подводные переходы тянулись

от множества шлюзов, и в них виднелись призрачные фигуры, снующие от других судов к «Ностремиусу» и обратно. Вся картина выглядела мрачной и сюрреалистичной.

Первым шел Жеребкин. Он нес на спине Артемиса, Мульча и храпевшего Бобба Лохби и на каждом шагу жаловался:

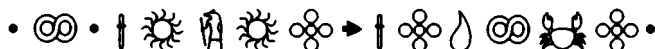
— Пассажиры! Кентавры не возят пассажиров. То, что у нас есть лошадиные спины, еще не значит, что мы должны делать лошадиную работу. Просто унижительно!

Ни Джульетта, ни Дворецки не обращали на его слова ни малейшего внимания. Над ними нависла смертельная опасность, и если им окажут сопротивление, подавить его придется очень быстро, иначе все они найдут последний приют на дне океана.

Лежавший на спине Жеребкинса Артемис застонал и зашевелился. Дворецки похлопал его по плечу.

— Спи пока, юноша. Нет смысла просыпаться.

Дворецки, при всем уважении к талантам Артемиса, представить себе не мог, какой от них прок хозяину в данной ситуации, особенно учитывая жуткого вида руну у него на шее.

Они миновали уже две трети тоннеля, когда люк со стороны «Ностремиуса» открылся и оттуда появилась Элфи с Номером Первым за спиной.

Взгляд эльфийки не выражал никаких эмоций, но она, спокойно оценив обстановку, достала из кобуры «нейтрино» и быстро прицелилась в лоб Дворецки. Судя по лицу, мишень не имела для нее значения.

— Нет, капитан Малой,— раздался за спиной у Дворецки голос Финта.— Отставить огнестрельное оружие.

Финт стоял у люка санитарного транспорта, рядом с ним, как всегда, маячил Юникс, чуть поодаль — Рыдван Подметка.

Джульетта находилась в арьергарде.

— А вот и наш жизнерадостный пират! — сказала она брату.— И его веселые придурки. Думаю, без оружия шансы у нас вполне приличные. Мне пойти немного поучить их уважать жизнь?

Дворецки поднял два пальца. «Подожди».

Худшего варианта развития событий любому телохранителю не пожелаешь: оказаться внутри прозрачной трубы на глубине нескольких миль, когда с одной стороны тебе противо-

стоит банда кровожадных беглых преступников, а с другой — порабощенный, но при этом очень опытный полицейский.

Бедняга Номер Первый до сих пор не понял, в какую драму угодил.

— Элфи, что происходит? Это одно из твоих сногшибательных приключений? Я должен кого-нибудь шарахнуть?

Элфи стояла с безразличным видом, но произнесенные Номером Первым слова услышал Дворецки.

— Никакой магии, Номер Первый. Одна искра — и мы все взорвемся.

Демон тяжело вздохнул.

— Ну почему бы хоть раз не устроить приятный пикник? Неужели нельзя обойтись без взрывов?

Артемис, застонав, сполз мимо Мульча со спины Жеребкинса на пол тоннеля.

Стоя в шлюзе угнанного санитарного транспорта и глядя вдоль тоннеля на Дворецки, Финт сообразил, что у него в колоде имеется несколько крапленых карт.

— А,— сказал он.— Мой маленький гений очнулся. Игра становится совсем интересной.

Дворецки повернулся боком, стремясь уменьшить площадь поражения. Об использовании

огнестрельного оружия и речи не шло, но холодного-то никто не отменял.

— Зайди обратно внутрь,— велел он Номеру Первому.— И закрой за собой крышку люка.

Демон похлопал Элфи по плечу.

— Элфи, я должен уйти? Другого выхода нет?

Эльфийка не ответила, но, коснувшись ее, Номер Первый почувствовал руну порабощения. Для него значок выглядел лиловым и злобным и, казалось, обладал собственным сознанием. В воображении демона присосавшаяся к мозгу Элфи змееподобная руна огрызнулась на его прикосновение и щелкнула ядовитыми зубами.

— Ой,— воскликнул Номер Первый, быстро убрав палец.

«Я могу снять заклинание,— подумал он.— Но действовать надо крайне осторожно, чтобы не повредить мозг, и нельзя допустить возникновения искр».

Он медленно отступил на шаг, но Элфи быстро обошла его и разбила запорный механизм шлюза, заблокировав двери. Теперь оставалось только ждать ремонтников, а они быстро не приходят.

— Тебе не удастся сбежать, главный демон,— сказал Финт.— Мне нужна твоя магия.

«Моя магия,— подумал Номер Первый.— Возможно, не все потеряно. Для гипноза не требуются искры».

— Элфи, послушай меня,— обратился к подруге демон, его голос буквально сочился колдовством.— Посмотри мне в глаза.

Больше он ничего не успел произнести, потому что Элфи ударила его ребром ладони точно между бронированными пластинами на груди и шеей. Прямо по дыхательному горлу. Демон, ловя ртом воздух, рухнул на пол. Даже дар речи мог вернуться к нему только через несколько минут.

Финт зло расхохотался.

— Похоже, руна оказалась сильнее гипноза.

Дворецки постарался отрешиться от экзотических внешних обстоятельств, как от взрывоопасного газа, которым они дышали, или злого взгляда гигантского кальмара, пытавшегося добраться до них сквозь прозрачные стенки трубы, и оценить ситуацию как обычную драку в темном переулке.

«Я сотни раз попадал в подобные расклады. Нас обошли с флангов, но мы с Джульет-

той справимся с врагами, даже если их окажется значительно больше. Элфи в состоянии сопротивляться, но находится под гипнозом, и это, несомненно, замедлит ее реакцию. Почему Финт чувствует себя так уверенно, взяв с собой только гнома и спрайта?»

— Готова, сестренка? — спросил он.

— Жду команды, — ответила та.

— Я займусь Финтом с приятелями. Ты удержи Элфи, без ущерба для нее, насколько это возможно.

— Договорились, брат.

— А мне что делать? — спросил Жеребкинс, сисясь не заржать от страха.

— Встань над Артемисом и Мультчем и охраняй их.

— Хорошо, Дворецки, — отозвался кентавр, как всегда в критических ситуациях чувствуя себя абсолютно беспомощным. — Можешь на меня рассчитывать.

Дворецки и Джульетта поменялись местами, незаметно коснувшись руками друг друга.

— Будь осторожна. Элфи проворна.

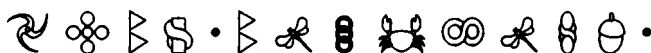
— И ты тоже. Я не доверяю этому Финту.

Как оказалось, оба заявления соответствовали истине. К сожалению, Дворецки разрабо-

тал план их действий без учета жизненно важной информации. Во-первых, Элфи не находилась под гипнозом; ее поработили с помощью руны, а руны, в отличие от гипноза, не замедляли реакции лица, попавшего под их влияние, но ускоряли их. На самом деле руны обеспечивали жертве, попавшей под их влияние, гораздо лучший доступ к запасам жизненных сил. Кстати, именно поэтому существа, подвергнутые долгосрочному порабощению, могли буквально сжечь себя, если пребывали в напряжении слишком долго. Во-вторых, Дворецки понятия не имел, что Финт предвидел вероятность прорыва с боем через подводный тоннель и вооружился соответствующим образом.

Обоих Дворецки уделали в несколько секунд. Джульетта стремительно ринулась на Элфи — без лишней болтовни и театральных движений, ведь Элфи была серьезным противником. Серьезный противник с равнодушным видом стоял перед ней, опустив руки, до последнего момента, потом пригнулся настолько быстро, что, казалось, на том месте, где только что была Элфи, осталось ее призрачное изображение, и сбила Джульетту с ног. Девушка врезалась головой в пол, а немного придя в себя,

увидела сидящую у нее на груди Элфи и упершийся в лоб «нейтрино».

— Никаких искр,— силло выдохнула Джульетта.— Только не искры.

— Никаких искр,— тупо повторила Элфи и, засунув ствол оружия в вырез костюма Нефритовой Принцессы, нажала на курок. Джульетта вздрогнула и потеряла сознание. Никаких искр.

Дворецки на своем конце трубы не бросился в атаку столь опрометчиво. Он легко мог взять верх над Финтом и его подручными. Возможно, хватило бы одного угрожающего движения, чтобы они в страхе ретировались.

Финт тем не менее вид имел несколько раздраженный, но совсем не испуганный.

— Мистер Дворецки, неужели вы, столь долго прислуживавший гениальному стратегу, не догадались, что не менее гениальный стратег предвосхитит ваш следующий шаг?

У Дворецки упало сердце. Финт был вооружен.

Оставалось только попытаться преодолеть расстояние между ними, пока Финт не успел прицелиться. И ему это почти удалось, но «почти» в бою ничуть не лучше резиновых спиц на конкурсе вязания.

Финт отстегнул короткоствольный пистолет, болтавшийся на ремне за спиной, и восемь раз выстрелил Дворецки в грудь и голову. У теплохранителя закатились глаза, но он по инерции продолжил двигаться вперед, и Крут поспешил отскочить в сторону, чтобы не оказаться раздавленным. Рыдвану и Юниксу повезло меньше. Дворецки рухнул на них, как метеорит, выбив воздух из легких и сломав несколько ребер.

— Ole! — воскликнул Финт, всегда посещавший корриду, когда оказывался в Испании. Судя по всему, потеря банды его ничуть не беспокоила.

Вибрация, очевидно, привела в действие один из наиболее чувствительных огнетушителей, и тот мгновенно заполнил тоннель белым порошком.

— О, погода просто ужасная!* — пропел Финт, прицелившись в Жеребкинса, храбrivшегося изо всех сил. — Нравится мое оружие? Разработано для подавления первых бунтов гоблинов. Чистая химия. Стреляет парализу-

---

* «Oh, the weather outside is frightful!» — первая строчка из рождественского шлягера Фрэнка Синатры «Let It Snow». (Прим. ред.)

ющими шариками, покрытыми солью винной кислоты золпидема. Приводится в действие газом, гильзы растворяются. Никаких искр. Иногда применение примитивных технологий оправданно.

Артемис вдруг глубоко вздохнул, словно только что вынырнул на поверхность океана.

— А, мой гений всплыл. Встань, Артемис, я приказываю тебе.

Фаул, весь засыпанный белым порошком, с трудом поднялся на ноги.

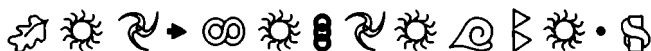
— Прошу тебя, придуши для меня кентавра.

Артемис попытался найти опору на широкой шее Жеребкинса, потом сжал ее изо всех своих невеликих сил, вызвав у кентавра скорее неловкость, чем боль.

Финт смахнул скупую слезу.

— Это уже слишком. Но я вынужден проявить снисходительность — меня ждет Леонора. Артемис, пойдем со мной, и ты, капитан Малой. Не забудь прихватить с собой демона. Мы должны уйти, прежде чем взорвутся генераторы санитарного судна.

Артемис и Элфи выполнили приказ, действуя как автоматы. Элфи тащила за шиворот бедного Номера Первого, а Артемис прошел

мимо Жеребкинса, не удостоив того даже взглядом. Рыбы и гигантский моллюск зачарованно наблюдали за ними — подводная жизнь довольно монотонна, а тут какое-никакое, а развлечение.

Финту вдруг захотелось быстрее покинуть это место.

— За мной, рабы. Где ваше хваленое проворство?

Артемис зашагал со скоростью, которой от него никто не ожидал.

— Так лучше,— одобрил Финт.— Возможно, я сохраню тебе жизнь.

— Приятно слышать,— отозвался юноша.— Обязательно передам ему при встрече.

— Гм,— произнес озадаченный Финт и тут же почувствовал, как человек, выглядевший Артемисом Фаулом, ткнул его напряженными пальцами в живот.

— Дворецки показывал этот удар Артемису тысячу раз. Он не слушал, а я все запомнил.

Финт хотел что-то сказать, но у него перехватило дыхание. Впрочем, он не нашелся бы с ответом, даже если бы мог говорить.

— Потому что я не Артемис Фаул, подлый эльф,— сказал Орион, выхватив пистолет из безвольной руки Финта.— Я — молодой роман-

тик, который всегда знал, что его час настанет, и потому внимательно слушал Дворецки. И вот час пробил, и я к нему готов.

У Финта хватило воздуха всего на одно слово:

— Как?..

— Артемис искал способ избавиться от власти руны, контролировавшей его разум, поэтому спровоцировал твоих болванов поразить его током, освободив тем самым меня. А надо мной твоя руна не властна.

Финт прижал ладони к животу.

«Ну конечно, синдром Атлантиды! Вторая фаза».

Он уперся локтями в колени и прохрипел:

— Элфи, убей его. Убей мальчишку.

Орион быстро повернулся и навел пистолет на Элфи.

— Прошу тебя, прекрасная дева. Ради общего блага не вынуждай мою руку наносить удар.

Элфи оттолкнула Номера Первого и быстро побежала зигзагом.

— Артемис не умеет стрелять! — прорычала она.

Орион расправил плечи и вытянул руки, поддерживая правую руку левой. Оба «я» Артемиса свободно владели обеими руками, но

Орион предпочитал работать правой. Он отлично помнил слова, которые Дворецки не устал повторять ему: «Прицелься вдоль руки. Потом выдохни и плавно нажми на курок».

Первый шарик попал Элфи в щеку, второй — в лоб, третий угодил в плечо, но под кожу проник не сразу. Элфи по инерции поднялась до середины дугообразной стены, но затем тело перестало ей подчиняться, и она ничком упала на пол.

Орион повернулся к подкрадывавшемуся к нему Финту.

— Замри, гнусный демон.

— Эй! — воскликнул Номер Первый, переводя дыхание.

— Прошу прощения, добрый маг, — отозвался Орион. — Я имел в виду только этого врага.

— Четыре! — с отчаянием в голосе произнес Финт. — Четыре, четыре, четыре!

Орион рассмеялся надменным смехом героя.

— Нетут-то было, Финт Крут. Твои гнусные планы разрушены. Смирись с судьбой.

Лицо Финта побагровело. Подобная реакция была семейной чертой Крутов.

— Мне нужен демон! — закричал он, брызгая слюной. — Отдай его мне, или мы все погибнем!

— Время пустых угроз миновало, мой друг. Тебя перехитрили. Сиди спокойно и жди, пока мой товарищ, благородный жеребец, свяжет тебе руки.

Финт, откашлявшись, сделал глубокий вдох и выпрямился.

— Нет! У меня еще остался козырь. Это санитарное судно заминировано. Автопилот выведен из строя, защита генератора отключена. Назад пути нет. Отдайте мне демона, и я погружу шаттл на дно впадины, а потом уйду в чреве аморфобота. Там хватит места еще для одного существа кроме Леоноры. Могу взять тебя вместо Номера Первого.

Жеребкинс облизнул губы.

— А... Ладно. Только небольшая проблема — я растворил аморфоботов.

— Так вот каков был твой план! — воскликнул Орион, размахивая пистолетом, словно абордажной саблей. — Забрать нужное, а улики уничтожить взрывом!

Финт пожал плечами, внезапно совершенно успокоившись. Он всегда знал, что подобный день настанет.

— Раньше всегда получалось. — Он посмотрел на таймер своего наручного компьютера. — Через пять минут шаттл взорвется, и мы все

погибнем. Если позволите, я предпочел бы оказаться рядом с женой.

Обернувшись, он увидел, что супруга ближе, чем он ожидал. Леонора, тяжело опираясь на трость, стояла у закрывавшей подводный тоннель шторы. Лицо ее отливало бледностью в свете ламп.

— Финт, что происходит? — Говорила она с трудом, но широко открытые глаза смотрели ясно. Яснее, чем при первой их встрече.

Финт бросился к ней и обнял за плечи.

— Любимая, зачем ты встала! Скоро все будет в порядке.

— Ты сказал, корабль скоро взорвется, — резко, как никогда прежде, произнесла Леонора.

У Крута от удивления округлились глаза — его любимая жена никогда не разговаривала с ним подобным тоном, — но потом на губах у него заиграла легкая улыбка.

— Разве это имеет значение, если мы вместе? Даже смерть не сможет нас разлучить.

Леонора нашла силы выпрямиться.

— Я готова погрузиться в вечный сон, Финт. Но ты молод, и эти люди молоды. И разве мы не пришвартованы к плавучему госпиталю?

— Да, пришвартованы, но они враги. Они преследовали меня.

Финт лизнул начертанную на большом пальце руну, но Леонора уже освободилась от его власти.

— Думаю, и ты далеко не безупречен, милый, но я была ослеплена любовью. Я всегда любила тебя, Финт. И всегда буду любить.

Орион забеспокоился. Время шло, а он не испытывал ни малейшего желания узреть обожаемую Элфи в эпицентре взрыва.

— Отойдите в сторону, мадам,— обратился он к Леоноре.— Я должен погрузить этот корабль на дно впадины.

Леонора дрожащей рукой подняла трость.

— Нет, я сделаю этот путь в одиночестве. Я и так слишком долго прожила на этой земле и закрывала глаза на творившееся вокруг. Теперь я наконец улечу туда, где никогда не мечтала оказаться.— Она провела ладонью по залитым слезами щекам Финта и поцеловала его.— Наконец-то я снова смогу летать.

Финт нежно обнял жену.

— Ты сможешь летать, ты будешь летать, но не сейчас. Этот полет смертельно опасен, а я без тебя не могу. Разве ты не хочешь вернуть былое?

— Наше время прошло,— просто ответила Леонора.— Возможно, мы встретились по ошибке. Теперь ты должен отпустить меня или попытаться остановить.

Этот ультиматум Финт боялся услышать с тех пор, как прикоснулся пальцем с руной к шее Леоноры. Он терял любимую и ничего не мог с этим поделать. Горе и смятение словно невидимым пером прочертили вокруг его глаз глубокие морщины.

— Я должна уйти, Финт,— тихо сказала Леонора.

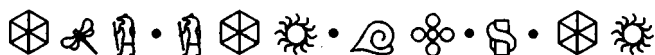
— Улетай, любовь моя,— произнес Финт. Он вдруг почувствовал себя таким же старым, как жена.

— Позволь сделать это для тебя, любимый, позволь спасти тебя, как ты спас меня так много лет назад.— Леонора поцеловала его и скрылась за шторой.

Финт постоял, опустив голову, его плечи затряслись. Потом он все же взял себя в руки, подошел к Ориону и показал пальцем на санитарный транспорт.

— Я должен идти. Леонора не сможет сама подняться по трапу.

С этими словами он ушел, и люк закрылся за его спиной.

— Сдержанно, но изящно, — произнес Орион. — Прекрасный уход.

Оба Дворецки лежали без сознания (что позже станет поводом для семейного подшучивания и взаимного смущения) и не видели, как угнанный санитарный транспорт отсоединился от гибкого перехода и отошел от «Ностремиуса». На мостике у пульта отчетливо виднелись Финт и Леонора. Шаттл по длинной изящной дуге погрузился на дно Атлантической впадины.

— Эта женщина — пилот высшего класса, — сказал Орион. — Уверен, они держат друг друга за руки и храбро улыбаются.

Через несколько мгновений адская вспышка озарила дно впадины, но миллионы тонн воды быстро погасили ее. Ударная волна тем не менее прокатилась по склону подводной скалы, срывая с места вековые кораллы, разорвала, как ребенок скакалку, воздушный тоннель и заставила гигантского кальмара поискать более безопасное место.

Всех находившихся в трубе героев и злодеев отбросило к люку «Ностремиуса», который буквально через несколько секунд открыл сбитый с толку техник. Бывалый моряк, к стыду своему, заверещал, как маленький спрайт,

увидев перед собой огромного, засыпанного белым порошком человека.

— Зомби! — завопил бедняга.

На его несчастье, у него за спиной, в воздушном шлюзе, находились два вахтенных матроса. Ему пришлось три недели угощать их пудингом в уплату за молчание.

Эпилог

Очнувшись, Артемис увидел склонившуюся над ним Элфи. Она смотрела озабоченно, тогда как видневшийся за ней Жеребкинс разглядывал его, будто подопытное животное.

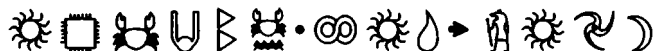
«Мне не больно,— подумал Артемис.— Скорее всего, мне дали какое-то лекарство».

И через несколько секунд: «Надо разрядить обстановку».

— А, моя принцесса. Благородный жеребец. Как вы себя чувствуете в это прекрасное утро?

— Д'арвит! — воскликнула Элфи.— Снова рыцарь в сверкающих доспехах!

— Гмм,— пробормотал Жеребкинс.— Таковы свойства синдрома Атлантиды. Невозможно предугадать следующее состояние. Я думаю, коктейль лекарств вернет Артемиса или, по

крайней мере, Орион откроет нам его замысел.— Кентавр наклонился ближе.— Орион, благородный юноша. Ты, случайно, не знаешь пароль от Артемисова компьютера?

— Конечно знаю,— ответил Артемис.— М-О-Л-О-Д-О-Й, пробел, О-С-Л-И-К.

Жеребкинс почти полностью записал эти слова, когда до него дошло.

— О, ха-ха. Артемис. Очень смешно. Кстати, я давно понял, что это ты.

Элфи не засмеялась.

— Ничего смешного. С синдромом Атлантиды не шутят.

При первом же упоминании болезни Артемис почувствовал, как в глубине сознания зашевелились четверки.

«Только не это»,— подумал он.

— Мне бы значительно полегчало, если бы вы поменялись местами,— сказал он, стараясь говорить спокойно и уверенно.— Кстати, будьте любезны, закройте шторы на двух иллюминаторах или откройте их, только не оставляйте в среднем положении. В этом нет никакого смысла.

Элфи очень хотелось встряхнуть Артемиса, только бы он вышел из этого состояния, но доктор Аргон из Братства психиатров просил

их развлекать юношу, пока того не доставят в клинику.

«Старая палата Опал Кобой свободна», — бодро сообщил психиатр, и Элфи прикинула, не придумывает ли он уже названия для неизбежной книги.

Поэтому она сказала:

— Хорошо, Артемис. Я поправлю шторы.

Прежде чем щелкнуть по иконке с изображением солнца возле шторы для осветления иллюминатора, она заметила стайку экзотических рыб, наслаждающихся теплом от прожектора рядом с кормовыми рулями «Ностремиуса».

«Все мы стремимся к свету, — подумала Элфи. И когда только успела она стать философом? — Если бы Артемис не думал слишком много, возможно, все бы обошлось. Надо с этим что-то делать».

— Артемис, — сказала она, попытавшись вложить в голос нотку оптимизма, — доктор Аргон спрашивал, нет ли у тебя каких-нибудь записей, касающихся...

— Моего погружения в безумие? — закончил за нее фразу Артемис.

— На самом деле он спрашивал о развитии синдрома. Говорит, почти все страдающие им

ведут дневники. Поскольку ощущают огромную потребность быть понятыми после...

— Смерти,— снова закончил за нее фразу Артемис.— Понимаю. Я до сих пор ощущаю тягу к записям.— Он снял кольцо со среднего пальца.— Это мой коммуникатор для связи с волшебным народцем, помнишь? Я вел видео-дневник. Увлекательное зрелище, по-моему Жеребкинс взял кольцо.

— Разреши переправить его Аргону Это позволит ему хоть немного во всем разобраться, прежде чем он привяжет тебя к креслу для помешанных.— Тут кентавр осознал бестактность сказанного.— Извини. Кобыллина постоянно твердит, какой я бесчувственный. Нет никакого кресла для помешанных, скорее там диван или кровать.

— Жеребкинс, мы все поняли,— перебила его Элфи.— Большое тебе спасибо.

Кентавр процокал к автоматической двери палаты.

— Ладно. Постараюсь отправить кольцо как можно быстрее. Еще увидимся. Кстати, берегись зловредных четверок.

Артемис поморщился. Элфи права. Синдром Атлантиды — это не смешно.

Эльфийка села на стул рядом с его койкой. Очень современной, со стабилизаторами и амортизаторами, но, к сожалению, коротковатой.

— Ты растешь, Артемис.

Юноша едва заметно улыбнулся.

— Знаю. В некоторых отношениях недостаточно быстро.

Элфи взяла его за руку.

— Если хочешь, можешь попробовать вывести себя из равновесия, только вряд ли получится. Жеребкинс накачал тебя таким количеством успокоительных средств, что лошадь и та бы уже давно спала.

Они оба улыбнулись этой шутке, но Артемис был слишком подавлен.

— Это не походило на наши обычные приключения, Элфи. Раньше кто-то одерживал верх, и в итоге мы становились богаче. Но на этот раз столько народу погибло, причем невинного, а никому лучше не стало. И все ради любви. Я даже не могу думать о Финте как о злодее — он просто хотел вернуть жену.

Элфи сжала руку Артемиса.

— Все могло обернуться гораздо хуже, не окажись мы в нужное время в нужном месте. Номер Первый жив благодаря тебе, не говоря

уже о тех, кто находится на борту этого судна. Как только ты справишься, мы займемся спасением мира при помощи твоего «Ледяного куба».

— Отлично. Это по-прежнему очень важно для меня, правда, я уже готов немного пересмотреть условия.

— Гмм. Я так и думала.

Артемис глотнул воды из стоявшей на тумбочке чашки.

— Я не хочу становиться совсем прежним Артемисом. Именно мое старое «я» привело к возникновению синдрома Атлантиды.

— Ты совершил некоторое количество скверных поступков, Артемис. Но не станешь их повторять. Позволь им остаться в прошлом. Отпусти их.

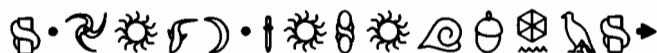
— Правда? По-твоему, такие вещи можно просто отпустить?

— Не так уж просто, но с нашей помощью у тебя получится, если ты на самом деле этого хочешь.

Артемис закатил глаза.

— Процедуры и микстуры, смилуйся небо...

— Доктор Аргон несколько тщеславен, но он хороший специалист. Возможно, лучший. Кроме того, уверена, Номер Первый даст тебе

волшебный антидот и удалит остатки искр у тебя из организма.

— Судя по твоим словам, будет больно.

— Возможно. Но ты среди друзей. Хороших друзей.

Артемис сел, откинувшись на подушки.

— Я знаю. А где Мульч?

— А ты как думаешь?

— Наверное, он сейчас на камбузе. Внутри какого-нибудь холодильника.

— И ты, скорее всего, прав.

— А как дела у Джульетты?

Во вздохе Элфи звучали одновременно любовь и озабоченность.

— Она решила устроить поединок с огромным пикси, имевшим неосторожность отпустить комментарий насчет ее косы. Пока я делаю вид, будто ничего не знаю, но скоро мне придется вмешаться.

— Жаль этого пикси,— заметил Артемис.— А где Дворецки? Как по-твоему, он сможет когда-нибудь мне доверять?

— Думаю, уже доверяет.

— Я должен поговорить с ним.

Элфи бросила взгляд в сторону коридора.

— Чуть попозже. Он занят очень щекотливым разговором по телефону.

Артемис мгновенно догадался, с кем беседует его телохранитель. Очень скоро ему самому предстояло сделать подобный звонок.

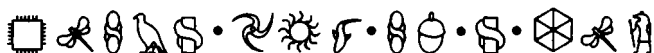
— Ладно,— произнес он беспечно, хотя синдром Атлантиды по-прежнему бурлил у него в висках, не позволяя испытывать беспечность.

«Упорядочи то,— твердил синдром.— Сосчитай это. Берегись четверок. Четверка — смерть».

— Я слышал, ты встречаешься с Трубой Келпом. Вы не планируете в ближайшее время расположиться биваком?

Дворецки поймал себя на приступе клаустрофобии. Ему определенно казалось, будто стены сжимаются вокруг него. И дело было не в коридоре, предназначенном для существ вдвое меньших размеров. Единственным местом, где он мог выпрямиться в полный рост, оставался спортивный зал, но это помещение не очень подходило для разговора, поскольку в данный момент младшая сестра вышибала там дух из гигантского пикси на глазах у врачей и пациентов. Скоро они станут боготворить Нефритовую Принцессу.

Дворецки сполз по стене на пол и достал телефон Артемиса.

«Может, здесь нет доступа к сети», — с надеждой подумал он.

Но доступ, разумеется, был. На целых четыре деления. Артемис проектировал свой телефон под доступ к любым сетям, включая военные и сети волшебного народца. Аппарат мог выйти из строя, только оказавшись на Луне.

«Ладно, не тяни. Набирай».

Дворецки, пролистав список, выбрал номер Ангелины Фаул. Несколько секунд ушло на соединение, ведь вызову пришлось пройти через Гавань к спутнику и только потом в Ирландию, после чего раздался тройной, обычный для сети волшебного народца гудок.

«Может, она спит...»

Но Ангелина сняла трубку после второго гудка.

— Артемис? Где ты? Почему не звонил?

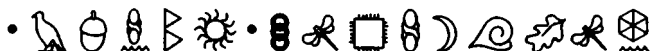
— Миссис Фаул, это я, Дворецки.

Услышав телохранителя по телефону сына, Ангелина, естественно, сразу же заподозрила худшее.

— О боже! Он умер? Зачем я его отпустила!

— Нет, с Артемисом все в порядке, — поспешил успокоить ее Дворецки. — Ни единой царапины.

Женщина заплакала в трубку.

— Слава богу. Я сама во всем виновата. Пятнадцатилетний мальчик собрался спасти весь мир, вместе с волшебным народцем. О чем я думала? Все. Хватит. Теперь — только нормальная жизнь.

«Я даже не помню, на что похожа нормальная жизнь», — подумал Дворецки.

— Я могу поговорить с ним?

«Начинается».

— Только не в данный момент. Его... усыпили.

— Усыпили? Дворецки, ты сказал, с ним все в порядке. Сказал, на нем нет ни царапины.

Гигант поморщился.

— На нем и вправду нет ни царапины. По крайней мере, внешне.

Дворецки мог поклясться, что слышал, как Ангелина Фаул на том конце канала закипает от злости.

— Что это значит? В детство впадаем? Прямо говорить разучились? Артемис ранен или нет?

Дворецки предпочел бы сразиться с ротой спецназа, поэтому тщательно подбирал слова.

— У Артемиса возникло некоторое расстройство, умственное. Похожее на синдром навязчивых состояний.

— О нет! — воскликнула Ангелина, и Дворецки показалось, будто она выронила телефон, но потом он услышал ее частое дыхание.

— Это лечится,— заверил он.— Скоро мы доставим его в клинику. Лучшую из клиник волшебного народца. Он абсолютно вне опасности.

— Я хочу его видеть.

— Увидите. За вами уже послали.

Тут Дворецки покривил душой, но не сомневался в том, что это станет правдой через несколько секунд после того, как он повесит трубку.

— Как близнецы?

— Няня согласилась ночевать у нас. Отец Артемиса сейчас в Сан-Паулу, у него там встреча на высшем уровне. Я должна все рассказать ему.

— Нет,— быстро возразил Дворецки.— Не принимайте решение сейчас. Сначала поговорите с Артемисом.

— Он узнает меня?

— Конечно,— ответил телохранитель.

— Хорошо, Дворецки. Пойду собираться. Скажи тем, кто приедет за мной, чтобы позвонили за десять минут.

— Обязательно.

— Кстати, Дворецки...

— Да, миссис Фаул?

— Позаботься о моем сыне, пока меня нет с ним рядом. Семья — самое главное в жизни, ты же знаешь.

— Я забочусь о нем, миссис Фаул. И впредь буду.

Связь прервалась, и лицо Ангелины Фаул исчезло с маленького экрана.

«Семья — самое главное в жизни, — подумал Дворецки. — Если тебе повезло».

В дверь просунулась голова Мульча, с бороды, где, казалось, запутались целые репки, капала какая-то вязкая жидкость, на лбу ярко синела мазь от ожогов.

— Эй, телохранитель! Поспешి в спортзал. Огромный пикси убивает твою сестру.

— Правда? — недоверчиво отозвался Дворецки.

— Правда. Джульетта сама на себя не похожа. Двух взмахов связать не может. Честно говоря, жалкое зрелище. Все ставки сделаны против нее.

— Понятно, — вздохнул Дворецки, выпрямляясь, насколько позволял тесный коридор.

Мульч придержал дверь.

— Станет еще интересней, когда ты придешь ей на помощь.

Дворецки усмехнулся.

— Я не собираюсь помогать ей. Просто хочу оказаться рядом, когда она перестанет притворяться.

— Ага-а,— протянул Мульч, начиная кое-что понимать.— Значит, надо ставить на Джульетту?

— Определенно,— сказал Дворецки и танком двинулся по коридору, обогнув лужу из репового супа.

СОДЕРЖАНИЕ

Артемис Фаул. Пока что все плохо	7
Глава 1. Холодные флюиды	12
Глава 2. Нефритовая Принцесса и Бешеный Медведь	75
Глава 3. Восход Ориона	113
Глава 4. Мальчишник Флойда	145
Глава 5. Вперед и вверх	166
Глава 6. Сброс балласта	209
Глава 7. Как я люблю тебя?	237
Глава 8. Наобумность	308
Глава 9. Запретная любовь	371
Эпилог	462

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Йон Колфер

АРТЕМИС ФАУЛ

Зов Атлантиды

Ответственный редактор *А. Етоев*
Редакторы *А. Кузнецова, Н. Аллунан*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *Е. Долгина*
Корректоры *Л. Ершова, М. Ахметова*

В оформлении использован рисунок Owen Richardson

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 60.
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 15.09.2011. Формат 84×108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 10 100 экз. Заказ 6698.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-899-52612-3

9 785699 526123 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями**
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234.
E-mail: vrzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н,
г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, в/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanco@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanco-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 385-48-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-86-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 801-0-801
www.bookvoed.ru

Артемис Фаул — гений, это общеизвестный факт.
Единственный человек, сумевший проникнуть
в тайны волшебного народца.
Наследник великой преступной империи Фаулов.
Незаурядно и широко одаренный юноша.
И при этом, по мнению многих, совершенно
невыносимый тип. Впрочем, за те три года,
что минули со времени его знакомства
с волшебным народцем, у Артемиса появились друзья.
Пройдя вместе с ним через огонь и воду,
пережив путешествия во времени
и в параллельные миры, они научились
принимать его таким, какой он есть.
Да и Артемис изменился.
Друзья стали даже поговаривать,
что он стал совершенно другим человеком.
Как же они ошибались!.. Это ему еще только предстоит.
Вот вы, например, способны представить себе
вежливого и дружелюбного Артемиса Фаула?
Правильно, неспособны.
Поэтому спасайся кто может!

Впервые на русском языке!
Новый роман из легендарной саги об Артемисе Фауле!

ISBN 978-5-699-52612-3

9 785699 526123 >